

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

Введение к посланиям к Тимофею и к Титу

Личные послания

Богословы уже издавна отмечали, что Послания к Тимофею и к Титу выделяются среди прочих посланий апостола Павла. Наиболее яркая их особенность заключается в том, что они, а также Послание к Филимону, написаны каждое одному человеку, а не церквям, как все другие Павловы послания. В Мураториевом каноне, который является первым официальным списком книг Нового Завета, сказано, что они были написаны "из личной привязанности и любви". Это скорее личные, нежели публичные послания.

Церковные, духовные письма

Но люди скоро заметили, что, хотя это и личные послания, хотя они и носят частный характер, они, не смотря на это, имеют большое значение как для всех людей, так и для всех эпох. В *1 Тим. 3,15* указана цель, с которой они были написаны. Они были написаны Тимофею, "чтобы ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины". Таким образом, люди увидели, что эти послания имели значение не только для их адресатов, но, и общедуховное, церковное значение. В Мураториевом каноне об этих посланиях далее сказано, что, хотя это и личные послания, написанные из личной привязанности, "они все же освящены почтением Церкви и значением, которое они приобрели в деле церковного воспитания". Тертуллиан сказал в свое время, что Павел написал два письма Тимофею и одно Титу, *содержанием которых является структура и положение Церкви*. Неудивительно поэтому, что первоначально этим посланиям было дано название Пастырские, Епископские.

Пастырские послания

Но со временем эти послания получили название, под которым они известны еще и сегодня - Пастырские Послания. Фома Аквинский еще в 1274 году писал о Первом послании к Тимофею: "Это послание представляет собой как бы пастырское наставление, данное апостолом Павлом Тимофею". В введении ко Второму посланию к Тимофею Фома Аквинский писал: "В Первом послании апостол Павел дает Тимофею наставления, касающиеся устава Церкви, порядка в Церкви; Второе послание посвящено вопросам *пастырского попечения*: оно должно быть столь большим и беззаветным, что пастырь должен пойти, если потребуется на мученическую смерть ради блага своей паствы". Но название *Пастырские* было дано этим посланиям лишь в 1726 году, когда крупный богослов Пауль Антон, прочитал под этим названием серию знаменитых лекций, посвященных этим посланиям.

Далее в этих посланиях говорится о том, как следует заботиться о пастве Божией и направлять ее, как должны вести себя люди в доме Божием; как следует направлять дом Божий, какими должны быть руководители церкви и церковные пастыри, как бороться за чистоту христианской веры и устранять грозящие ей опасности.

Молодая церковь

Эти послания очень важны для нас еще и потому, что в них мы видим картину молодой Церкви. В те времена Церковь была своеобразным островом в море язычества. Члены Церкви сами только что вышли из язычества, или, в лучшем случае, это сделали их родители. Было так легко вновь стать язычником и вернуться к прежнему образу жизни, от которого они только что отошли. Христиане того времени жили атмосфере, насыщенной пороками. Интересно также отметить, что, по словам миссионеров, пастырские послания больше всех

других отвечают интересам молодых, зарождающихся Церквей. В Индии, в Африке, Китае молодые Церкви каждый день встречаются ситуациями, получившим отражение в Пастырских посланиях. Эти послания никогда не утратят своей важности, потому что в них мы как нигде более видим те проблемы, с которыми постоянно сталкивается молодая растущая Церковь.

Церковный фон пастырских посланий

Эти послания с самого начала представляли проблему для ученых, изучающих Новый Завет. Многие из них чувствовали, что в том виде, в каком они дошли до нас, они не могли быть написаны апостолом Павлом. Что так люди думали уже давно, показывает тот факт, что бывший язычник Маркион, составивший первый список всех книг Нового Завета, не включил Пастырские послания в число Павловых посланий. Давайте посмотрим, что же заставляло людей сомневаться в том, что их написал Павел.

В Пастырских посланиях перед нами встает картина Церкви с довольно развитой структурой и организацией. В эту структуру включены *пресвитеры* (1 Тим. 5,17-19; Тит. 1,5-6); *епископы* или руководители церкви (1 Тим. 3,1-7; Тит. 1,7-16), и также *диаконы* (1 Тим. 3,8-13). Из 1 Тим. 5,17.18 мы узнаем, что в тех временах пресвитеры уже были церковными содержателями. Достоинство начальствующим пресвитерам сугубое чествование - вознаграждение. Из 1 Тим. 5,3-16 узнаем, что в те времена в Церкви уже существовал своего рода орден вдов, который приобрел столь важное значение в раннехристианской Церкви несколько позже. Таким образом, мы видим, что в то время Церковь уже имела довольно сложную структуру; как считают некоторые ученые-богословы, даже более сложную, нежели можно было бы ожидать для ранней эпохи зарождения христианской церкви, в которую жил и работал Павел.

Эпоха становления вероучения

Некоторые богословы даже утверждают, будто из этих посланий даже видно, что это была эпоха становления христианского вероучения. Слово *вера* изменило свое значение. Первоначально это слово всегда означало веру в особу. *Вера* была высшим единством любви, доверия и повиновения Иисусу Христу. Позже, однако, это слово стало означать *веру* в *вероучение*, в *доктрину*, приверженность этой доктрине. Говорят, что в Пастырских посланиях мы можем наблюдать становление этой перемены.

Позже будут люди, которые отойдут от *веры* и примкнут к учениям бесовским (1 Тим. 4,1). Хороший служитель Иисуса Христа должен питаться словами *веры и доброго вероучения* (1 Тим. 4,6). Еретики же - это люди, развращенные умом, невежды *в вере* (2 Тим. 3,8). Тит должен строго обличать людей, дабы они были здоровы *в вере* (Тит. 1,13).

Это становится особенно ясным в одном специфическом для Пастырских посланий выражении. Автор послания призывает Тимофея хранить "добрый залог, (вверенный тебе)" (2 Тим. 1,14). В греческом оригинале употреблено слово *паратеке*, переведенное в английской Библии как "доверенный тебе" и отсутствующего в русском переводе Библии. Это слово *паратеке* означало в греческом языке *залог*, вклад, данный банкиру или другому лицу на сохранение. *Паратеке* - это, собственно говоря, нечто такое, что должно быть возвращено или передано третьему лицу в совершенно таком же состоянии, без всяких изменений. Другими словами, ударение автор сделал на *ортодоксальности*. Вместо близких личных отношений к Христу, чем *вера* была в трепетные, волнующие времена раннехристианской Церкви, *вера* обратилась в принятие вероучения. Некоторые богословы даже находят в *Пастырских посланиях* эхо первого кредо веры.

"Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе,
показал Себя Ангелом, проповедан в народах, принят верою в мире,
вознесся во славе" (1 Тим. 3,16).

Это действительно звучит как отрывок из кредо веры, "верую", которое нужно было читать

наизусть.

"Помни Господа Иисуса Христа, от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему" (2 Тим. 2,8).

А это звучит как напоминание предложения из принятого кредо веры.

В *Пастырских посланиях*, несомненно, есть указания на то, что в то время большое значение придавалось правильному пониманию вероучения и принятию определенного символа веры, а также и то, что эпоха личного волнующего открытия Христа стала уходить в прошлое.

Опасная ересь

Совершенно очевидно, что *Пастырские послания* были написаны в эпоху, когда важное значение приобрела борьба против опасной ереси, угрожавшей благополучию и процветанию христианской Церкви. Если мы выделим все характерные черты этой ереси, то сможем даже определить ее.

Представители этой ереси отличались любовью к *умственным спекуляциям*. У них возникала масса вопросов (1 Тим. 1,4); их охватила страсть словопрений и дискуссией (1 Тим. 6,4); они задавались глупыми и невежественными вопросами (2 Тим. 2,23); Титу рекомендуется уклоняться их глупых рассуждений и вопросов (Тим. 3,9). Автор послания неоднократно употребляет слово *екзетесис*, переведенное как *состязания*, и *словопрения*, но имеющее значение *умозрительные, теоретические рассуждения*.

Совершенно очевидно, что эта ересь была занятием интеллектуалов, или, точнее, псевдоинтеллектуалов в Церкви.

Сторонники этой ереси отличались, кроме того, *гордыней*. Еретик горд, хотя он и ничего не знает (1 Тим. 6,4). Существуют указания на то, что эти интеллектуалы ставили себя выше простых христиан, в сущности, они вполне могли заявить, что полное спасение недоступно пониманию простого человека и открыто лишь им. Иногда в *Пастырских посланиях* делается ударение на слово *все*. Спасительная благодать Божия явилась *для всех* (Тим. 2,11). Бог хочет, чтобы *все люди* спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2,4). Интеллектуалы пытались сделать величайшую благодать христианства исключительным достоянием избранного меньшинства; в противовес этому истинная вера подчеркивает всеобъемлющую любовь Божию.

Но и внутри этой ереси были две противоположные тенденции. В ней было, с одной стороны, *аскетическое* направление. Еретики пытались сделать обязательными для всех особые нормы, регулирующие пищу и еду, забывая, что всякое творение Божие хорошо (1 Тим. 2,4,5). Они объявляли многое нечистым, забывая, что для чистых все чисто (Тим. 1,15). Вполне возможно, что они и на половую жизнь смотрели как на нечто нечистое, принижали брак и даже пытались убедить людей, вступивших в брак, расторгнуть его, ибо в Тим. 2,4 подчеркивается важность и обязательность первейших обязанностей брачной жизни для христиан.

Иные же еретики, напротив, отличались *безнравственностью*. Такие еретики даже вторгались в частные дома и обольщали слабых женщин, утопающих в грехах (2 Тим. 3,6). Они заявляли, будто знают Бога, но отрекались от Него в делах своих (Тим. 1,16). Они стремились навязать людям свое учение и иметь от этого корысть. Они использовали проповедь благочестия для увеличения своего дохода (1 Тим. 6,5). Они учили и обманывали в корыстных целях (1 Тим. 1,11).

Таким образом, эта ересь отличалась аскетизмом, чуждым истинному христианству, а с другой стороны, столь же чуждым христианству безнравственностью.

Этих еретиков характеризовали *разговоры, басни и родословные*, негодное пустословие (1

Тим. 6,20). Они бесконечно дискутировали о родословных 1 Тим. 1,4; Тим. 3,9, о старых баснях и мифах (1 Тим. 1,4; Тим. 1,14).

В определенной степени эти басни, мифы и родословные опирались на *иудейский закон*. К приверженцам этого закона относились также сторонники обряда обрезания (1 Тим. 1,10). Эти еретики хотели сами же и учить людей закону (1 Тим. 1,7). Они навязывали людям старые иудейские басни и нормы закона (Тим. 1,14).

И, наконец, эти еретики отрицали возможность *воскресения тела человеческого*. Они утверждали, что воскресение уже было и другого не может быть (2 Тим. 2,18). Это, возможно, указание на тех, которые утверждали, что христиане переживают лишь духовное воскресение, когда они умирают вместе с Христом и, когда воскресают с Ним в крещении (Рим. 6,4).

Зарождение гностицизма

Ну, а теперь зададим себе вопрос: существовала ли такая ересь, которой бы все это было свойственно? Да, такая ересь существовала по имени *гностицизм*. Основная мысль гностиков заключалась в том, что вся материя порочна, дурна и лишь дух - благо. А эта основная мысль вела к определенным следствиям. Гностики считали, что материя так же вечна, как и Бог и поэтому, когда Бог творил мир, Он должен был использовать эту, в сущности, порочную материю. Другими словами, в глазах гностиков Бог не мог быть непосредственным творцом мира. Чтобы иметь возможность прикоснуться к этой порочной материи, Он использовал, по мысли гностиков, эманации, излучение так называемых эонов, причем каждый из последующих отстоял от Бога все дальше и дальше предыдущего, до тех пор, пока, наконец, не было создано излучение эонов, которые могли вступить в непосредственный контакт с материей и сотворить мир. Таким образом, между Богом и человеком стоял длинный ряд этих излучений, причем каждое из них имело свое имя и свою родословную, и гностики действительно создавали бесконечные истории и бесконечные родословные. И, если человек, утверждали они, когда-либо хочет прийти к Богу, он должен подняться по этой лестнице излучений. А для этого ему, якобы, нужны особые знания, включая всевозможные пароли для прохождения каждой ступени. Лишь человек, обладающий высоким интеллектом, мог, по их мнению, надеяться овладеть этими знаниями и знать пароли, открывающие путь к Богу.

Далее, рассуждали гностики, если материя совершенно порочна, тело тоже совершенно порочно. Из этого они вновь делали два взаимно противоположных вывода: одни - что тело нужно содержать в жестких аскетических условиях, свести до минимума потребности, особенно половой инстинкт, или вообще искоренить. Другие же утверждали, что, коль скоро тело уже само по себе порочно, не имеет никакого значения, что человек делает с ним или с его инстинктами. Ему вовсе нет нужды сдерживать свои страсти и желания. Поэтому гностики становились либо аскетами, либо мораль вовсе переставала для них существовать.

Ну, а это все очень точно совпадает с положением, получившим отражение в Пастырских посланиях. Гностики отличались интеллектуальным высокомерием, склонностью к мифам и родословным, аскетизмом, а некоторые из них - аморальностью. Они отказывались верить в возможность воскресения тела. Все это составляло неотъемлемую часть ереси, против которой выступал автор Пастырских посланий.

Мы не отметили еще один аспект ереси, против которой выступал автор посланий - иудаизм и приверженность закону Моисея. Но и это было характерно для эпохи, в которую было написано послание: гностики и иудаисты иногда выступали сообща. Мы уже отмечали, что гностики утверждали, будто для того, чтобы взбираться по лестнице, ведущей к Богу, человеку нужны особые знания, и что, по мнению некоторых из них, характерной чертой добродетельной жизни является строгий и последовательный аскетизм. Ну, а некоторые иудеи утверждали, что именно иудейский закон и иудейские положения о пище и еде

обеспечивают людям определенные знания и необходимый аскетизм; и, поэтому, временами, иудаизм и гностицизм выступали единым фронтом.

Таким образом, совершенно очевидно, что Пастырские послания были направлены против ереси, имя которой - гностицизм. Некоторые исследователи-богословы пытались воспользоваться этим для того, чтобы доказать, что Павел не мог написать эти послания, потому что, дескать, гностики возникли лишь много позже эпохи Павла. И действительно, крупные законченные системы гностицизма, связанные с именами Валентина и Василида, возникли лишь во втором столетии. Но Валентин и Василид лишь систематизировали уже созданное до них. Главные идеи гностицизма носились в воздухе уже в период зарождения раннехристианской Церкви, даже во времена апостола Павла. Нетрудно видеть привлекательность этих идей для некоторых людей и опасность, которую причинило бы христианству их дальнейшее развитие: оно превратилось бы в умозрительную философию и погибло бы. Принимая во внимание гностицизм, Церковь боролась против одной из самых страшных опасностей, когда-либо угрожавших христианской вере.

Язык пастырских посланий

Наиболее важный аргумент, говорящий против Павловского авторства - совершенно очевидный в греческом оригинале, но не столь очевидный в переводах. Словарь Пастырских посланий составляет 902 слова, 54 из которых - личные имена; и из этих 902 слов - целых 306 никогда не встречаются ни в одном другом из посланий апостола Павла. Другими словами, более 1/3 всех слов из Пастырских посланий не встречаются в других посланиях Павла. Более того, 175 слов из Пастырских посланий вообще не встречаются где-либо еще в Новом Завете, хотя здесь будет уместно отметить, что 50 слов Пастырских посланий встречаются в других посланиях апостола Павла и не встречаются нигде более в Новом Завете.

Далее, даже тогда, когда в Пастырских посланиях и в других посланиях Павла говорится об одних и тех же вещах, сказано это по-разному, с употреблением разных слов и разных оборотов речи для выражения одной и той же идеи.

И, опять же, большинство любимых Павлом слов совершенно отсутствуют во Пастырских посланиях. Слова крест (*распятие*) - *стаурос* и *распинать* - *стаурон* встречаются 27 раз в других посланиях апостола Павла и ни разу в Пастырских посланиях, а однокоренные слова группы *свобода* встречаются 29 раз в других посланиях апостола Павла и ни разу в Пастырских посланиях. *Хуиос, сын* и *хиотесиа, усыновление* встречаются 46 раз в других посланиях Павла, и ни разу в Пасторских посланиях.

Более того, в греческом языке намного больше таких небольших слов, как *частицы* и *союзы* (энклитики), чем в английском. Иногда они изменяют лишь тон или ударение; каждое предложение в греческом языке связывается с предшествующим таким союзом энклитикой или частицей и часто они попросту непередаваемы. 112 этих частиц и союзов, которые Павел употребляет в общей сложности в 902 раза в других посланиях, никогда не встречаются в Пастырских посланиях.

Несомненно, все это требует какого-то объяснения. Словарь и стиль Пастырских посланий мешают поверить в то, что их написал Павел, так как он написал другие послания.

Деятельность Павла в период написания пастырских посланий

Но, пожалуй, наибольшая трудность возникает в связи с деятельностью, которой во время написания Пастырских посланий занимался Павел, потому что, насколько мы знаем его жизнь по книге Деяния святых Апостолов, в его жизни не могло быть места для такой деятельности. Совершенно очевидно, что он провел миссионерскую работу на острове Крит (*Тит. 1,5*). И он предполагает провести зиму в Никополе, который находился в Эпире, нынешней Македонии (*Тит. 3,2*). Но в жизни Павла, насколько мы ее знаем, не могло быть места на такую миссионерскую работу на Крите, ни на зимовку в Никополе; они попросту не

вписываются в его жизнь. Но, может быть, именно это и поможет нам в разрешении всей проблемы.

Был ли Павел освобожден из римской тюрьмы?

Давайте подведем итоги. Мы видели, что по Пастырским посланиям структура и организация Церкви представляется намного более сложными, чем по другим Павловым посланиям. Мы видели, что в них делается такой же акцент на правильном понимании вероучения, как и в период второго и третьего поколения христиан, когда волнение, связанное с новым духовным откровением заметно улеглось и Церковь постепенно становилась общественным институтом. Мы видели также, что Павел выполнял миссию или миссии, которые не вписываются в биографию Павла, известную нам по книге Деяний святых Апостолов. Но Деяния святых Апостолов не дают нам сведений о том, что случилось с Павлом в Риме. Там лишь сказано, что он целых два года жил на положении полу узника, проповедуя Евангелие, причем ему никаких препятствий не чинили (*Деян. 28,30.31*). Но там ничего не сказано о том, чем кончилось это заключение: освобождением Павла или его казнью. Правда, все считают, что это заключение завершилось осуждением и смертью Павла. Но существует также и совсем не незначительная традиция, согласно которой это заключение завершилось освобождением, после чего он два-три года провел на свободе, снова был брошен в тюрьму и казнен в 67 году.

Давайте рассмотрим этот момент, потому что он представляет громадный интерес для нас.

Во-первых, когда Павел находился в тюрьме в Риме, он считал освобождение возможным; складывается впечатление, что он ожидал его. Он писал филиппийцам, что посылает к ним Тимофея и продолжает: "Я уверен в Господе, что и сам скоро приду (к вам)" (*Фил. 2,24*). В Послании к Филимону, возвращая сбежавшего Онисима, Павел писал: "А вместе приготовь для меня и помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам" (*Флм. 22*). Несомненно он ждал освобождения, хотя неизвестно, пришло ли оно.

Во-вторых, давайте вспомним дорогой сердцу Павла план. Перед тем как отправиться в Иерусалим, в путешествие, во время которого он был арестован, Павел писал церкви в Риме, что очень хочет посетить Испанию. "Как только предприиму путь в Испанию, - писал Павел, - приду к вам. Ибо надеюсь, что проходя, увижусь с вами" (*Рим. 15,24.28*). Посетил он ее или нет?

Климент Римский в 90 году писал церкви в Коринфе, что Павел проповедовал Евангелие на востоке и на западе; что он учил весь мир (то есть Римскую империю) праведности и что он дошел до края на западе, прежде чем принял мученическую смерть. Что подразумевал Климент Римский под *краем (терма) Запада*? Многие утверждают, что под этим он имел в виду Рим. Конечно, человек, писавший где-то на востоке, в Малой Азии, мог подразумевать под *краем Запада* Рим, но ведь Климент Римский писал из Рима, и было бы трудно понять, чтобы для человека, живущего в Риме, *краем Запада* могло быть что-нибудь иное, чем Испания. Действительно, складывается впечатление, что Климент полагал, что Павел посетил Испанию.

Крупнейшим историком раннехристианской Церкви был Евсевий. В записи к биографии Павла Евсевий пишет: "Лука, написавший Деяния святых Апостолов, завершил свое повествование, сообщив о том, что Павел провел в Риме два года узником, пользуясь, однако, значительной свободой, проповедовал слово Божие без особых стеснений. Поэтому, добившись оправдания, апостол, говорят, был снова послан проповедовать, а вернувшись в этот город во второй раз, принял мученическую смерть" (Евсевий Кесарийский "Церковная история", 2.22. 2). Евсевий ничего не говорит об Испании, но ему было известно предание о том, что Павел был освобожден из своего первого заключения в Риме.

В Мураториевом каноне, первом списке книг Нового Завета, так охарактеризована модель жизнеописания, использованная евангелистом Лукой при написании книги Деяний святых

Апостолов: "Лука сообщил Тимофею все, чему он был свидетелем, а также, в особом месте, сообщает, очевидно, о мученической смерти Павла (он, очевидно, имеет в виду *Лук. 22,31.32*), но он не упоминает путешествия Павла из Рима в Испанию".

В пятом столетии два крупных отца христианской церкви были совершенно уверены в том, что Павел совершил это путешествие в Испанию. Так, Иоанн Златоуст в своей проповеди на текст *2 Тим. 4,20* говорит: "Святой Павел после проживания в Риме отправился в Испанию". Иероним в *Книге о знаменитых мужах* говорит, что Павел был "отпущен императором Нероном, чтобы проповедовать Евангелие Христово на Западе". Очевидно, что в Церкви сохранилась традиция, согласно которой Павел совершил путешествие в Испанию.

По этому вопросу мы еще и сами должны будем вынести решение. Но одна вещь вызывает у нас сомнения в исторической достоверности этой традиции: в самой Испании нет и никогда не было предания, что Павел работал и проповедовал в Испании, никаких других преданий о нем, никаких связанных с его именем мест.

Было бы попросту странно, если бы память о таком посещении совершенно стерлась. Вполне может, однако, быть, что вся история освобождения Павла и его путешествия на запад была попросту выведена из высказанного им намерения посетить Испанию (*Рим. 15*). Большинство богословов, изучающих Новый Завет, не считают, что Павел был выпущен из заключения; все считают, что он освободился только через смерть.

Павел и пастырские послания

Что же можно сказать о связи Павла с этими посланиями? Если мы примем версию о том, что он был освобожден, вернулся к проповедованию и учению слову Божьему и умер где-то около 67 года, то мы вполне можем допустить, что это он написал их. Если же мы не сможем принять эту версию - ив общем, все говорит против этого - можем ли мы тогда заявить, что они не имеют никакого отношения к Павлу вообще?

Следует помнить о том, что в древнем мире на все это смотрели не так, как у нас. В то время не было ничего дурного в том, если бы кто-то издал от имени своего великого учителя послание, будучи уверенным в том, что в нем изложено то, что этот учитель сказал бы в тех же обстоятельствах. В древнем мире считалось естественным и приличным, что ученик пишет от имени своего учителя. Никто не нашел бы ничего дурного в том, что один из учеников Павла ответил на новое и угрожающее положение, сложившееся в Церкви послание от имени Павла. Считать это подделкой - значит не знать образа мыслей древних. Может быть, говоря так, что мы впадаем в другую крайность и начинаем утверждать, что несколько Павловых учеников написали от его имени эти послания уже после его смерти, в эпоху, когда Церковь имела более сложную организацию и структуру, чем при его жизни?

На наш взгляд - нет. Невероятно, чтобы кто-то из его учеников вложил в уста Павла фразу о том, что он первый из грешников (*1 Тим. 1,15*); ведь они скорее стали бы подчеркивать его святость, нежели стали бы говорить о его греховности. Невероятно, чтобы кто-то, обращаясь в письме к Тимофею, стал бы давать ему простой совет пить немного вина ради его здоровья (*1 Тим. 5,23*). Все второе послание к Тимофею носит столь личный характер и наполнено такими деталями, что его мог написать только сам Павел.

Ну, так где же сокрыта истина? Вполне может быть, что случилось следующее. Совершенно ясно, что многие Павловы послания были утеряны. Помимо принадлежавших его перу великих посланий он, должно быть, вел и обширную частную переписку, из которой нам известно лишь маленькое письмо к Филимону. Вполне может быть, что в позднейшие времена в распоряжении одного из учителей Церкви оказались отдельные фрагменты переписки Павла. И этот учитель в определенный момент увидел, что его Церковь в Ефесе угрожает опасность со всех сторон: ересь угрожала ей извне и изнутри. Он видел, что ей грозила опасность отойти от своих высоких моральных норм чистоты непорочности и правды, что ее члены опускались, а требования их руководителей вырождались. А в его

распоряжении находились послания, в которых затрагивались злободневные для его церкви вопросы, но они были слишком краткими и фрагментарными, чтобы можно было просто опубликовать их в таком виде. И он расширил их, в высшей степени приблизив их к требованиям современной ему ситуации и послал их Церкви.

В Пастырских посланиях мы все еще слышим голос Павла, который очень часто звучит чрезвычайно интимно и лично, но мы полагаем, что своей формой послания обязаны одному из отцов Церкви, призвавшего на помощь Павла в эпоху, когда Церкви нужно было наставление, которое мог дать лишь он.

Глава 1

1-2

По повелению Бога (1 Тим. 1,1.2)

Никто никогда так не превозносил свое служение как Павел; но превозносил он его не из чувства гордости; он был удивлен тем, что Бог избрал его для выполнения такого задания. Уже в первых словах этого послания он дважды подчеркивает величие возложенных на него привилегий.

1) Во-первых, он называет себя *Апостолом Иисуса Христа*. Апостол, в греческом *апостолос*, которое в свою очередь, происходит от глагола *апостеллейн* - *отправлять, посылать вперед*. Апостол был человеком, отправленным вперед. Во времена Геродота это слово означало *посланник, посол*, человека, посланного представлять свою страну и своего царя. Павел всегда смотрел на себя как на посланника и посла Христа. И поистине, посланником должен выступать каждый христианин. Первой задачей каждого посла является установление связи между страной, в которую он послан и страной, из которой он прибыл. Он является связующим звеном между ними. А первейший долг каждого христианина и заключается в том, чтобы быть связующим звеном между братьями и Иисусом Христом.

2) Во-вторых, Павел говорит, что он употребляет слово *епитаге*, которое греки употребляют для обозначения обязательств, налагаемых на человека непререкаемым законом, для обозначения царского повеления, данного человеку царем, а также, и, прежде всего, для обозначения наставления, данного человеку непосредственно или через посредника Богом.

Павел мыслит себя человеком, получившим поручения от Бога.

Жизнь человека, осознавшего, что он послан Богом для выполнения Его задачи, озаряется новым светом. Какую бы скромную роль он не исполнял, он служит Богу.

Жизнь скучной не может быть

Если, однажды, распахнув окно настежь,

И увидев лежащий за ним огромный мир,

Скажем себе чудесную мысль:

"Божье дело зовет нас".

Сделать даже незначительную вещь для любимого, уважаемого и обожаемого нами человека - всегда привилегия. Христианин всегда выполняет дело Господа.

И далее Павел величает Бога и Иисуса двумя великими титулами.

Он говорит о Боге, *нашем Спасителе*. Это новое выражение. Такого титула Бога мы не находим больше ни в одном раннем послании Павла. Происхождение этого титула восходит к двум источникам.

а) Оно восходит к Ветхому Завету. Так, Моисей обвиняет Израиль в том, что он "оставил

Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего" Втор. 32,15. В Псалмах тоже поется о добродетельном человеке, который обретет свою праведность *от Бога спасения его*" (Пс. 24,5). И дева Мария сказала: "Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем" (Лук. 1,46.47). Называя Бога Спасителем, Павел обращается к традиции, которая всегда была дорога Израилю.

б) Но этот титул имеет и языческую традицию. Так сложилось, что как раз в это время титул *сoter*, Спаситель, получил широкое распространение. Люди же всегда употребляли его и раньше. В стародавних времена римляне называли Сципиона, своего великого военачальника, "наша надежда и наше спасение". Но именно в то время, когда было написано Послание к Тимофею, греки дали этот титул Эскулапу, богу исцеления и медицины. Этот же титул присвоил себе, помимо других, римский император Нерон. Таким образом, в предложении, которым начинается Послание к Тимофею, Павел дает Богу - Которому он по праву только и принадлежит - титул, бывший на устах у многих в том искавшем и страдавшем мире.

Мы никогда не должны забывать того, что Павел называл Бога Спасителем. Ведь люди иногда говорят об этом так, будто гнев Бога умирил нечто, свершенное Иисусом. Заложенная в их представлении мысль заключается в том, что Бог был склонен уничтожить нас и разрушить все, но Иисус как-то обратил Его гнев в любовь. Но в Новом Завете нет ничего, что могло бы обосновать такое представление. Именно потому, что Бог так *возлюбил* мир, послал Он в него Иисуса (Иоан. 3,16). Бог-Спаситель. Никто не должен думать, проповедовать или учить, будто Бога нужно было умиротворить и побудить к любви к нам, ибо все имеет своим началом Его любовь.

Надежда мира (1 Тим. 1,1.2 (продолжение))

Павел величает также Иисуса именем, которое станет в дальнейшем одним из величайших Его титулов - "Христос Иисус, *надежда наша*". Давным-давно когда-то вопрошал псалмопевец: "Что унываешь ты, душа мой?" и сам же отвечал: "Уповай на Бога" (Пс. 42,5). Павел сам говорит о "Христос в вас, упование славы" (Кол. 1,27). Апостол Иоанн Богослов говорит об ослепительной надежде уподобиться Христу, воссиявшей христианам, и продолжает: "И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя" (1 Иоан. 3,2.3).

Этот титул Христа стал одним из самых любимых и драгоценных в раннехристианской Церкви. Игнатий Антиохский писал церкви в Ефесе на пути к месту своей казни, в Рим: "Будьте жизнерадостными в Боге Отце и Иисусе Христе, нашей общей надежде" (Послание к Ефесянам 21,2). А Поликарп писал: "А потому, да будем пребывать в нашей надежде и искренней праведности, Которая есть Иисус Христос (Послание к Филиппийцам 8).

1) Люди обрели во Христе *надежду на нравственную победу над собой*. Древний мир признавал свою греховность. Эпиктет с тоскою говорил о "нашей слабости в необходимых вещах". Сенека сказал, что "мы ненавидим наши пороки и любим их в то же время". Он говорил также: "Мы недостаточно смело стояли на защите наших добрых решений, против нашей воли и вопреки нашему сопротивлению потеряли мы нашу чистоту и простодушие. Дело не только в том, что мы дурно поступали, а в том, что мы обречены на это до самого конца". Римский поэт Персии Флакк писал язвительно: "Пусть грешники узрят Добродетель и страдают вечно, поняв, что они потеряли навечно". Древний мир даже слишком хорошо признавал свою нравственную беспомощность, и Христос пришел в этот мир не только для того, чтобы сказать людям, что есть добро, но и дать им силу делать добро. Христос возвратил людям потерянную ими надежду одержать нравственную победу, чтобы им не пришлось признавать свое поражение.

2) Люди нашли в Христе *надежду одержать победу над обстоятельствами*. Христианство пришло в мир в эпоху, когда совершенно отсутствовала личная безопасность. Римский историк Тацит начал писать историю этой эпохи возникновения христианства

словами: "Я приступаю к истории эпохи, изобилующей несчастьями, бедствиями и войнами, раздираемой мятежами; свирепой и жестокой даже в дни мира. Четыре императора безвременно погибли от меча, было четыре гражданских войны и еще войн более с другими странами, а некоторые были одновременно и гражданскими и захватническими... Пожары опустошали Рим, горели древние храмы, римляне подожгли даже Капитолий; были осквернены священные ритуалы, прелюбодеяние и разврат процветали в самых высоких сферах. Моря были переполнены изгнанниками и беженцами, скалистые острова были залиты кровью убийств. Но самое большое безумство охватило Рим: благородное происхождение, богатство, отказ от должностей и их принятие - все это было связано с преступлением, а добродетель была прямой дорогой к гибели. Люди одинаково презирали донощиков, так и получаемые ими вознаграждения. Они находили свою выгоду и добычу, заняв должность жреца или консула, другие - получив должность наместника провинции или заняв место у трона. Все представляло собой иступленный хоровод ненависти и ужаса; рабов подкупали, чтобы обмануть их хозяев; свободные - их патронов, а тех, у кого не было врагов, предавали их друзья" (Тацит "Истории" 1, 2). Как выразился Гилберт Мэррей вся эта эпоха страдала "нервным расстройством". Люди жаждали какой-то защитной стены от "надвигавшегося мирового хаоса". И именно Христос придал людям силу жить и, если надо - умереть. В уверенности, что ничто в мире не может оторвать их от Бога в Иисусе Христе, люди одержали победу над ужасами эпохи.

3) Люди нашли во Христе *надежду одержать победу над смертью*. Одновременно они нашли в Нем силы для свершения человеческих подвигов, так и для неувыдаемой надежды. Иисус, надежда наша, был и остается боевым кличем Церкви.

Тимофей, сын мой (1 Тим. 1,1.2 (продолжение))

Это послание было написано Тимофею, а Павел никогда не мог говорить о нем без любви в голосе.

Тимофей был уроженцем города Листры в провинции Галатия. Листра была римской колонией; ее жители называли свой город "самой блестящей колонией". Но в действительности это было местечко, расположенное на самой окраине цивилизованного мира. Листра имела важное значение, потому что в ней стоял римский гарнизон, контролировавший дикие племена, жившие на лежащих вдали Исаурийских гор. Уже во время их первого миссионерского путешествия Павел и Варнава прибыли в Листру (*Деян. 14,18-21*). В этот раз о Тимофее не упоминается вовсе, но высказывалось предположение, что во время своего первого пребывания в Листре Павел поселился в доме его родителей, потому что он хорошо знал о набожности и преданности матери Тимофея Евники и его бабушки Лоиды (*2 Тим. 1,5*).

В момент первого посещения Павла и Варнавы Тимофей, должно быть, был еще очень молод, но христианская вера наложила на него глубокий отпечаток, и Павел стал его любимым героем. А во время второго миссионерского путешествия Павла в Листру началась истинная жизнь Тимофея (*Деян. 16,1-3*). Хотя он был еще молод, он стал украшением христианской церкви в Листре. Он был очаровательный и полный энтузиазмом юноша, все говорили о нем только хорошее. И Павел решил, что это именно тот человек, который нужен ему в качестве помощника. Может быть он даже мечтал тогда о том, что юноша продолжит и понесет дальше Павлове дело, когда его дни будут сочтены. Тимофей родился от смешанного брака: мать его была еврейкой, а отец - греком (*Деян. 16,1*). Павел обрезал его, не потому, что был рабом закона, или видел в обрезании какую-то особую добродетель, но он хорошо знал, что, если Тимофей будет работать и проповедовать среди иудеев, это будет иметь большое значение для них и для него, и потому сделал это из чисто практических целей, чтобы облегчить ему работу по евангелизации.

И с того момента Тимофей стал постоянным спутником Павла. Он остался в Верии вместе с Силой, когда Павел был вынужден отправиться в Афины, и позже снова воссоединился там

с ним (Деян. 17,15; 18,5). Павел посылал его в Македонию (Деян. 19,22). Тимофей сопровождал Павла в числе других, когда Павел вез в Иерусалим церковное пожертвование (Деян. 20,4). Он был с Павлом в Коринфе, когда Павел писал там *Послание к Римлянам* (Рим. 16,21). Павел посылал Тимофея в Коринф, когда там в Церкви возникли проблемы (1 Кор. 4,17; 16,10). Тимофей был с Павлом, когда Павел писал Второе послание к Коринфянам (2 Кор. 1,19). Тимофея посылал Павел в Фессалоники, чтобы познакомиться с обстоятельствами на месте и Тимофей был с ним, когда Павел писал послание к этой Церкви (1 Фес. 1,1; 3,2,6). Он находился с Павлом в тюрьме, когда Павел писал Послание к Филиппийцам и Павел намеревался послать его в Филиппы как своего представителя (Фил. 1,1; 2,19). Тимофей был с Павлом, когда Павел писал Церкви в Колоссах и Филимону (Кол. 1,1; Флм. 1). Тимофей всегда был рядом с Павлом, и когда требовалось выполнить какую-нибудь трудную работу, Павел посылал Тимофея сделать ее.

Когда Павел говорит о Тимофее, в голосе его всегда звучит волнение и любовь. Посылая его к раздираемой противоречиями церкви в Коринфе, Павел писал: "Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына" (1 Кор. 4,17). Собираясь послать его в Филиппы, Павел пишет: "Я не имею никого равно усердного... он, как сын отцу, служил мне в благовествовании" (Фил. 2,20,22). А здесь он назвал его "истинным сыном". При этом Павел употребил слово *гнесиос*, переведенное здесь как *истинный*. Слово же это имеет два значения. Во-первых, оно обычно употреблялось для обозначения законнорожденного ребенка, в противоположность незаконнорожденному. Это слово обозначало также *подлинник*, оригинал, в противоположность подделке.

Тимофей был тем человеком, которому Павел мог доверять и посылать всюду, зная, что он пойдет туда. Воистину счастлив наставник, у которого есть такой помощник. Тимофей - это пример нам всем в служении и в вере. Христу и Его Церкви нужны такие слуги.

Благодать, милость и мир (1 Тим. 1,1,2 (продолжение))

Павел всегда начинал свои послания благословением. (Рим. 1,7; 1 Кор. 1,3; 2 Кор. 1,2; Гал. 1,3; Еф. 1,2; Фил. 1,2; Кол. 1,3; 1 Фес. 1,1; 2 Фес. 1,2; Флм. 3). Во всех этих посланиях Павел посылает только *благодать и мир*. Лишь в Посланиях к Тимофею и Титу он посылает еще и *милость* (2 Тим. 1,2; Тит. 1,4). Давайте поближе присмотримся к этим трем великим словам.

1) *Благодать* всегда включает в себя три главные идеи.

а) В классическом греческом языке это слово означает внешнюю благосклонность или благоволение, красоту, обаятельность, миловидность. Обычно, хотя и не всегда, его употребляли к людям. Из русских слов ближе всего к нему стоит *обаяние*. Благодать - это, прежде всего, обаятельность, миловидность.

б) В Новом Завете всегда звучит идея абсолютной Щедрости, абсолютного великодушия. Благодать - это нечто незаслуженное, незаработанное. Благодать - противоположность *долга*. Павел говорит, что воздаяние Делавшему вменяется не по милости, но по долгу (Рим. 4,4). Благодать - противоположность *делам*. Павел говорит, что Бог выбирает Своих людей не по делам, а по благодати (Рим. 11,6).

в) В Новом Завете всегда присутствует идея абсолютной *универсальности*. Павел снова и снова употребляет слово благодать в связи с принятием язычников в семью Божию. Он благодарит Бога за благодать, дарованную коринфянам во Христе Иисусе (1 Кор. 1,4). Он говорит о благодати Божией, данной церквам Македонским (2 Кор. 8,1); он говорит о галатах, призванных благодатию Христовой (Гал. 1,6). Благою надежду, пришедшую к фессалоникийцам, обрели они через благодать (2 Фес. 2,16). По благодати Божией стал Павел апостолом для язычников (1 Кор. 15,10). По благодати Божией жил Павел у коринфян (2 Кор. 1,12); благодатию Бог избрал его от утробы матери его и призвал его (Гал. 1,15). По благодати, данной ему от Бога, может Павел смело писать церкви в Риме (Рим. 15,15). Великим проявлением благодати Божией было для Павла принятие язычников в Церковь и

его, Павлово, апостольство им.

Благодать - чудесная вещь: она свободна, она универсальна. Это прекрасно выразил Ф. Дж. Горт: "Благодать - это всеобъемлющее слово, вбирающее в себя все, что может выражать улыбка Царя небесного, взирающего вниз на Своих людей".

2) *Мир*, это слово - обычное еврейское приветствие, а в образе мышления иудеев оно выражает не просто полное отсутствие волнений и забот, а "наивысшее благополучие". Мир - это все, что способствует высшему благу. Мир - это состояние человека, когда с ним любовь Божия. Это прекрасно выразил Ф. Горт: "Мир - это антитеза любому конфликту, спору, войне, внешней враждебности и внутреннему раздражению".

Согнут в три погибели под бременем греха,

Постоянно искушаемый диаволом;

Война вокруг и страх в душе:

Я иду к Тебе, чтобы отдохнуть.

3) *Милость* - это новое слово в апостольском благословении. В греческом оригинале это слово *кесед*. А это слово *кесед* часто переведено в Новом Завете как *любящая доброта*; и когда Павел молит о милости для Тимофея, он имеет в виду, попросту говоря, следующее: "Тимофей, да будет Бог добр к тебе". Но в этом слове заложено нечто большее. Оно употреблено в псалмах не менее ста двадцати семи раз. И вновь и вновь оно имеет значение *помощь в трудную минуту*, в момент нужды. Оно означает, как это выразил Пэрри, "активное вмешательство Бога для оказания помощи". А Горт выразил это так: "Когда Всемогуший спускается, чтобы помочь беспомощному". В *Пс. 39,12* поется: "Милость Твоя и истина Твоя да охраняют меня непрестанно", а в *Пс. 56, 4*: "Он пошлет с небес и спасет меня;... пошлет Бог милость Свою и истину Свою". В *Пс. 85,14-15* псалмопевец размышляет о силах злых людей, восставших на него и утешается мыслью о том, что Бог "долготерпеливый и много милостивый и истинный, призрит на него". "По великой Своей милости дал Он нам живое упование на воскресение" (1 *Пет. 1,3*). Язычники должны славить Бога за милость Его, спасшую их от греха и безнадежности (*Рим. 15,9*). Милость Божия - активное действие Бога по спасению человека. Вполне может быть, что Павел потому добавил слово *милость* в своем благословении к Тимофею к двум обычным словам - *благодать* и *мир*, - что Тимофей сталкивался с большими трудностями, и Павел хотел в одном слове сказать ему, что Всемогуший - есть помощь беспомощным.

3-7

Ошибка и ересь (1 Тим. 1,3-7)

Совершенно ясно, что Пастырские послания были направлены против какой-то ереси, угрожавшей Церкви. Будет хорошо, если мы с самого начала попытаемся выяснить, что это была за ересь. И мы сразу начнем собирать доступные нам сведения о ней.

Уже в этом отрывке мы сталкиваемся с двумя важными ее особенностями. Представители этой ереси занимались *баснями* и *родословиями бесконечными*. Эти вещи не были чем-то специфическим для этой ереси, они глубоко въелись в образ мышления всего древнего мира.

Во-первых, *басни*. Особенность мышления древнего мира заключалась в том, что поэты и даже историки любили выдумывать романтические и вымышленные истории об основании городов и происхождении царствующих фамилий и родов. Снова и снова они рассказывали о том, как какой-нибудь бог сошел на землю и основал тот или иной город или вступил в брак со смертной девушкой и основал род, царствующую фамилию. У древних была масса таких историй.

Во-вторых, *бесконечные родословные*. Древний мир имел страсть к родословным. Это можно видеть уже в Ветхом Завете, где есть целые главы с одними именами, и в Новом

Завете: евангелисты Матфей и Лука начинают свои изложения жизнеописания Иисуса Его родословной. У такого человека, как Александр Македонский, была искусственно составленная родословная, по которой он происходил по одной линии от Ахилла и Андромахи, а по другой - от Персея и Геракла.

В мире христианства было бы очень легко заблудиться и потеряться среди бесчисленных и мифических историй о происхождении и детально разработанных и воображаемых родословных. Сами условия и обстоятельства, в которых развивались христианство и христианское мышление, были чреваты этой опасностью.

Эта опасность исходила с двух сторон.

Она исходила со стороны иудеев. Для иудеев не было книги, равной Ветхому Завету. Иудейские ученые проводили всю свою жизнь в его изучении и толковании. Целые главы и многие отрывки Ветхого Завета представляют собой длинные родословные, и одним из любимых занятий иудейских ученых было создание воображаемой и поучительной биографии к каждому имени в этих длинных списках! Человек мог заниматься этим вечно, и, по-видимому, к этому сводилась, отчасти, мысль Павла. Он, наверное, говорил: "В то время как вы должны работать над своей христианской жизнью, вы разрабатываете воображаемые биографии и родословные. Вы попусту тратите время на изящные безделушки, в то время как вы должны обратиться к жизни и нормам жизни". Это предупреждение и нам никогда не допустить, чтобы христианское мышление выродилось в беспредметные спекуляции.

Образ мыслей греков (1 Тим. 1,3-7 (продолжение))

Но еще большая опасность в этой области исходила со стороны *греков*. В эту историческую эпоху в греческой философии развивалось направление, получившее название *гностицизма*. Оно получило особенное отражение в Пастырских посланиях, Послании к Колоссянам и в Четвертом Евангелии.

Гностицизм был абсолютно спекулятивным философским направлением. Оно началось с проблемы происхождения греха и страдания. Если Бог - абсолютное Добро, абсолютное благо, то Он не мог сотворить их.

А как они тогда попали в наш мир? И гностики утверждали, что творение не было творением из ничего: до начала времен существовала *материя*. А материя, полагали они, была очень несовершенна, порочна; и вот из этой, в своей сущности совершенно порочной материи, был сотворен мир.

Но как только они доходили до такого заключения, они сталкивались с другой трудностью. Если материя в своей сущности была совершенно порочна, а Бог - абсолютное благо, то Он не мог даже прикоснуться к этой материи. И начиналась новая цепь умозаключений, спекуляций: Бог, рассуждали они, испустил из Себя излучение которое, в свою очередь, испустило из себя другое излучение, а второе - третье и так далее, пока, наконец, не появлялось излучение, настолько далеко отстоявшее от Бога, что Он мог через него прикоснуться к материи и творить из нее, и, таким образом, не Бог а эта эманация, сотворила мир.

Но они пошли еще дальше. Они считали, что каждая последующая эманация знала все меньше о Боге, до тех пор, пока не настал момент в ряду этих эманации, когда они не только не знали о Нем ничего, но были активно враждебны Ему. Таким образом, гностики пришли к мысли, что, бог, создавший мир ничего не знал об истинном Боге и был враждебно настроен к Нему. В дальнейшем гностики пошли даже еще дальше и отождествили Бога Нового Завета с истинным Богом.

Далее они разработали полные биографии для каждого такого излучения, эманации, и создали таким образом, изощренную мифологию богов и эманации, у каждого из которых была своя история, биография и родословная. Без всякого сомнения древние были

зачарованы таким образом мышления и он даже проник в Церковь. Это привело к тому, что в Церкви появились люди, утверждавшие, что Иисус - лишь самое важное из этих эманации, ближе всего находившееся к Богу. Они ставили Иисуса первым звеном бесконечно длинной цепи между Богом и человеком.

Философии гностиков были присущи специфические особенности, которые вновь и вновь приводятся в Пастырских посланиях для характеристики людей, чья ересь угрожала Церкви и чистоте веры.

1) Совершенно очевидно, что гностицизм отличался чрезвычайно умозрительным, спекулятивным характером и, соответственно, крайним интеллектуальным манерством. Гностики полагали, что все эти чисто умозрительные рассуждения совершенно недоступны простым людям и предназначены исключительно для избранных, для элиты Церкви. И Павел предупреждает Тимофея об опасности "негодного пустословия и прекословии лжеименного знания" (1 Тим. 1,4). Он предостерегает Тимофея от тех, кто горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям (1 Тим. 1,4). Он советует Тимофею удаляться "непотребного пустословия", ибо это может лишь привести к безбожию (2 Тим. 2,16); избегать "глупых невежественных состязаний", которые могут лишь вызывать ссоры (2 Тим. 2,23). Кроме того, автор Пастырских посланий всячески стремится подчеркнуть факт, что сама идея об интеллектуальной аристократии совершенно ложна: ибо любовь Божия всеобъемлюща и универсальна. Бог хочет, чтобы все люди были спасены и чтобы все люди достигли познания истины (1 Тим. 2,4). Бог - Спаситель всех людей, в особенности верующих (1 Тим. 4,10). Христианская Церковь не хотела иметь ничего общего с верой, основанной на умозрительных спекуляциях и созданной высокомерной интеллектуальной аристократией.

2) В Философии гностицизма придавалось большое значение всему этому длинному ряду эманации. Гностики создавали для каждой биографию и родословную, и устанавливали ее место и важность на цепи между Богом и человеком. Они очень увлекались этими "бесконечными родословными" (1 Тим. 1,4), создавали о них "безбожные и глупые мифы", "отвращали слух от истины к басням" (2 Тим. 4,4). Они создавали мифы и басни, подобные иудейским (Тим. 1,14). Хуже всего, они мыслили себе существование двух Богов, а Иисуса представляли как одно из звеньев в длинной цепи посредников между Богом и человеком; в то время как "един Бог, един и посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус" (1 Тим. 2,5). Есть только один Царь веков, нетленный, невидимый, один премудрый Бог (1 Тим. 1,17). Христианству пришлось бороться с религией, которая хотела лишить Бога и Иисуса Христа Их единственности, уникальности.

Этика ереси (1 Тим. 1,3-7 (продолжение))

Но гностицизм представлял опасность не только для интеллекта. Он имел также серьезные моральные и этические следствия. Нельзя забывать, что в основе этой философии лежала мысль о том, что материя по своему существу, совершенно порочна, а только дух благ. Эта мысль вела к двум противоположным выводам.

1) Если материя порочна, то и тело порочно, и его нужно презирать и подавлять. Поэтому гностицизм мог вести, да и действительно приводил, к суровому аскетизму. Он запрещал людям вступать в брак, потому что инстинкты тела следовало подавлять. Он накладывал на людей строгие ограничения в еде и пище, потому что потребности тела нужно было, по возможности, свести на нет. И поэтому в Пастырских посланиях говорится о тех, кто запрещает вступать в брак и употреблять в пищу мясо (1 Тим. 4,3). Ответ этим людям один: всякое творение Божие хорошо и должно приниматься с благодарением (1 Тим. 4,4). Гностики же видели в творении нечто порочное, создание порочного бога; христианин видит в творении нечто благородное, дар благого Бога.

Христианин живет в мире, где все чисто, гностики же жили в мире, где все было

осквернено (*Тим. 1,15*).

2) Но в то же время гностицизм мог привести к совершенно противоположным этическим нормам. Если тело порочно само по себе, то не имеет никакого значения, что человек с ним делает. А посему, пусть он удовлетворяет свои аппетиты - все это не имеет никакого значения и человек может делать со своим телом все, что ему заблагорассудится, может вести самый распущенный образ жизни. И поэтому в Пастырских посланиях говорится о тех, кто уводит слабых женщин, которые утопают в грехах и различных похотях (2 *Тим. 3,6*). Они говорят, что знают Бога; а делами отрекаются (*Тим. 1,16*). Свою религию они используют для оправдания своей аморальности.

3) Но гностицизм имел еще и другое следствие. Христиане верят в воскресение тела. Это не значит, что христианин всегда верил в то, что мы воскреснем с нашим смертным телом, человеческим телом, но христианин всегда верил, что после воскресения из мертвых он получит от Бога духовное тело. Всю эту проблему Павел обсуждает в *1 Кор. 15*. Гностики же считали, что не может быть вообще воскресения тела (2 *Тим. 2,18*). После смерти человек - своего рода бестелесный дух. Сущность же отличия веры гностиков от веры христиан заключается в том, что гностики верили в разрушение, уничтожение тела, а христиане верят в его спасение, в его искупление. Гностики верили, если можно так выразиться, в *спасение души*, христиане же верят в *полное спасение*.

Так что причиной написания Пастырских посланий были эти крайне опасные еретики, посвятившие свою жизнь умозрительным спекуляциям, считавшие наш мир исключительно порочным, а бога - создателя - злом; ставившие между Богом и нашим миром бесконечную цепь эманации и менее значительных богов и проводившие свою жизнь за бесконечными баснями и родословными; сводившие Иисуса до положения одного связующего звена в цепи, лишившие Его характера уникальности; жившие в суровом аскетизме или в крайней распущенности; отрицавшие воскресение тела. Именно в борьбе с этими еретическими верованиями были написаны Пастырские послания.

Взгляды еретиков (1 Тим. 1,3-7 (продолжение))

Этот отрывок дает нам ясную картину взглядов этих крайне опасных еретиков. Ведь бывает же такая ересь, когда человек отклоняется от ортодоксальной веры лишь потому, что он все тщательно продумал и не может согласиться с общепринятой точкой зрения. Он нисколько не гордится тем, что он думает иначе чем все; он отличается от других лишь потому, что так должно было быть. Такая ересь не портит характера человека, она, в сущности, даже может сделать его характер сильнее, потому что он действительно додумался до своей веры сам, он не живет общепринятой верой, полученной из вторых рук. Но не портрет такого еретика нарисован в этом отрывке. Здесь выделены пять характерных черт опасного еретика.

1) Он гонимый страстью к новизне. Он один из тех, который обязательно должен следовать последней моде, последнему крику моды. Он презирает старое уже потому лишь, что оно старое и жаждет нового лишь потому, что оно новое. Перед христианством же всегда стоит проблема по-новому изложить старые истины. Истина не меняется, но каждый век должен находить свой способ и свою форму ее изложения. Каждый учитель и проповедник должен говорить с людьми на том языке, который они понимают. Старая истина и новая форма изложения всегда идут рука об руку.

2) Он превозносит ум перед сердцем. Его понимание религии носит чисто умозрительный характер и не имеет ничего общего с переживанием и истинным познанием.

Христианство никогда не требовало от человека, чтобы он перестал сам думать, но христианство всегда требовало от него, чтобы его размышления были в первую очередь направлены на личное познание им Христа.

3) Он не действует, а занимается спорами и рассуждениями. Его больше интересуют малопонятные рассуждения, чем поиски и создание истинных путей, ведущих людей к вере. Он забывает, что человек не просто и не только усваивает истину своим умом, а переводит ее в деяния. Уже давно было проведено различие между эллином и иудеем. Греки любили спорить ради самого спора; ничто они не любили больше, чем посидеть в кругу друзей, занимаясь интеллектуальной акробатикой - сложными умозаключениями и наслаждаясь "возбуждением, даваемым интеллектуальными экскурсами". Но при этом грек не был сколько-нибудь заинтересован в достижении конкретных выводов и в разработке принципа *действия*. Иудей тоже любил поспорить, подискутировать, но он желал, чтобы каждое такое обсуждение оканчивалось принятием решения, которое влекло бы за собой конкретное действие. Всегда существует опасность ереси, когда люди впадают в словесные упражнения и забывают дела, потому что всякое рассуждение, всякая теория проверяется действием, проверяется практикой.

4) Он движим больше высокомерием, чем скромностью. Он с определенным презрением смотрит сверху вниз на простодушных людей. Он смотрит на людей, не понимающих или не принимающих его умозаключений, как на невежд и безумцев. Христианин же должен сочетать в себе непоколебимую уверенность с мягкой покорностью и скромностью.

5) Еретик - это невежественный догматик. Он, собственно, даже не знает того, о чем он говорит, либо же не понимает важности и значения возводимых им в догму вещей. Сложность религиозной проблематики в том и заключается, что каждый считает себя вправе высказать в споре свое догматическое мнение. Во всех иных проблемах к человеку предъявляются определенные требования относительно его знаний того или иного предмета, прежде чем ему будет дано право диктовать свой закон. А многие люди устанавливают свои догматы в отношении Библии и ее проповедования, хотя они никогда и не пытались выяснить, что же сказали по этому поводу специалисты-языковеды и историки. Можно себе представить, что дело христианства больше всего пострадало именно от невежественного догматизма.

Если внимательно приглядеться к особенностям людей, заводивших смуту в Ефесе, то видно, что их наследники еще живы среди нас.

Взгляды христианских мыслителей (1 Тим. 1,3-7 (продолжение))

Но в этом отрывке рядом с портретом идеолога-еретика нарисован портрет подлинного христианского мыслителя. У него тоже свои отличительные черты. Их тоже пять.

1) Его размышления основываются на *вере*. Вера - это значит довериться Богу на слово, значит верить, что Он таков, каким свидетельствовал Его нам Иисус в словах Своих. Другими словами, христианский мыслитель исходит из принципа, что Иисус Христос дал людям совершенно полное откровение о Боге.

2) Источником его размышлений является *любовь*. И цель Павла заключается в том, чтобы вызвать любовь. Если мы будем думать с любовью - это всегда уберет нас от некоторых вещей - это спасет нас от высокомерия или самомнения, от презрения; это предохранит нас от *осуждения* того, с чем мы не согласны или того, чего мы не понимаем; это удержит нас от выражения своих мыслей таким образом, чтобы это оскорбляло или ранило других. Любовь уберегает человека от *пагубных* мыслей и *пагубных* речей. Думать с любовью - значит думать с сочувствием. Человек, возражающий с любовью, стремиться не к тому, чтобы уничтожить своего противника, а чтобы завоевать его на свою сторону.

3) Его мысли идут от *чистого сердца*. Автор употребляет здесь очень примечательное слово *которое*, которое первоначально значило просто чистый в противоположность *грязному* или *запачканному*, *запятнанному*. Позже оно приобрело особые значения: оно употреблялось для определения зерна, провеянного и очищенного от всякой мякины, для обозначения армии, очищенной от всех трусливых и недисциплинированных элементов и в

которой остались лишь первоклассные бойцы. Его употребляли для обозначения вещей, свободных от портящих их примесей. Таким образом, чистое сердце - это сердце, мотивы которого совершенно чисты и в котором нет абсолютно никаких загрязняющих примесей. В сердце христианского мыслителя отсутствует желание продемонстрировать другим свой высокий интеллект, одержать победу в чисто словесном диспуте, подчеркнуть невежество и неосведомленность своего противника. Его единственное желание сводится к тому, чтобы помочь, просветить и привести ближе к Богу. Христианский мыслитель движимый исключительно любовью к истине и любовью к людям.

4) Его мысли идут от *доброй совести*. *Совесть* по-гречески *сунидесис* и в буквальном смысле значит - *осведомленность*. Истинное же значение слова *сознание* - знание *самого себя*, знание о самом себе. Иметь добрую совесть - значит быть способным смотреть в глаза знанию, которое человек не разделяет ни с кем, которое известно лишь ему и которого ему нечего стыдиться. Эмерсон отметил, что Сенека высказал самые прекрасные мысли, если только он имел право их высказывать. Христианский мыслитель - это человек, которому его мысли и деяния дают право высказывать то, что он делает - и это самое суровое испытание.

5) Христианский мыслитель - человек *нелицемерной* веры. Употребленная в греческом оригинале фраза означает веру, в которой совершенно отсутствуют *притворство, лицемерие*. А это значит, что важнейшей отличительной чертой христианского мыслителя является *искренность*. Он искренен как в своем желании найти истину, так и в своем желании передать ее людям.

8-11

Те, кому не нужен закон (1 Тим. 1,8-11)

Отрывок начинается с излюбленной древним миром мысли: закон прежде всего имеет отношение к злодеям и преступникам. Праведнику не нужен закон, который бы направлял и контролировал его действия, либо же грозил ему наказаниями, и в мире праведников не будет нужды в законах вообще.

Грек Антифан говорил: "Тому, кто не делает зла, не нужен закон". Аристотель тоже утверждал, что "философия дает человеку способность обходиться без внешнего контроля, к которому прибегают другие люди, испытывающие страх перед законами". Великий христианский епископ Амвросий писал: "Справедливому человеку служит законом и нормой его ум, его беспристрастность и его справедливость, и, поэтому его удерживает от проступка не страх перед наказанием, а его собственные правила чести". Как язычники, так и христиане считали, что истинная праведность идет от сердца человека, что праведность никак не связана ни с наградой ни с наказаниями, навлекаемыми законом.

Но в одной точке язычники и христиане расходились во взглядах. Язычники смотрели назад и видели в прошлом золотое время, когда все было хорошим и праведным и не нужно было никакого закона. Римский поэт Овидий нарисовал в *Метаморфозах* (1,90-112) самую прекрасную картину этого древнего золотого века:

"Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья, сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность; не было страха тогда: ни кар, ни слов не читали грозных на бронзе; толпа умолявшая не устрасалась уст судьбы своего, - без судей были все безопасны. И не спускалась с гор своих, срубленная сосна на прозрачные воды, с тем, чтоб увидеть чужие пределы; люди, кроме родных, никаких берегов не знавали, не окружали еще отвесные рвы городов; труб не имелось прямых, ни рогов искривленных; не было шлемов, мечей. Не было нужды в вооруженных воинах, народы, не нуждавшиеся в военных упражнениях, сладко вкушали покой".

Римский историк Тацит нарисовал в *Анналах* (3,20) такую же картину:

"В прежние времена, когда у людей еще не было дурных страстей, они вели

безукоризненный, невинный образ жизни, без всяких наказаний, ограничений или мер пресечения. Руководствуясь исключительно своей природой, преследовали они только добродетельные цели, не требовали они никакой награды, и потому что они не делали ничего, что противоречило бы справедливости, не нужно было никаких мук и наказаний".

Древние озирались назад в тоске по прошедшим дням. Христианская же вера не озирается назад на утерянный золотой век; она смотрит вперед на тот день, когда единственным законом будет любовь Христова в сердцах человеческих, ибо, вне всякого сомнения, дни закона не могут прекратиться до тех пор, пока не наступят дни любви. Жизнь каждого христианина будет регулироваться лишь одним фактором. Добродетель человеческая будет идти не от страха перед судом и осуждением, но от страха оказаться недостойным любви Христовой и омрачить отеческое сердце Бога. Христиане определяют свои поступки исходя из того, что согрешить - это значит не только преступить закон Божий, но также разбить сердце Его. Нас удерживает не закон Божий, а любовь Божия.

Те, которых закон осуждает (1 Тим. 1,8-11 (продолжение))

В идеальном государстве, когда наступит царствие Божие, не нужно будет иного закона, кроме любви Божией в сердце человеческом, но в настоящее время еще далеко до этого. И поэтому Павел приводит список грехов, которые закон сдерживает и которые закон осуждает. Этот отрывок интересен для нас тем, что он показывает нам, в каких условиях зарождалось и росло христианство. Список приведенных Павлом грехов, в сущности, показывает в каких условиях первые христиане жили, вращались и развивались. Этот перечень, как ничто иное, ярко показывает нам, что христианская Церковь представляла небольшой остров непорочности в порочном мире. Мы говорим о том, что трудно быть христианином в эпоху современной цивилизации, но стоит только взглянуть на такой, как этот отрывок, чтобы видеть, насколько бесконечно труднее должно было быть христианином в обстоятельствах, в которых зарождалось христианство. Давайте подробно рассмотрим каждого пункта в этом списке.

Это, во-первых, *беззаконные (аномой)*. Это те, которые знают закон добра и зла и нарушают его сознательно, с открытыми глазами. Никто не может обвинить человека в нарушении закона о существовании которого он не имеет представления, но беззаконные - это те, которые сознательно и умышленно нарушают закон, удовлетворяя свои желания и честолюбие.

Это, далее, *непокорные (анхипотактой)*. Это те непослушные и непокорные которые отказываются подчиняться любой власти. Они подобны воинам, мятежно отказывающимся выполнить команду. Это люди либо слишком гордые, либо слишком необузданные, чтобы принять какие-либо указания.

Это также *нечестивые (асебеис)*. *Асебес* - ужасное слово: оно не значит простое безразличие или впадение в грех; оно означает "самоуверенное и активное неверие" человека, который в своем открытом неповиновении отказывает Богу в том, что принадлежит Ему по праву. Оно характеризует человеческую природу, "проявляющую открытое противодействие Богу".

Это *грешники (хамортолой)*. Обычно это слово употреблялось для описания характера. Им, например, могли охарактеризовать раба по слабым и никчемным характером. Это слово характеризует человека, у которого нет абсолютно никаких моральных норм.

Это *развратные (аносиой)*. *Хосиос* - благородное слово; им обозначают, как выразился Тренч, "извечные законы, не основанные ни на каких созданных людьми законах и обычаях, потому что они предшествовали всем законам и обычаям". Все, что характеризуется как *хосиос* представляет часть основ самой вселенной, извечных святынь. Греки, например, с содроганием называли египетские обычаи, согласно которым брат мог жениться на сестре и персидские обычаи, согласно которым сын мог жениться на своей матери, *аносис, нечистым*,

отвратительным. Развратный (аносис) человек хуже, чем просто преступник. Это человек, нарушающий извечные, основополагающие законы бытия.

Это *оскверненные (бебелой)*. Бебелос - это ужасное слово с очень странной историей. Первоначально оно попросту обозначало *то, на что можно ступать ногами*, в противоположность тому, что посвящено какому-либо богу и, потому, является неприкосновенным. Потом это слово стало обозначать *непосвященный*, в противоположность *посвященному, священному*, а потом человека, который оскверняет священное и день Божий, нарушает Его законы и преуменьшает Его почитание. *Оскверненные (бебелос)* пачкают все, к чему они прикасаются.

Оскорбители отца и матери (паралоай и метралоай). По римскому праву сын, ударивший своих родителей, подвергался смертной казни. Эти греческие слова характеризуют сыновей и дочерей, лишенных чувства благодарности, чувства уважения и чувства стыда. И нужно помнить, что такой жестокий удар не обязательно должен быть нанесен по телу, он может причинить боль сердцу.

Это *человекоубийцы (андрофоной)*. Павел думает при этом о десяти заповедях и о том, что в языческом мире нарушается каждая из них. Мы не должны воображать, будто это не имеет к нам никакого отношения: ведь Иисус расширил значение этой заповеди. Теперь она касается не только убийства, но также и чувства злобы против собрата нашего.

Это *блудники, мужеложники (парной и арсенокаитай)*. Нам трудно представить себе положение дел в древнем мире в области половой морали. Она была пропитана противоестественными пороками. Самым необычным была прямая связь аморальности с религией. При храме богини любви Афродиты в Коринфе жила тысяча жриц, священных блудниц, спускавшихся по вечерам в городские улицы и занимавшихся там своим ремеслом. Говорят, что Солон первым в Афинах узаконил проституцию, и что на прибыль от основанных им общественных публичных домов был построен новый храм богине любви Афродите.

В своих комментариях к Пастырским посланиям Е. Ф. Браун, миссионер в Индии, приводит необычный отрывок из уголовного Кодекса Индии, в котором запрещаются непристойные изображения, а потом говорится: "Действие этого раздела не распространяется на изображения или скульптуры, вырезанные, нарисованные или иным образом изображенные на любом храме или на любой тележке, используемой для перевозки идолов, или употребляемой для каких-либо религиозных целей". Чрезвычайно примечательно, поэтому, что в религиях, отличных от христианства, непристойность и аморальность часто процветают под защитой религии. Часто говорили, и говорили справедливо, что целомудрие было тем совершенно новым элементом, той новой добродетелью, которую в этот мир принесло христианство. В те времена и в том мире было очень нелегко жить по нормам христианской этики.

Это *человекохищники, клеветники, скотоложники (адрапотистай)*. Греческое слово может иметь значение *работорговцы* или *похитители рабов*, а, возможно, оба эти значения вместе. Рабство действительно было неотъемлемой частью древнего мира. Правда также, что по мысли Аристотеля, цивилизация основана на рабстве, что определенная часть мужчин и женщин живут лишь для того, чтобы выполнять функции обслуживания для удовлетворения потребностей образованных классов. Но даже в древнем мире раздавались голоса против рабства. Филон Александрийский говорил о работорговцах, как о тех, которые лишают людей самой драгоценной собственности - свободы".

Но, возможно, Павел имеет в виду похитителей рабов. Рабы были ценной собственностью. Обычный раб, не обладавший никакими особыми дарованиями оценивался в сумму, эквивалентную 16-20 британских фунтов стерлингов. Получивший специальное образование, раб стоил в три-четыре раза больше. Особым спросом пользовались красивые мальчики,

служившие пажами и виночерпиями; они стоили 800-900 фунтов стерлингов. Рассказывают, что Марк Антоний заплатил сумму, эквивалентную 2000 фунтов стерлингов за двух очень похожих друг на друга юношей, которых выдавали за двойников. В дни, когда римляне особенно стремились изучать греческое искусство и рабы, обученные греческой литературе, музыке и живописи ценились особенно высоко, некоторый Лутатий Дафнис был продан за сумму около 3500 фунтов стерлингов. Это вело к тому, что ценных рабов часто санивали от их хозяев или попросту выкрадывали. Выкрадывание особенно красивых или особо обученных рабов было тоже типичным явлением в древнем мире.

И, наконец, это *лжецы (псеустай)* и *клятвопреступники (епоиркой)*, люди, которые, не колеблясь, извращают истину для достижения своих низких целей.

Таким образом, апостол Павел в этом отрывке ярко обрисовал атмосферу, в которой развивалась раннехристианская Церковь. Автор Пастырских посланий желает уберечь от подобной заразы свою паству.

Очистительное слово (1 Тим. 1,8-11 (продолжение))

И вот в этот мир пришла христианская благая весть. Из настоящего отрывка мы узнаем о ней следующее:

1) Это - *здоровое учение*. Греческое слово *гугианнейн*, переведенное здесь как славное, в буквальном смысле означает *давать здоровье*. Христианство - этическая религия. Оно требует от человека не только соблюдения определенных ритуальных законов, но и ведения здорового образа жизни. Е. Ф. Браун сравнивает христианство и ислам; мусульманина могут считать совершенно святым человеком, если он соблюдает определенные нормы ритуального права, хотя он и ведет совершенно аморальный образ жизни. Браун приводит при этом отрывок из путеводителя по Марокко: "Большой недостаток ислама заключается в том, что, за исключением обрядов, заповедь и действительная жизнь значительно расходятся друг с другом, и это принимается как норма; так что человек может пользоваться славой испорченного человека и одновременно считаться религиозным, полагая, что он заслуживает блаженства, как вымоливший его у Бога, даже не осознавая вопиющего несоответствия. Мне это все очень хорошо объяснил однажды в Фесе один мусульманин, заметив: "Вы хотите знать, что собой представляет наша религия? Мы очищаемся водой в тот момент, когда мы замышляем супружескую измену; мы идем в мечеть молиться и одновременно обдумываем, как лучше всего обмануть соседа; мы подаем милостыню в дверях, а потом отправляемся в лавку грабить покупателей, мы читаем наш Коран, а потом выходим из дома, чтобы совершить невообразимые грехи; мы почти готовы отправиться в паломничество и в то же время лжем и убиваем". Следует всегда помнить, что христианство предполагает не соблюдение ритуала, даже если этот ритуал заключается в чтении Библии и посещении церкви, оно предполагает ведение добропорядочного образа жизни. Христианство, если оно истинное, дает человеку здоровье; это моральное дезинфицирующее средство - только оно может очистить человеческую жизнь.

2) Это - *славное благовествование*, то есть *это славная благая весть*. Это благая весть о прощении за прошлые грехи, и дающая силы для преодоления грехов в будущем, благая весть о милости Божией, о Божьем очищении и о Божьей благодати.

3) Это *благовествование, вверенное Богом*. Христианское Евангелие, христианское благовествование - это не нечто открытое людьми, это нечто открытое Богом. Оно не только предлагает человеческую помощь, оно предлагает ему силу Божию.

4) *Благая весть пришла через людей*. Она была вверена Павлу, чтобы он принес ее другим людям. Бог делает людям предложение и Ему нужны гонцы. Истинный христианин - это человек, принявший предложение Бога и осознавший, что он не может хранить эту благую весть для себя лично, но должен поделиться ею с другими, которые еще не обрели ее.

Спасен, чтобы служить (1 Тим. 1,12-17)

Начинается этот отрывок благодарственным гимном. Павел благодарит Иисуса Христа за многое.

1) Павел благодарит Иисуса за то, что Он выбрал его. У Павла никогда не возникало чувства, что он избрал Христа, нет, - Христос избрал его. Когда он, Павел, стремительно шел к своей гибели, Иисус Христос как бы положил ему Свою руку на плечо и остановил его; когда он, Павел, бросался на ветер своей жизнью, Иисус Христос вдруг привел его в сознание. Во время войны я познакомился с одним польским летчиком. Всего за несколько лет он пережил столько захватывающих опасных ситуаций, сколько другие люди не испытывают за всю жизнь. Иногда он рассказывал о том, как ему удалось покинуть оккупированную Европу, как он прыгал с парашютом, как его спасли из моря и в заключение этой одиссеи он всегда говорил с чувством удивления в глазах: "И вот теперь я человек Божий". Так же чувствовал Павел: он был человеком Христовым, потому что Христос избрал его.

2) Он благодарит Христа за то, что Он поверил ему, *признал его верным*. Павел был поражен тем, что он, ярый гонитель христиан, был избран миссионером Христа. Дело не только в том, что Иисус простил его, но Иисус также доверил ему нечто великое. Иногда мы прощаем человека, совершившего ошибку или согрешившего, но мы даем ему ясно понять, что его прошлое не позволяет нам доверить ему какое-либо ответственное дело. Христос не только простил Павла, Он доверил ему выполнение Своего задания. Из человека, бывшего Его гонителем, Он сделал Своего посланника.

3) Павел благодарит Христа за то, что Он назначил его на служение. Мы должны также очень серьезно подчеркнуть тот факт, что Павел чувствовал себя назначенным на служение. Павел никогда не помышлял о том, что это назначение связано прежде всего с почестями, или с руководящей ролью внутри Церкви. Он полагал, что был спасен для служения. Плутарх рассказывает о том, что спартанец, одержавший победу на спортивных играх, в награду получал право стоять рядом с царем в сражении. Одному спартанцу предложили во время Олимпийских игр большую взятку, чтобы он проиграл схватку: но он отказался, и после страшного усилия выиграл схватку. Кто-то спросил его: "Ну, спартанец, что ты получил за эту дорогую победу, которую ты одержал?" - "Я получил право стоять впереди моего царя в сражении". Наградой ему было служение, и, если нужно, - принять смерть за своего царя. Павел тоже считал, что он был избран на служение, а не для почестей.

4) Павел благодарит Христа за то, что Он *дал ему силу*. Он уже давно осознал, что Иисус Христос никогда не возлагает на человека Свое задание, не дав ему одновременно силы выполнить его. Павел никогда не сказал бы: "Посмотрите, я сделал это"; он всегда бы говорил: "Посмотрите, Иисус Христос дал мне силы сделать это". Ни один человек сам по себе ни достаточно хорош, ни достаточно силен, ни достаточно непорочен, ни достаточно мудр, чтобы быть слугой Христа. Но, если человек отдаст себя на служение Христу, он будет действовать не только в своей силе, но и в силе Господа.

Средства обращения (1 Тим. 1,12-17 (продолжение))

В этом отрывке есть еще два интересных момента.

Во-первых, здесь отражено иудейское прошлое Павла. Он говорит, что Иисус Христос помиловал его потому, что он грешил против Христа и против Церкви по неведению. Мы часто думаем, будто по мнению иудеев жертвоприношения очищают от грехов; человек грешил, его грехи нарушали его отношения с Богом, после этого приносили жертву, гнев Божий утоляли и добрые отношения с Богом восстанавливались.

Однако, может статься, что такой была лишь простонародная, широко распространенная

точка зрения на жертвоприношение. Представители же философской мысли иудеев, подчеркивали два момента. Во-первых, утверждали они, что жертвоприношение не может очистить от греха, совершенного умышленно, а лишь от грехов, совершенных человеком по неведению или в приступе страсти либо ярости. Во-вторых, утверждали они, жертвоприношение может лишь в том случае очистить от греха, если человек, приносящий эту жертву, раскаялся. И здесь выступает иудейское прошлое Павла. Его сердце было покорено милосердием Христовым; грехи он совершал в дни, когда он не знал ни Христа, ни Его любви. И посему, полагал он, он и был помилован.

Е. Ф. Браун указал еще на один, еще более интересный факт. Стих 14 представляет для нас большие трудности. В каноническом переводе читаем: "Благодать же Господа нашего Иисуса Христа открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе". Первая часть не представляет особых трудностей. Она просто значит, что благодать Божия превысила грехи Павловы. Но что, собственно, значат слова "с верою и любовью во Христе Иисусе"? Е. Ф. Браун предложил толковать это так, что действию благодати Христовой в сердце Павловом содействовали вера и любовь, обретенные им в членах христианской Церкви, сочувствие, понимание и доброта, которые проявили по отношению к нему такие люди, как Анания, открывший ему глаза и назвавший его братом (*Деян. 9,10-19*) и Варнава, поддерживавший его и тогда, когда все другие в Церкви смотрели на него открыто подозрительно (*Деян. 9,26-28*). Это очень хорошая мысль, и, если она верна, мы можем выделить три фактора, содействующие обращению человека.

1) Во-первых, Бог. Иеремия молился: "Обрати нас к Тебе, Господи" (*Плач. 5,21*). Как сказал Августин, мы бы даже и не подумали начать искать Бога, если бы Он уже не нашел нас. Первый шаг делает Бог; за первым стремлением человека к добродетели стоит ищущая любовь Божия.

2) Во-вторых, сам человек. В *Мат. 18,3* мы читаем: "Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное". Человек должен ответить на призыв Божий. Бог дал человеку свободу воли и человек может воспользоваться ею, приняв, либо отклонив Его предложение.

3) И, наконец, посредничество христианина. Павел убежден в том, что он послан, чтобы "открыть глаза им (язычникам), чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу и... получили прощение грехов" (*Деян. 26,18*). Иаков также верит в то, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов" (*Иак 5,19.20*). Таким образом, на нас лежит двойная обязанность. Кто-то сказал, что святой - это тот, кто облегчает нам веру в Бога; и что святой - это тот, в ком Христос живет вновь..." Мы должны быть благодарны тем, которые показывают нам Христа, чьи слова и чей пример привели нас к Нему и мы должны стремиться к тому, чтобы под нашим влиянием другие тоже пришли к Нему.

В деле обращения человека взаимодействуют почин Божий, ответ человеческий и влияние братьев-христиан.

Незабываемый стыд и неугасимое вдохновение (1 Тим. 1,12-17 (продолжение))

В этом отрывке Павел ясно подчеркивает, что он помнит свой грех. И Павел не скупится на слова, чтобы показать вред, причиненный им Христу и Церкви. Он был *хулителем* Церкви, он бросал в адрес христиан раздраженные и злые слова, обвиняя их в преступлениях против Бога. Он был *гонителем*: он использовал все средства, которые давал ему иудейский закон, чтобы уничтожить христианскую Церковь. А потом Павел употребляет ужасное слово: он был *обидчиком*. В греческом оригинале это слово *хубристес*: оно означает своего рода высокомерный садизм, им обозначают человека, причиняющего боль и страдания из одного чувства удовольствия. Соответствующее абстрактное существительное *хубрис* Аристотель определил так: "*Хубрис* означает причинять боль и глубоко огорчать людей таким образом,

чтобы обиженному и огорченному стало стыдно, причем причиняющий обиду или огорчение сам не получит ничего нового, он просто находит радость в своей собственной жестокости и в страданиях других".

Вот таким когда-то выступал Павел по отношению к христианской Церкви. Не довольствуясь одними оскорблениями, он прибегал к крайним средствам преследования по закону, не довольствуясь преследованиями по закону, он прибегал к крайним средствам садистской жестокости в попытках стереть с лица земли христианскую веру. Павел помнил обо всем этом и до конца дней своих считал себя первым из грешников. Он не говорит, что *был* первым из грешников, он говорит, что он еще *является* первым из грешников. Он, правда, никогда не забывал того, что он - прощенный грешник, но он также не мог забыть и того, что он был грешником. Почему он так ярко помнил этот свой грех?

1) Память о своей греховности надежно уберегала его от гордыни. У человека, совершившего такое, как он, не было места духовной гордыне. Джон Ньютон был одним из крупнейших проповедников и одним из величайших сочинителей церковных гимнов, но в дни, когда он плавал в морях на невольничьем судне, он опустился столь низко, как вообще может опуститься человек. А когда он обратился и стал проповедовать евангелие, он написал большими буквами такой текст: "Помни, что ты был рабом в земле египетской и Господь Бог твой освободил тебя" и повесил его над каминной решеткой в своем кабинете, чтобы он всегда видел его. Он составил также надгробную надпись себе: "Джон Ньютон, священник, бывший неверующий и распутник, пособник рабства в Африке, милосердием Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа был избавлен, возвращен, прощен и определен проповедовать веру, которую он так долго старался уничтожить". Джон Ньютон никогда не забывал, что он - прощенный грешник. Не забывал об этом и Павел. И мы тоже не должны забывать этого. Хорошо, когда человек помнит свои грехи, это спасает его от духовной гордыни.

2) Память о своей греховности надежно помогала ему сохранять чувство благодарности. Память о том, что нам было прощено, надежно поддерживает в наших сердцах любовь к Иисусу Христу. Ф. У. Борэм рассказывает о письме, которое написал старый пуританин Томас Гудвин своему сыну: "Когда мне грозила опасность охладеть в моем проповедничестве, когда я чувствовал, что субботнее утро приближается, а сердце мое еще не наполнилось восхищением перед милосердием Божиим, или когда я готовился к раздаче причастия, знаешь, что я делал тогда? Тогда я перебирал все грехи моей прошлой жизни и приходил с разбитым и задумчивым сердцем, готовый проповедовать так, как проповедовал и в самом начале: за прощение грехов. Мне кажется, что всякий раз, когда я поднимался по ступеням кафедры, я останавливался у ее подножия, перебирая в памяти грехи моего прошлого. Мне кажется, что каждый раз, когда я подготавливал очередную проповедь, я обходил рабочий стол в моем кабинете, мысленно взирая на грехи моей юности и всей моей жизни до сегодняшнего дня; и очень часто в субботу утром, когда душа моя оставалась холодной и сухой, потому что я недостаточно много молился в течение недели, стоило мне пересмотреть мою прошлую жизнь, перед тем, как взойти на кафедру, мое жесткое сердце размягчалось и прежде чем я приступал к проповеди, сам я душой становился ближе к благовествованию". Когда мы вспоминаем о том, какую боль мы причинили и причиняем Богу и тем, кто любит нас и нашим братьям, когда мы вспоминаем о том, что Бог и люди простили нас, память об этом должна воспламенить чувство благодарности в сердцах наших.

3) Память о своей греховности постоянно побуждала его к большим усилиям. Совершенно истинно, что человек никогда не может заслужить полного одобрения Божия, заслужить Его любовь, но также ясно, что человек не может прекратить свои попытки выразить свою признательность за любовь и милосердие, давшие ему возможность стать тем, чем он является. Когда мы любим кого-нибудь, мы не можем не стараться показать ему нашу любовь. Когда мы вспомним о том, сколь Бог любит нас и сколь мало мы заслуживаем это, когда мы вспомним, что за нас Иисус Христос был распят и принял муки на Голгофе, мы

должны приложить все усилия, чтобы показать Богу, что мы понимаем все, что Он сделал для нас и чтобы показать Иисусу Христу, что Его жертва не была напрасной.

4) Память о его греховности должна была стать постоянным одобрением действий других. Павел рисует живописную картину. Он говорит, что произошедшее с ним - своего рода пример тем, кто обратится ко Христу в будущем. При этом Павел употребляет слово *хуотупосис*, которое значит набросок, эскизный план, первая экспериментальная модель, Павел как бы говорил: "Посмотрите, что Христос сделал для меня! Если может быть спасен такой человек, как я, надежда остается для каждого". Предположим, что человек очень болен и должен подвергнуться опасной операции; он был бы чрезвычайно ободрен, если бы встретил и поговорил с другим человеком, который подвергся такой операции и теперь совершенно здоров. Павел не стал уклончиво скрывать свое прошлое; он разгласил его, с тем чтобы другие обрели смелость и надежду на то, что милосердие, обратившее его, может обратить и их.

Забывчивость часто представляет огромную опасность для людей. Павел же отказывался забыть свои грехи, ибо каждый раз, когда он думал о своих великих грехах, он думал о еще большем величии Иисуса Христа. Нет, он не разжигал в себе нездоровые размышления о своей греховности; он помнил о ней, чтобы еще раз порадоваться чуду милосердия Иисуса Христа.

18-20

Призывы, которые нельзя не услышать (1 Тим. 1,18-20)

Первая часть этого отрывка изложена очень сжато. Означать же она может вот что. Должно быть пророки Церкви собрались однажды вместе: все понимали, что пророки пользовались доверием Божиим и были посвящены в Его планы. "Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам" (Ам. 3,7). На этом собрании они осуждали угрожающую Церкви ситуацию и пришли к заключению, что ею должен заняться Тимофей. В Деян. 13,1-3 мы видим, что пророки выступали именно так в другой ситуации. Перед Церковью стоял чрезвычайной важности вопрос о том, нужно ли понести евангелие язычникам, или нет; и именно к пророкам обратился Дух Святой, со словами: "отделите мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их" (Деян. 13,2). А с Тимофеем произошло вот что: он был выделен пророками для урегулирования сложившейся в Церкви ситуации. Может быть даже, что он, было, заколебался перед величием и важностью поставленной перед ним задачи, и вот Павел ободряет его своими соображениями.

1) Ты избран и ты не можешь отказаться от возложенного на тебя задания". Нечто подобное произошло с Джоном Ноксом, шотландским реформатором: он преподавал тогда в Сент Эндрюс; он преподавал, собственно, определенной группе лиц, но приходили на лекции и многие посторонние, потому что всем было ясно, что ему есть что сказать. И люди стали уговаривать его, "чтобы он начал проповедовать где-нибудь. Но он наотрез отказался, заявив, что незачем бежать туда, куда Бог не призывает его..." В дальнейшем он все же по настоянию своих братьев, согласился и осознал, что это Бог призвал его проповедовать евангелие людям.

Джон Кнокс был избран Богом; он не хотел услышать зов Божий, но был вынужден внять ему, потому что он исходил от Бога. Через много лет шотландский регент Мортон произнес над могилой Кнокса эту ставшую знаменитой эпитафию: "Перед лицом проповедуемого им благовествования Божия, Которому он должен дать за него отчет он (хотя и был слабым и недостойным созданием и пугающимся человеком) не боялся людей". Сознание того, что он избран Богом, придавало ему силы. Так и Павел говорит Тимофею: "Ты избран, ты не можешь разочаровать Бога и человека". К каждому из нас в должное время приходит избрание Божие; и, если мы призваны выполнить работу для Него, мы не смеем отказаться от нее.

2) Может быть, Павел говорил этим Тимофею: "Будь верен своему имени". *Тимофей* происходит от двух греческих слов, *тима*, что значит *честь, слава*, и *теос*, что значит *Бог*; таким образом, *Тимофей* значит *честь слава Богу*. И если нас зовут *христианами*, из роду Христа, мы должны быть верны этому имени.

3) Наконец, Павел говорит Тимофею: "Преподаю тебе, сын мой, ... такое завещание". При этом Павел употребляет слово *паратитесфай* (переведенное в Библии как *преподаю*), которое обозначает (передачи) доверие чего-то дорогого кому-то для сохранения. Его употребляют, например, при совершении банковского вклада или при передаче человека на чье-то попечение. Оно всегда предполагает оказанное кому-нибудь доверие, за которое потом придется отвечать. Таким образом, Павел говорит: "Тимофей, в твои руки кладу я святыню. Смотри, не обмани мое доверие". Бог полагается на нас, Он вкладывает в наши руки честь Свою и Своей Церкви. И мы должны помнить, что не можем обмануть Его доверие.

Снаряжение в поход Божий (1 Тим. 1,18-20 (продолжение))

Ну, а какое завещание преподавал Павел Тимофею? Он отправляет его, чтобы он *воинствовал как добрый воин*. Идея о жизни, как о военном походе, всегда занимала умы людей. Максим из Тира сказал: "Бог - полководец, жизнь - битва, человек - воин". И Сенека говорил: "Для меня, мой дорогой Луцилий, жить - значит быть воином". Когда человек становился последователем египетской богини Изиды и посвящался в связанные с ее именем мистерии, к нему обращались с призывом: "Занеси себя в списки священного воинства богини Изиды". Здесь следует отметить три пункта:

1) Мы призваны не просто к *битве*, а к *военному походу*. Жизнь - один долгий поход, служба, с которой нет увольнения; это не короткая жаркая битва, после которой человек может отложить свое оружие и отдохнуть в мире. Жизнь - не забег на стометровку, жизнь - это марафон. Именно здесь возникает опасность: нужно быть всегда настороже. "Постоянная бдительность - вот цена свободы". Жизненные соблазны всегда ищут трещину в доспехах христианина. Христианина всегда подстерегает опасное желание свести жизнь к нескольким порывам. Но мы должны помнить, что мы призваны в боевой поход, который длится столько же, сколько жизнь.

2) Тимофей призван быть *добрым* воином. И здесь мы снова встречаем слово *калос*, которое так любит автор Пастырских посланий. Это слово значит не просто хороший и сильный, оно значит также обаятельный и привлекательный. Воин Христов - не недовольный и жестокий солдат, он - доброволец, рыцарски несущий свою службу. Воин Христов - не рабски исполняет свой долг, а служит с радостью.

3) Павел призывает Тимофея взять с собой два вида оружия, а) Он должен взять с собой *веру*. Даже в самые мрачные времена он должен верить в конечную правоту своего дела и в конечную победу Божию. Вера поддерживала Джона Нокса в минуты отчаяния. Однажды судно, на котором он был рабом-гребцом, проходило в видимости Сент Эндрюс. Нокс был настолько слаб, что его пришлось поднять на руках. Ему показали колокольню церкви и спросили, узнает ли он ее. "Да, - сказал он, - я хорошо знаю ее; и я совершенно убежден, что, каким бы слабым я ни был сейчас, не покину этот мир до тех пор, пока мой язык не вознесет Ему там славу". Он описывает свои чувства в 1554 году, когда ему пришлось бежать из страны от мести Марии Тюдор. "Не только неверующие, но даже мои верующие братья да, даже я сам: то есть весь здравый смысл, говорил, что мое дело непоправимо. Хрупкая плоть, раздавленная страхом и болью, жаждет избавления, ненавидя, однако, послушание и отказывая в нем. О, братья-христиане, я пишу из собственного опыта... Я знаю жалобы и недовольство плоти, я знаю гнев и возмущение против Бога, который, они вызывают, подвергая сомнению все Его обещания, и готовые совершенно отпасть от Бога. *И против всего этого у вас остается только вера*". В самые мрачные моменты христианскому воину нужна неослабевающая вера, б) Он должен взять с собой *добрую совесть*. Другими словами, воин-христианин должен по крайней мере стараться жить в соответствии со своим

вероучением. Добродетель уходит из благовествования человека, если его сознание осуждает его, когда он говорит.

Суровый упрек (1 Тим. 1, 18-20 (продолжение))

Отрывок заканчивается суровым осуждением двух членов Церкви, нанесших ей большой ущерб, причинивших страдания Павлу и погубивших свои жизни. Именей упоминается снова в 2 Тим. 2,17, а Александр, очевидно, упоминается также в 2 Тим. 4,14. Павел недоволен ими по трем причинам.

1) Они отказались следовать своему сознанию. Они позволили своим страстям говорить громче, чем глас Божий.

2) Они вернулись к своим порочным привычкам. Как только они отступили от Бога, жизнь их стала порочной и оскверненной. Как только Бог ушел из их жизни, вместе с Ним из нее ушла и красота.

3) Они обратились к ложному вероучению. И этот их шаг был, можно сказать, неизбежным. Как только человек сходит с пути истинного, он первым делом старается найти оправдание своему поступку. Он начинает извращать христианское вероучение, с тем, чтобы оно оправдывало его собственные действия. В поисках доводов оправдывающих порок извращает он истину. В словах Иисуса Христа находит он аргументы, оправдывающие зло. В момент, когда человек поступает вопреки голосу совести, поведение его становится порочным, а мысли извращенными.

И Павел говорит, что он "передал их сатане". Что значат эти ужасные слова! Есть три возможности.

1) Может быть, он думает об иудейской практике отлучения от церкви. В синагогах существовала практика, по которой преступника или грешника подвергали публичному осуждению. Если это не оказывало на него надлежащего действия, его изгоняли из синагоги на тридцать дней. Если же он и тогда упорно не раскаивался, его подвергали анафеме, что делало его проклятым, лишенным человеческого общества и дружбы с Богом. В таком случае вполне можно было сказать, что человек был предан дьяволу, сатане.

2) Павел, может быть, хотел сказать этим, что он исключил их самим себе и язычникам. В языческом мире человек просто был вынужден проводить четкую грань между Церковью и миром. Церковь была Божьим миром, остальной мир принадлежал дьяволу, и быть исключенным из Церкви значило снова попасть в мир, в котором властвовал дьявол. Таким образом, эта фраза может означать, что Именей и Александр были возвращены в языческий мир.

3) Есть еще и третье объяснение, которое, может быть ближе всего к истине. Дьявол был повинен, по мнению древних, в страданиях и муках людей. Как известно, один из членов коринфской общины был повинен в ужасной кровосмесительной связи и Павел посоветовал коринфянам предать (его) сатане "во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. 5,5). Мысль Павла заключается в том, чтобы Церковь, члены ее, молились о том, чтобы на этого человека напала какая-нибудь физическая болезнь с тем, чтобы через боль в теле он пришел в рассудок. Так, например, сатана навлек физические страдания на Иова (Иов 2,6.7). В Новом Завете мы тоже имеем такие примеры: ужасный конец Анании и Сапфиры (Деян. 5,5) и слепота поразившая волхва Елиму за его отказ признать слово Божие (Деян. 13,11). Может также быть, что Павел молился о том, чтобы Именей и Александр подверглись какой-нибудь физической каре, что послужило бы им предупреждением и наказанием Божиим.

Это более всего и похоже на истину, потому что Павел не хочет чтобы они были уничтожены, а он хочет, чтобы они научились не богохульствовать. Для него, (как это должно быть и для нас) наказание никогда не было мстью и карой, а лишь воспитательным

средством, которое должно не просто причинять боль, а излечивать.

Глава 2

1-7

Универсальная слава Божия (1 Тим. 2,1-7)

Прежде чем приступить к разбору этого отрывка, отметим один факт, который так бросается в глаза, что вряд ли кто-нибудь не заметил его. Немного в Новом Завете отрывков, в которых бы так ясно подчеркивалась универсальность Евангелия. Молитвы следует совершать за *всех* людей; Бог - Спаситель, Который хочет, чтобы *все* люди спаслись; Иисус Христос предал Себя для искупления *всех*. Как пишет Уальтер Локк: "Желание Бога спасти людей, так же необъятно, как Его желание творить".

И эта мысль снова и снова звучит в Новом Завете. Через Христа Бог примирил *нас*, мир с Собой (2 Кор. 5,18.19). Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего (Иоан. 3,16). Иисус был уверен в том, что как только Он будет вознесен от земли на Распятии, рано или поздно Он *всех* привлечет к Себе (Иоан. 12,32).

Е. Ф. Браун назвал этот отрывок "уставом миссионерской работы". Этот отрывок, говорит он, является доказательством того, что все люди - *капакс деи*, способны принять Бога. Они могут потеряться, но они могут быть найдены; они могут быть невежественными, но они могут быть просвещены; они могут быть грешниками, но они могут быть спасены. Джордж Уисхарт, предшественник Джона Нокса, пишет в своем переводе *Первого Швейцарского Вероисповедания*: "Цель и замысел Священного Писания заключались в том, чтобы объяснить, что Бог настроен благожелательно и дружественно к человечеству и что Он проявил Свою работу в Иисусе и через Иисуса, Сына Своего единокровного и эта доброта принята (людьми) на веру". Вот почему следует совершать молитвы за всех. Богу нужны все люди, следовательно и Его Церкви нужны все люди.

1) Евангелие относится и к *власть имущим* и к *людям низкого происхождения*, Евангелие в равной степени распространяется и на императора, в его власти, и на раба, в его беспомощности. Благодать и истина, которые может дать евангелие, нужны и философу в его мудрости и простому человеку в его невежестве. Евангелие не знает классовых различий. Царь и человек из народа, богатый и бедный, аристократ и крестьянин, хозяин и слуга - всех включают его безграничные объятия.

2) Евангелие объемлет и *хороших* и *плохих*. Церковь в наши дни страдала иногда странной болезнью: она настаивала на том, что только почтенные люди могут быть приняты в Церковь и с подозрением смотрела на грешников, пытавшихся войти в нее. Но Новый Завет ясно показывает, что Церковь существует не только для того, чтобы наставлять добрых, но также и для того, чтобы принимать и спасать грешников. С. Т. Сидд любил повторять четыре строки:

Одни хотят жить в звоне

колокола церкви и часовни

Я же хочу организовать спасательный пункт

Во дворе ада.

Одним из величайших святых современности, и пожалуй всех времен, можно считать Тойохико Кагава. Кагава направился в Шинкава в поисках людей для Христа и жил там в отвратительнейших и крайне развращенных трущобах. У. Дж. Смит так описывает положение: "Его соседями были незарегистрированные проститутки, воры, хваставшие своей способностью обмануть всю городскую полицию, убийцы, не только гордые совершенными ими убийствами, но всегда готовые совершить новые для повышения своего престижа в округе. Все эти люди - больные, психически неполноценные и преступники, жили в ужасной

нищете; улицы были покрыты отбросами и скользки; из канализационных труб выползали умирающие крысы, воздух был пропитан зловонием. Рядом с Кагавой жила слабоумная девушка, на спине ее были нарисованы крайне неприличные картинки, которыми она завлекала в свою конуру похотливых мужчин. Всюду человеческие тела, пораженные сифилисом". Кагава обращался к таким людям - ведь к таким людям обращается Иисус Христос, потому что Ему нужны *все* люди, как хорошие, так и плохие. 3) Евангелие охватывает как *христиан*, так и *не христиан*. Молитвы следует совершать за всех людей. Цари и начальники, за которых призывает молиться настоящее послание, не были христианами; они даже были враждебно настроены к Церкви, и все же молитвами Церковь должна была привести их к престолу благодати. Для истинного христианина нет ничего такого, как враг, во всем этом мире. Никто не исключен из его молитвы, никого не обходит любовь Христова и никто не исключен из предначертаний Божиих, Который хочет, чтобы спасены были *все* люди.

Характер молитвы (1 Тим, 2,1-7 (продолжение))

Четыре слова приводит Павел для расширения понятия молитвы. Правда, не всех их можно контрастно разграничить друг от друга, но, тем не менее, каждое из них может сказать нам нечто о характере молитвы.

1) Во-первых, это *деесис*, переведенное в Библии как *прошение*. Это слово не относится исключительно к религиозному словарю; прошение может быть обращено как человеку-собрату, так и к Богу. Но в основе его лежит идея - чувство нужды. Никто не обратится с прошением, если чувство нужды не вызовет какого-нибудь желания. Молитву предваряет чувство нужды. Она начинается с убеждения, что мы не можем сами сладить с жизнью. Обращение к Богу основано на чувстве человеческой слабости.

"Не позволяй своей совести задерживать себя, И не мечтай нежно о готовности Он требует от тебя только одной готовности - Чувство потребности в Нем".

2) Во-вторых, *просеухе*, переведенное как *молитва*. Принципиальное различие между *деесис* и *просеухе* заключается в том, что *деесис* может быть обращено как к человеку, так и к Богу, в то время как *просеухе* может быть обращена лишь к Богу. Некоторые потребности наши может удовлетворить только Бог. Силу может придать нам только Он; только Он может дать нам прощение; уверенность в себе лишь Он может нам придать. Может быть, слабость наша именно потому и не утешает нас, что мы слишком часто обращаемся со своими просьбами не по нужному адресу.

3) Третье слово - *энтоуксис*, переведенное в Библии как *моление*. Из трех слов это самое интересное. Интересна и его история. Это существительное, образованное от глагола *энтугханеин*. Глагол же этот сперва означал попросту *встретить, случайно столкнуться с человеком*, потом он приобрел значение *вести с человеком задушевный разговор*, а потом он получил особое значение и стал означать *входить в присутствие царя*, чтобы подать ему прошение. А это уже многое говорит нам о молитве. Это говорит нам о том, что путь к Богу открыт и что у нас есть право приходить с нашими прошениями к Царю.

Ты входишь к Царю;

Великие просьбы носи Ему,

Ибо милость и сила Его такова,

что каждому Он дает сполна.

Любое благодеяние, о котором вы попросите Царя, не будет для Него чрезмерно большим.

4) И четвертое слово *евхаристия*, переведенное как *благодарения*. Молитва - не только прошение у Бога чего-либо. Слишком многие обращают свою молитву в сплошную жалобу, тогда как они должны лишь благодарить.

Эпиктет, не христианин, а философ-стоик, говаривал: "Разве могу я, маленький старый увечный человек, делать что-нибудь еще, кроме как возносить хвалы Богу?" Мы можем приходить к Богу с нашими нуждами и заботами; но мы должны также приносить Ему наши благодарения.

Молитва за всех начальствующих (1 Тим. 2,1-7 (продолжение))

Здесь Павел ясно повелевает возносить молитвы за царей и всех начальствующих. И это было главным правилом коллективной христианской молитвы. Императоры могли быть гонителями христиан, и начальствующие могли делать все, чтобы начисто уничтожить христианство, а Церковь никогда, даже во времена жесточайших гонений, не прекращала молиться за них.

Чрезвычайно интересно проследить, что на протяжении всех своих первых дней - тех жестоких гонений - Церковь считала своим долгом возносить молитвы за императора и подвластных ему царей и правителей. "Бога бойтесь, - говорит Петр, - царя чтите", и мы должны помнить, что этот император был никто иной как Нерон, жестокий изверг. Тертуллиан настаивал, чтобы христиане возносили молитву за императора, за "его долгую жизнь, спокойное царствование, надежный дом, верный сенат, праведный народ и мир на земле" (Апология 30). "Мы молимся за наших правителей", - писал он, - "за мировой порядок, за мир всем и всему, за продление века" (Апология 39). В другом месте он же пишет: "Христианин - никому не враг, и меньше всего - императору, ибо мы знаем, что, коль скоро он определен Богом, мы должны любить его, уважать его, чтить его, желать его безопасности, а также всей Римской империи. И посему мы приносим жертвы за императора" (К Скапуле 2). Киприан, в письме к Дементию говорит о христианской Церкви как о "жертвующей и умиротворяющей Бога день и ночь за твое спокойствие и безопасность" (К Дементию 20). В 311 г. император Галерий действительно просил христиан молиться и обещал им милость и прощения, если они будут молиться за государство. Тициан пишет: "Император приказывает нам платить дань? Мы с готовностью предлагаем ее. Приказывает нам владыка нести службу или быть рабами? Мы признаем себя его рабами. Но человека нужно чтить, как подобает человеку, почитать же нужно только Бога" (Апология 4). Феофил Антиохийский писал: "Императору я буду отдавать тем большие почести, потому что я не буду поклоняться ему, но я буду молиться за него. Поклоняться же я буду исключительно истинному и единственному Богу, потому что я знаю, что император поставлен Им... Те хорошо относятся к императору, которые повинуются ему и молятся за него, именно они оказывают ему настоящие почести" (Апология 1,11). Иустин Мученик писал так: "Мы поклоняемся лишь Богу, во всем же другом мы с готовностью служим тебе, признавая царей и правителей народов и возносим молитвы, чтобы они сочетали справедливые цели с царской властью" (Апология 1,14,17).

Величайшую из всех молитв за императора находили в Первом послании Климента Римского церкви в Коринфе, которое было написано около 90 г., когда в памяти людей были еще свежи жестокости Домициана. Климент пишет следующее: "Ты, Господь и Господин, Своею превосходною и невыразимою силою дал нашим начальникам верховную власть, и мы, зная славу и честь, которую Ты дал им, подчиняемся им, ничем не противясь Твоей воле. Дай им, поэтому, Господи, здоровья, мира, согласия, крепости, дабы они могли безукоризненно отправлять власть, которую Ты дал им. Ибо Ты, небесный Господин, Царь веков, даешь сынам человеческим славу и почести и власть над всем, что есть на земле. Направляй, Господи, их планы согласно тому, что хорошо и приятно в глазах Твоих, с тем, чтобы они отправляли власть, данную им Тобой, в мире, мягкости и в благочестии, могли обрести Твое расположение. О Ты, Один способный делать это, и еще неизмеримо больше добра для нас. Тебе возносим мы хвалу через Первосвященника и посредника наших душ, Иисуса Христа, через Которого да будет Тебе слава и величие и ныне и во все поколения и во веки веков. Аминь".

Церковь всегда считала своим неперенным долгом возносить молитвы за тех, кто поставлен над царствами земными и приводить даже гонителей своих к престолу милосердия.

Дары Божии (1 Тим. 2,1-7 (продолжение))

Церковь молит для начальствующих вот о чем.

1) Она молит "о жизни тихой и безмятежной". Это молитва за свободу от войны, от мятежей и против всего, что может нарушить мир государства. Это молитва каждого доброго гражданина за свою страну.

2) Но Церковь возносила молитвы не только об этом. Она возносила молитвы за "жизнь во всяком благочестии и чистоте". И здесь мы сталкиваемся с двумя великими ключевыми для понимания Пастырских посланий словами, характеризующих качества", к которым должны стремиться не только правители и начальники, но и каждый христианин.

Во-первых, это *благочестие, эусебейя*. Это одно из величайших и почти непереводаемых греческих слов. Оно обозначает почтение, благоговение как по отношению к Богу, так и к человеку. Оно характеризует склад ума человека, который уважает своих собратьев и чтит Бога. Евсевий определил это слово как "почтение по отношению к единому и единственному Богу, и образ жизни, который Он от нас ожидает". Греки видели великий пример *эусебейи* в Сократе, которого Ксенофонт описывает такими словами: "Такой набожный и благочестиво религиозный, что он не сделал бы ни шага в нарушение воли небесной; такой справедливый и честный, что он никогда не причинил никакой боли ни единой живой душе; такой воздержанный и с таким чувством самообладания, что он никогда не предпочитал радости жизни ее горестям; такой чувствительный, мудрый и предусмотрительный, что он никогда не ошибался в различении добра и зла (Ксенофонт, Меморабилия 4, 8). *Эусебейя* очень близко соответствует великому латинскому слову *пиета*, которое Уорд Фоулер описывает так: "Качество, которое римляне называют *пиета* стоит, несмотря на испытания и опасность, выше соблазнов человеческой страсти и эгоистического покоя. *Пиета* Энея обратилась в чувство долга по отношению к воле богов, а также по отношению к отцу сыну и к его народу; и он никогда не потерял это чувство долга". *Эусебеи* - несомненно, великая вещь. Она всегда помнит отдать должное почтение Богу, она всегда помнит принадлежащие людям права; она никогда не забывает также уважение, которое следует индивиду, себе самому. Им характеризуется человек, который никогда не изменит Богу, человеку или себе.

Во-вторых, это *почтение, семнотес*. И здесь мы снова входим в область непереводаемого. Соответствующее прилагательное *семнос* всегда употреблялось по отношению к богам. Р. С. Тренч говорит, что на человеке, характеризуемом как *семнос* "благодать и достоинство, которые не земля им дала". "Это, - продолжает Тренч, - человек, который, не требуя этого, вызывает и внушает почтение". Аристотель охарактеризовал добродетель как среднее между двумя крайностями, между крайним избытком и крайним недостатком, между которыми лежит середина, золотая середина, где и находится добродетель. И Аристотель говорит, что *семнотес* есть среднее между *арескейя*, *раболепством*, и *аутадейя*, *высокомерием*. Можно сказать так, что для человека, который характеризуется как *семнос*, жизнь является одним актом почитания; он всю свою жизнь живет в присутствии Бога, он ходит в мире, как сказал кто-то, как будто это храм Бога живого. Она никогда не забывает святости Бога и достоинства человека. К этим двум великим поистине королевским качествам должен стремиться каждый человек и о них он должен молиться.

Единый Бог и Единый Спаситель (1 Тим. 2,1-7 (продолжение))

Павел заканчивает отрывок изложением фундаментального кредо христианской веры.

1) Бог един. В мире нет ничего подобного рассуждениям гностиков о существовании в мире двух богов, враждебных друг другу. Мы также не живем в мире, каким представляли

его себе язычники, с целым сонмом богов, часто соперничающих друг с другом. Миссионеры поведали нам о том, что христианство приносит язычникам огромное облегчение - веру в то, что существует только один Бог. Ведь они живут в вечном страхе перед богами, и осознание того, что существует только один Бог, имя Которого Отец, а сущность - Любовь, дает им истинное освобождение.

2) Существует лишь один посредник. Ведь даже иудеи стали бы утверждать, что их много посредников между Богом и человеком. Посредник - это тот, который стоит между сторонами и выступает в качестве третейского судьи. В Завете Дана (6, 2) написано так: "Приблизься к Богу и к ангелам, который ходатайствует за тебя, потому что он есть посредник между Богом и человеком". Греки тоже представляли себе разного рода посредников. Плутарх говорил, что было бы оскорблением Бога считать Его принимающим непосредственное участие в земных делах: он принимает участие в земных делах лишь через ангелов, демонов и полубогов, выступающих, по его словам в роли, чего-то вроде Его офицеров в связи.

Ни греческое, ни иудейское мировоззрение не допускали возможности для человека непосредственного доступа к Богу. Но в Иисусе Христе христиане имеют этот непосредственный доступ, причем между Ним и христианами не существует никаких преград. И далее, говорит Павел, есть только *один* посредник. Е. Ф. Браун говорит, что именно в это труднее всего поверить индусам. Они говорят: "Ваша религия хороша для вас, а наша - для нас". Но если бы Бог не был един и посредник не был един, не могло бы существовать ничего, подобного братству людей. Если бы их было много, богов и посредников, состязающихся в верности и любви, то религия была бы чем-то разделяющим людей, а не объединяющим их. Именно потому, что Бог один и посредник один, люди стали братьями друг другу.

И далее Павел называет Иисуса Предавшим Себя для искупления всех. Это, однако, означает, что Бог пожертвовал жизнью Своего едиnorodного Сына, чтобы обратить людей снова к Себе.

Один человек потерял на войне сына. Человек этот вел беспечный и прямо-таки безбожный образ жизни, но смерть сына, как ничто другое, обратила его лицом к лицу Богу. Он совершенно изменился. Однажды он стоял перед памятником погибшим, смотрел на высеченное на нем имя своего сына и сказал нежно: "Мне кажется, что ему пришлось оставить этот мир, чтобы вернуть меня Ему". Именно так поступил Иисус: это стоило Ему жизни и смерти, чтобы рассказать людям о любви Бога и привести людей к Нему.

И теперь Павел утверждает нечто о себе.

1) Он поставлен *проповедником* [у Баркли: вестником] свидетельства Иисуса Христа. Вестник - это человек, который сообщает что-то и добавляет: "Это правда". Он приносит не свое сообщение, а сообщение царя.

2) Он - *очевидец* свидетельства Иисуса Христа. Очевидец - это человек, который говорит: "Это правда, я знаю это", и добавляет: "Это действительно оказывает действие". Он - человек, рассказывающий не только о свидетельстве Иисуса Христа, но и о том, что сделал Христос для него.

3) Он - *апостол* [у Баркли: посланник]. Посланник - это человек, на которого возложена обязанность представлять свою страну, рассказывать о ней, в чужой земле. Посланник - апостол, в христианском смысле, - это человек, пересказывающий свидетельство Христово людям. Он хочет сообщить об этом свидетельстве другим так, чтобы оно стало для них столь же важным, как и для него.

4) Он - *учитель* язычников в вере и истине. Вестник сообщает факты; очевидец свидетельствует о важности и силе этих фактов, посланник - апостол разъясняет эти факты, а учитель доводит до понимания людей значение этих фактов. Недостаточно просто знать, что

Христос жил и умер; мы должны продумать значение имевшего место факта. Человек не просто должен почувствовать чудо свидетельства Иисуса Христа, он должен продумать, какое значение оно имело для него и для мира.

8-15

Преграды молитвам (1 Тим. 2,8-15)

Раннехристианская Церковь переняла иудейскую манеру молиться стоя с вытянутыми вперед ладонями вверх руками. Позже Тертуллиан скажет, что это отражало позу Христа на Распятии.

Иудеи всегда осознавали наличие преград, мешающих молитве человека достичь Бога. Исаия слышал, как Бог говорил людям: "И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови" (Ис. 1,15). И здесь тоже должен соблюдаться определенный ритуал.

1) Молящийся должен постирать вперед чистые, у Баркли - священные руки. Он должен поднимать к Богу руки, которые не касаются запретного. Это вовсе не означает вдруг, что грешнику закрыт доступ к Богу, а это значит, что нет вескости молитвы человека, который потом выходит и как будто он никогда не молился, прикасается к запретному. Причем это вовсе не распространяется на человека, охваченного страстями, борющегося с ними и остро сознающего свою несостоятельность. Это относится исключительно к человеку, молитвы которого являются пустой формальностью.

2) В сердце молящегося не должно быть места гневу. Кто-то сказал, что "прощение нечто неделимое". Прощение человеческое и прощение небесное идут рука об руку. Иисус неоднократно подчеркивал, что человек не может надеяться получить прощение Божие, если он сам враждебен к своему собрату. "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником, и пойди, прежде *примиришься с братом твоим*, и тогда приди и принеси дар твой" (Мат. 5,23.24). "А если не будете прощать другим согрешения их, то и Отец Ваш не простит вам согрешений ваших" (Мат. 6,15). Иисус рассказал притчу о не простившем рабе, который тоже не получил прощения и добавил: "Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его" (Мат. 18,35). Чтобы самим получить прощение, мы должны прощать другим. В письменном труде ранних христиан *Дидахе*, написанном около 100 г. сказано: "Не пускайте к вам никого, кто находится в ссоре с соседями своими, до тех пор, пока не помирятся между собой". Ожесточенность в сердце человеческом - это преграда, не позволяющая молитвам нашим достичь Бога.

3) Молящийся должен быть свободен от сомнений. Эта фраза может иметь два значения. Павел употребил греческое слово *диалогизмос*, которое может означать *довод*, *спор*, так и *сомнение*. Если принять значение довод, спор, то значение фразы сводится к значению только что разобранный фразы и подтверждает факт, что ожесточение, ссоры и злобные споры представляют серьезные препятствия для молитвы. Так что лучше взять второе значение этого греческого слова - *сомнение*. Чтобы Бог мог ответить на молитву, человек должен быть уверен в том, что Бог ответит на нее. Молитва человека, молящегося в состоянии пессимизма и не верящего в смысл этой молитвы, бескрыла и падает на землю. Чтобы человек мог быть излечен, он должен сперва поверить в это; человек, который хочет положиться на благодать Божию должен верить в нее. Мы должны обращать наши молитвы к Богу в полной уверенности, что Он слышит наши молитвы и отвечает на них.

Женщины в церкви (1 Тим. 2,8-15 (продолжение))

Вторая часть отрывка посвящена положению женщины в Церкви. Ее нужно читать в историческом контексте, потому что изложенная в отрывке точка зрения тесно связана со своей эпохой и обстоятельствами.

1) В нем получило отражение иудейское мировоззрение. Ни один народ никогда не отводил женщине большего места в домашних и семейных вопросах, чем иудеи, но официально женщина занимала очень низкое положение. По иудейскому закону женщина была не человеком, а вещью, она находилась в полном распоряжении отца или мужа. Женщине было запрещено изучать закон; считалось, что учить женщину закону равносильно метанию бисера перед свиньями. Женщины не могли принимать участия в службе в синагоге, или в галерее, где они не были видны. Мужчина приходил в синагогу *познавать*, учиться, женщина, в большинстве случаев, - чтобы *послушать*. В синагоге уроки из Писания читали члены церковной общины, но не женщины, ибо это значило бы "умалить честь общины". Женщинам было настрого запрещено преподавать в школе, даже самым маленьким детям. На женщину не распространялись положения закона, она не была обязана посещать священные пиры и праздники. Женщин, детей и рабов сводили в одну группу. В своей утренней молитве иудей благодарил Бога за то, что Он не создал его язычником, рабом или женщиной. В книге *Изречения наших отцов* раввину Хозе бен Йоханану приписывается высказывание: "Пусть двери дома твоего будут широко открыты, пусть бедные чувствуют себя у тебя как дома, и не говори много с женщиной". Мудрый сказал однажды: "Всякий, кто много говорит с женщиной, причиняет себе вред, отказывается от свершений закона и он закончит в аду". Ортодоксальный раввин никогда не стал бы приветствовать на улице женщину, даже свою жену, дочь, мать или сестру. О женщине говорили: "Ее дело посылать детей в синагогу, заниматься домашними делами, не мешать своему мужу ездить учиться в школу и вести дом до его возвращения".

2) На содержание этого отрывка оказало влияние греческое мировоззрение. Греческое мировоззрение особенно усложняет дело. В греческой религии женщина занимала низкое место. При храме Афродите в Коринфе состояла тысяча жриц - священных проституток, каждый вечер занимавшиеся своим ремеслом на улицах города. В храме Дианы в Ефесе тоже были сотни жриц, называвшиеся *мелиссы*, что значит *пчелы*, которые выполняли такую же функцию. Почтенная греческая женщина вела очень уединенный образ жизни. У нее были свои комнаты, в которые мог входить только ее муж. Она даже не приходила к столу к трапезам. Она никогда не выходила на улицу одна, она никогда не посещала общественные собрания. Поэтому, если бы в греческом городе христианские женщины принимали активное участие в работе Церкви и имели в ней право голоса, то Церковь неизбежно обрела бы дурную славу прибежища распущенных женщин.

Кроме того, в греческом обществе были женщины, вся жизнь которых проходила в изготовлении изысканной одежды и заплетании волос. Римский писатель Плиний рассказывает об одной римской невесте, свадебное платье которой стоило около ста тысяч золотых рублей. Даже самих римлян и греков поражала любовь их женщин к платьям и украшениям. Важнейшие греческие религии получили название мистерий и в них были приняты именно те формы и нормы одежды, которые приводит здесь Павел. Сохранилась такая надпись: "у посвященной женщины не должно быть ни золотых украшений, ни румян, ни белил для лица, ни ленты в волосах, ни заплетенных кос, ни туфель, разве что изготовленные из шкуры или кожи жертвенного животного". Нет, раннехристианская Церковь устанавливала эти нормы не как непреходящие, а лишь как необходимые в условиях и обстоятельствах, в которых она находилась.

Но с другой стороны следует подчеркнуть вот что: по одной версии истории о сотворении мира женщина была сотворена после мужчины и она же пала жертвой соблазна змия. Но ведь Мария из Назарета родила и воспитала дитя Иисуса, Мария Магдалина первой увидела воскресшего Господа и именно четыре женщины из всех Его учеников стояли у Распятия. Прискилла и ее муж Акила были ценными учителями раннехристианской Церкви, наставившие Аполлоса в вопросах веры (*Деян. 18,26*). Еводия и Синтихия, тоже женщины - несмотря на свою ссору, подвизались в благовествовании. Четыре дочери евангелиста Филиппа были пророчицами (*Деян. 22,9*). Старые женщины обучали добру (*Тит. 2,3*). Ап.

Павел глубоко почитал Лоиду и Евнику (2 Тим. 1,5), а в Рим. 16 много имен женщин, пользующихся почетом.

Многие проблемы, затронутые в этой главе, носят исключительно преходящий характер, потому что они имели отношение к конкретной сложившейся ситуации. Свое глобальное отношение к этой проблеме апостол Павел высказал в Гал. 3,28: "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе". Во Христе стерлись все различия вместе, в почестях и в функциях, выполняемых в Церкви.

И, тем не менее, заканчивается этот отрывок важной истиной. Женщины, говорит Павел, спасутся через деторождение. Очень может быть, что Павел имеет при этом в виду деву Марию, женщину, мать Иисуса, и что это значит, что женщины будут спасены (как и все другие люди) через этот непревзойденный акт деторождения. Но вполне также может быть, что значение этой фразы много проще, а именно, что женщины обретут спасение не через свои речи к собраниям, а через материнство, которое и является их венцом. Как бы там ни было, женщина властвует в своем доме.

Не следует вычитывать из этого отрывка запрет всем женщинам участвовать в работе и в служении в Церкви, его просто следует читать с учетом и в контексте иудейского и греческого мировоззрения. И надо читать те места в посланиях Павла, где он высказывает непреходящие мысли о том, что стерлись все различия, что мужчины и женщины, рабы и свободные, иудеи и язычники могут служить Христу.

Глава 3

1-7

Руководители церкви (1 Тим. 3,1-7)

Этот отрывок имеет для нас большое значение, потому что в нем затронуты вопросы управления Церковью. Речь о человеке, который в русском переводе Библии (а также в официальном английском) назван *епископом*. Баркли же называет его *блюстителем*, *надзирателем*.

В Новом Завете встречаются два слова, обозначающие главных должностных лиц в Церкви, которые были в каждой церковной общине и от поведения и руководства которых зависело все ее процветание.

1) Во-первых, это *пресбутерос*, переведенное в Новом Завете как *старцы*, старейшины, *пресвитеры*.

Пресвитерство, старейшинство - самая ранняя в истории Церкви официальная должность. У иудеев были свои старейшины, надзиратели, иудеи прослеживали возникновение этого общественного института до события, описанного в Числ. 11,16, когда Моисей во время странствования в пустыне, назначил семьдесят человек, которые должны были помочь ему в заботах и управлении народом. В каждой синагоге были свои старейшины и надзиратели, которые и были истинными главами иудейской общины. Они руководили богослужением в синагоге; они же наставляли или наказывали, когда это было необходимо; они же разрешали споры, которые у других народов решались в суде. У иудеев старейшины и надзиратели пользовались уважением и осуществляли отцовский надзор над духовной и материальной жизнью каждой иудейской общины. Но институт старейшин существовал не только у иудеев, но и у других народов. В Спарте верховный орган власти назывался *героусией*, что значит совет *старейшин*. Верховное законодательное собрание Рима называлось *сенатом*, а это слово происходит от *сенеке*, что значит *старый человек*. В Англии верховную власть в общине осуществлял *олдермен*, что значит более старый человек, а в России - *староста*, или *старшой*. В новозаветные времена и в Египте в каждой деревне был староста, руководивший

общинными делами. Вообще институт старейшин имеет давнюю историю и старейшины занимали важное место в жизни почти всех общественных формаций.

2) Но иногда в Новом Завете употребляется слово *епископос*, которое в Библии переведено как епископ, и которое буквально значит *блюститель, управляющий*. И у этого слова длинная и почетная история. В Септуагинте греческом переводе Писания, оно употребляется для обозначения *блюстителей* общественных работ и общественных строений. (2 Пар. 34,17). Греки обозначали этим словом человека, которого отправляли из родного города для устройства дел новообразованной в отдаленном месте колонии. Они употребляли его также для обозначения, как бы мы сказали сейчас, специального уполномоченного для урегулирования городских дел. Римляне называли этим именем должностное лицо, контролировавшее торговлю продуктами питания в городе Рима. Им также обозначали специальных посланцев царя, наблюдавших за соблюдением изданных законов. *Епископос* всегда предполагает два значения: во-первых, *наблюдение* за какой-либо областью или сферой деятельности, и, во-вторых, ответственность перед высшей инстанцией.

В связи с этим очень важно выяснить, каковы были в раннехристианской Церкви отношения между старейшинами, *пресвитерами* и блюстителями, *епископами*?

Современная наука практически единодушно считает, что в раннехристианской Церкви пресвитеры и епископы были одни и те же люди. Такие выводы основаны на следующем: а) Старейшины везде назначались. После первого миссионерского путешествия Павел и Варнава рукоположили пресвитеров в каждой церкви, которую они основали (Деян. 14,23). Павел повелевает Титу поставить и посвятить в сан пресвитеров во всех городах Крита (Тит. 1,5). б) К *пресвитерам* и *епископам* предъявляются, в сущности, во всех аспектах одинаковые требования (1 Тим. 3,2-7; Тит. 1,6-9). в) Павел начинает Послание к Филиппийцам с приветствий *епископам* и *диаконам* (Фил. 1, 1). Невозможно прямо-таки представить себе, чтобы Павел не послал бы вообще никакого приветствия старейшинам *пресвитерам*, которые, как мы видели, имелись во всех, церквях, и, поэтому, *епископы* и *пресвитеры* (старейшины), - это должны быть обозначения одних и тех же людей, г) Во время своего последнего путешествия в Иерусалим Павел призвал *пресвитеров* церкви в Ефесе прийти в Милит (Деян. 20,17), и во время разговора с ними он называет их блюстителями (у Баркли епископами) - *епископой* - пасти Церковь Господа и Бога (Деян. 20,28). То есть, он обращается к тем же самым людям сперва как к пресвитерам, а потом как к епископам, или блюстителям, д) Когда ап. Петр пишет свое послание, он обращается к своим адресатам как *пастырь* к *пастырям* (у Баркли старейшина, пресвитер) (1 Пет. 5,1), а потом говорит, чтобы они *надзирали* за стадом Божиим (1 Пет. 5,2), причем для слова *надзирать* он употребляет глагол *епископейн*, от которого происходит существительное *епископос*. Новый Завет ясно показывает, что *пресбитерос* и *епископос*, пресвитеры и старейшины и *епископы* или *блюстители* - одни и те же люди.

Это, однако, вызывает два новых вопроса. Во-первых, почему для них, если это были одни и те же лица, существовали эти два названия? Ответ сводится к тому, что *пресбитерос* характеризует этих церковных руководителей с точки зрения их личных качеств. Это были старейшины, - самые уважаемые члены общины. *Епископос* же указывает на их *функцию*, на возложенную на них *задачу* блюсти жизнь и работу в Церкви. Одно слово характеризует человека, другое - возложенную на него задачу.

Второй вопрос сводится к следующему. Если епископы первоначально были старейшинами, как и почему столь разительно изменилось их положение? Ответ на этот вопрос прост. Совет старейшин неизбежно должен был избирать своего руководителя. Необходим был человек, который бы руководил советом старейшин, и такой человек обязательно должен был появиться. И старейшина, ставший руководителем совета старейшин, стал называться *епископос*, блюститель Церкви. Но нужно подчеркнуть еще раз, что это был руководитель среди равных. Это был, собственно, старейшина, которого

сочетание обстоятельств и личных качеств делало руководителем на Божьей страде.

Отсюда можно видеть, что переводить *епископос* в Новом Завете как *епископ* сегодня, придает ему вводящее в заблуждение значение. Поэтому было бы лучше переводить это слово как *блюститель, заведующий*.

Назначение руководителей церкви и их обязанности (1 Тим. 3,1-7 (продолжение))

Этот отрывок представляет для нас интерес еще и потому, что из него мы узнаем некоторые сведения о том, как назначались руководители Церкви и каковы были их обязательства.

1) Они, собственно, назначались специально для выполнения особых функций. Павел повелевает Титу поставить по всем церквам пресвитеров (*Тим. 1,5*). Церковные должностные лица назначались не тайно, а на глазах всех людей. В руки им публично, при всех собратях вручали честь Церкви.

2) Они должны были проходить испытательный срок. Их надо было прежде всего испытать (*1 Тим. 3,10*). И сегодня было бы хорошо, если бы Церковь была более требовательной к людям при избрании церковных должностных лиц.

3) За выполнение возложенной на них задачи они получали плату. "Трудящийся достоин награды своей" (*1 Тим. 5,18*). Церковный руководитель работает не ради денежной платы; но, с другой стороны, на Церкви, избравшей его на эту работу, лежит обязанность обеспечить его всем необходимым для жизни.

4) Они могли быть осуждены людьми или им могло быть вынесено порицание (*1 Тим. 5,19-22*). В раннехристианской Церкви должностные лица были руководителями Церкви, но, одновременно, они были слугами Церкви. Они должны были нести ответственность за свое служение. Ни одно церковное должностное лицо не должно полагать, что оно ни перед кем не несет ответственность. Оно должно отвечать за свои поступки перед Богом и перед людьми, руководить которыми Бог поставил его.

5) Они должны были достойно *начальствовать* над христианским собранием и *трудиться* в слове и в учении христианской общины (*1 Тим. 5,17*). На церковном должностном лице лежала двойная обязанность: *начальствовать* и *учить*. Может быть, одна из трагедий современной Церкви в том и заключается, что в ней начальствующие, управленческие функции почти полностью вытесняют учительские, назидательные функции. Так, например, печально смотреть, сколь мало церковных старейшин трудятся в учении в воскресных школах.

6) Церковное должностное лицо не должно быть из *новообращенных*. За это Павел высказывает две причины. Во-первых, что совершенно очевидно, чтобы "он не возгордился". Вторая причина не столь ясна. Как сказано в русском переводе Библии, чтобы "не подпал осуждению с диаволом". Эта странная фраза может иметь три объяснения, а) Именно гордыня подвинула Люцифера взбунтоваться против Бога, за что он и был изгнан с неба. И, посему, в этом может быть второе предупреждение против опасности, связанной с гордыней, б) Эта фраза также может означать, что если быстро выдвинувшийся новообращенный христианин возгордится, он даст диаволу возможность искусить его. Тщеславный церковный деятель дает диаволу возможность обратиться к критикам Церкви со словами: "Взгляни! Вот тебе твой христианин! Вот тебе и церковный деятель! Вот на что похож церковный руководитель!" в) Слово *диаболос* тоже имеет два значения. Оно значит *дьявол*, как оно и переведено в Библии. Но это слово также значит клеветник. Это же слово, собственно, употреблено в *стихе 11* в смысле *клеветницы*, где говорится о том, что их жены не должны быть клеветницами. Поэтому эта фраза также может означать, что новообращенный, назначенный на церковную должность и у которого от этого закружилась голова, дает лишние шансы клеветникам. Его недостойное поведение - оружие нападения в руках противников Церкви. Но как бы мы ни понимали эту фразу, ясно одно - тщеславный

церковный руководитель - плохой подарок Церкви.

Но раннехристианская Церковь не считала, что ответственность церковного руководителя ограничивается пределами Церкви. Его ответственность распространялась и на две другие сферы, и, если он не имел успеха в этих двух областях, то он не мог иметь успеха в Церкви.

1) Во-первых, и, прежде всего, он нес ответственность за свой дом. Разве можно возлагать на человека, неспособного управлять своим домом, задачу по управлению целой церковной общиной? (1 Тим. 3,5). Едва ли может человек, не сумевший устроить свой христианский дом, преуспеть в устройстве христианской общины. Человек, не сумевший наставить свою семью, едва ли сможет наставить семью Божию.

2) На нем, во-вторых, лежит определенная ответственность по отношению к внешнему миру. "Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних" (1 Тим. 3,7). Он должен быть человеком, заслужившим уважение своих братьев и сограждан в будничных делах. Самый большой ущерб Церкви причинили активно работающие в ней люди, деловая и общественная жизнь которых бросает пятно на веру, которую они проповедуют, и на наставления, которым они учат. Церковные должностные лица должны быть, прежде всего, хорошими людьми.

Черты характера церковного руководителя (1 Тим. 3,1-7 (продолжение))

Как мы только что видели, руководители христианской Церкви должны быть людьми, которые пользуются уважением всех. Но в этом отрывке Павел указал также на важные личные черты, необходимые руководителю

Церкви, и будет интересно внимательно рассмотреть их все. Но прежде чем приступить к этому, сравним их с описаниями хорошего руководителя, которые дали два крупных языческих мыслителя. Через Диогена Лаэртского до нас дошла точка зрения стоиков: по их мысли, руководитель должен быть женатым, без гордыни, умеренным, сочетать в себе благоразумие и отличное поведение. Второе описание находим у писателя Онасандера: руководитель должен иметь благоразумие, самообладание, быть трезвым, рассудительным, бережливым, выносливым в работе, умным, некорыстолюбивым, ни старым, ни молодым, по возможности отцом семейства, способным говорить со знанием дела, иметь хорошую репутацию и доброе имя. Интересно отметить совпадение описания, данного язычниками, с требованиями христианской Церкви.

Руководитель христианской Церкви должен быть *непорочным (анэпилентос)*. *Анэпилентос* называется полностью защищенная от нападения позиция; свободная от упреков и осуждения жизнь; свободные от всякого изъяна способы или нерушимое соглашение. Руководитель христианской Церкви не только должен быть свободным от таких недостатков, которые могут быть объектом конкретных обвинений; должен быть человеком с прекрасным, золотым характером, вне всякой критики вообще. В Реймском переводе Нового Завета это слово передано необычным словом, имеющим значение: *в котором нельзя найти изъяна*. Сами греки толковали его значение как "в котором нет ничего, за что бы мог ухватиться, зацепиться противник". В значении этого слова лежит идеал совершенства. Мы даже никогда не сможем добиться его, но, тем не менее, руководитель христианской Церкви должен стремиться к тому, чтобы мир видел в его жизни такую чистоту, которая не оставляла бы места даже самокритике.

Руководитель христианской Церкви *должен быть муж одной жены*. Некоторые люди считают это указанием на то, что руководитель христианской Церкви должен быть женатым человеком, и, возможно, таково и было значение этой фразы. Это неоспоримый факт, что женатому человеку можно довериться и он может оказать помощь, которую не может оказать неженатый человек и что он может лучше понять человека в определенной ситуации и посочувствовать ему. Некоторые же считают, что эта фраза значит, что руководитель не может жениться во второй раз, даже после смерти жены. В подтверждение этой идеи они

приводят слова ап. Павла из 1 *Кор.* 7. Но из настоящего контекста можно совершенно определенно заключить, что эта фраза означает, что руководитель христианской Церкви должен быть верным мужем, соблюдающим чистоту брака.

Вполне уместно спросить здесь, зачем нужно было нормативно фиксировать то, что кажется и так очевидным. Но нужно понимать положение вещей в мире, в котором это было написано. Кто-то сказал, и в этом большая доля истины, что христианство принесло в мир одну совершенно новую добродетель - воздержание, целомудрие. В древнем мире царил во многом моральный хаос, даже в иудейском мире. Как это ни кажется странным, но у некоторых иудеев еще было распространено многоженство. В *Диалоге с иудеем Трифоном*, где Иустин Мученик обсуждает христианство с иудеем, говорится: "иудей даже сейчас может иметь четыре или даже пять жен" (Диалог с Трифоном 134). Иосиф Флавий тоже писал: "По древним обычаям человек может жить более чем с одной женой" (Иудейские древности 17: 1,2).

Если не считать разные особые случаи, процедура развода была крайне упрощена у иудеев. У иудеев были самые высокие идеалы о браке. Они говорили, что мужчина должен скорее пожертвовать своей женой, нежели совершить убийство, идолопоклонство или нарушить супружескую верность. В истории об Исааке и Ревекке сказано: "... от Господа пришло это дело" (*Быт.* 24,50). Это понимали так, будто брак этот был устроен Богом.

Так и в *Прит.* 19,14 сказано: "... разумная жена - от Господа". В истории из Книги Товита ангел говорит юноше Товии: "... ей следует быть твоею женою" (*Тов.* 6,16). И раввины говорили следующее: "Бог восседает на небесах и устраивает браки" или, например, "за сорок дней до рождения ребенка небесный голос произносит имя его супруга".

И, несмотря на все это, иудейский закон допускал развод. Брак действительно представлялся как идеал, но развод допускался. Брак был "неприкосновенным, но не нерушимым". Иудеи считали, что, коль скоро, брачный идеал расшатан жестокостью супружеской неверностью или несовпадением характеров, лучше разрешить развод и дать обоим возможность начать новую жизнь. Но трагедия заключалась в том, что жена вообще не имела прав. У Иосифа Флавия сказано: "У нас считается вполне законным, если разводится мужчина, женщина же, если она ушла от своего мужа, не может выйти замуж за другого; только если муж отослал ее от себя" (Иудейские древности 15, 8, 7). В случае развода по взаимному согласию во времена Нового Завета было достаточно двух свидетелей, и вообще не нужно было никакой судебной процедуры. Муж мог отослать свою жену по любому поводу, жена, в лучшем случае, могла обратиться в суд с просьбой, чтобы ее муж написал ей разводное письмо, но суд даже не мог заставить его сделать это.

В этой ситуации дело приняло такой оборот, что "женщины отказывались заключать браки, а мужчины становились седыми, оставаясь холостяками". Эта тенденция была несколько замедлена законодательством, введенным Симоном бен Шетой. У иудеев жена всегда приносила мужу приданое, которое называлось *кетуба*. Симон постановил, что муж только до тех пор может неограниченно распоряжаться приданым своей жены, пока он на ней действительно женат; в случае же развода муж был обязан безоговорочно возратить его, даже если для этого ему пришлось бы "продать свои волосы". Этот шаг несколько уменьшил количество разводов, но иудейская система всегда носила на себе порочный отпечаток, накладываемой на нее бесправием женщины.

В языческом мире дело обстоит намного хуже. И там по римскому праву женщина не имела никаких прав. Катон говорил: "Если ты застанешь свою жену в прелюбодеянии, ты можешь убить ее безнаказанно, не опасаясь судебного разбирательства; но если в прелюбодеянии будешь застигнут ты, она не посмеет и пальца поднять на тебя, потому что это противозаконно". Дела становились столь плохими, а брак настолько неприятным институтом, что в 131 г. до Р. Х. известный римлянин Метелла Македонский высказал мысль, которую позже процитировал Август: "Если бы мы могли обойтись без жен, мы бы

избавились от этой помехи. Но коль скоро природа постановила так, что мы не можем ни удобно жить с ними, ни жить без них, мы должны скорее считаться с нашими непреходящими интересами, чем с преходящими удовольствиями".

Римские поэты тоже видели ужас сложившегося положения. "Греховные времена прежде всего заразили и разрушили брак и семейную жизнь. А отсюда зло распространилось повсюду", - писал Гораций. И Проперций сказал: "Скорее моря высохнут, и звезды будут похищены с небес, нежели изменятся наши женщины". Овидий, написавший свою знаменитую, или скорее, постыдную поэму "Наука любви" даже ни разу не упоминает в ней супружеской любви. Он цинично писал: "Лишь те женщины непорочны, которых никто не домогается, и лишь неотесанный деревенщина устраивает жене сцены за ее любовные похождения". Сенека тоже говорил в этом роде: "Женщины попросту презирают как поклонников девушек тех, кто не получил известность из-за своих любовных походов и тех, кто не платит замужней женщине годового содержания; мужа собственно, нужны лишь как приманка для любовников". "Лишь безобразные женщины, - говорил он, - сохраняют супружескую верность". "Женщина, довольствующаясь лишь двумя поклонниками, - образец добродетели". Тацит хвалил варварские германские племена, за то, что они "не смеялись над злом и не возвели соблазнение в похвальное увлечение". Во время бракосочетания дом, в котором поселялись молодожены, украшали зелеными лавровыми листьями. Ювенал сказал в связи с этим, что некоторые молодожены разводятся раньше, чем завянут лавровые листья свадебного убранства. В 19 г. до Р. Х. некоторый Квинт Лукреций Веспилло установил мемориальную доску в память своей жене, которая гласила: "Редко браки длятся до смерти без разводов, но наш был счастливым сорок один год". Счастливый брак был удивительным исключением. Овидий и Плиний были женаты три раза каждый, Цезарь и Антоний - четыре, Сулла и Помпеи - пять, Ирод - девять раз; дочь Цицерона Туллия была замужем три раза; император Нерон был третьим мужем Помпеи и пятым мужем Статилии Мессалины.

И не напрасно в Пастырских посланиях ясно сказано, чтобы церковный руководитель был мужем одной жены. В мире, где даже высшие мира сего утопали в аморальности, христианская Церковь должна быть примером целомудрия, стабильности и святости христианского домашнего очага.

Черты характера христианского руководителя (1 Тим. 3,1-7 (продолжение))

Христианский руководитель должен быть *трезв*, (*нефалиос*) и *не быть пьяницей*, (*пароинос*). В древнем мире вино пили всегда. В тех местах, где было плохо, а иногда и опасно с водоснабжением, самым естественным напитком было вино. Виноградная лоза веселит сердца богов и человеков (Суд. 9,13). После возвращения из плена Израиль насадит виноградники и будет пить вино из них (Ам. 9,14). Крепкие напитки - сикеру - дайте погибающему, а вино - огорченному душею (Прит. 31,6).

Мы этим вовсе не хотим сказать, что древний мир вовсе не понимал опасностей, связанных с употреблением крепких напитков. В Притчах говорится о несчастьях, которые постигают человека, пристрастившегося к вину, краснеющему и искрящемуся (Прит. 23,29-34). Вино глумливо, сикера - буйна (Прит. 20, 1). Существуют ужасные истории о том, что произошло с людьми, злоупотреблявших вином. Так, например, история Ноя в Быт. 9,18-27; Лота в Быт. 19,30-38; Амнона в 2 Цар. 13,28.29. Хотя в древнем мире вино было самым широко распространенным напитком, употребляли его древние очень и очень умеренно. Вино пили разбавленным в соотношении две части вина на три части воды. На пьяного смотрели с презрением даже в языческом обществе, не говоря уже о Церкви.

Интересно также подчеркнуть двойной смысл обоих слов, встречающихся в настоящем отрывке. *Нефалиос* значит не только трезвый, но также *бдительный* и *осторожный*; *пароинос* значит не только *сильно пьющий*, но также *сварливый* и *неистовый*. Пастырские послания делают упор на том, что христианин не должен предаваться сверх меры ничему, что может уменьшить его христианскую бдительность или запятнать его поведение.

За этим следуют два греческих слова, передающие два очень важных качества, которыми должен обладать христианский руководитель. Он должен быть *целомудрен, сафрон* и *благодичинен (честен), космиос*.

Баркли переводит слово *софрон* как *благоразумный*, но он указывает, что оно, в действительности, непереводаемо. Его переводят по-разному: как *здравый, осторожный* и *осмотрительный, благоразумный, выдержанный* (владеющий собой), целомудренный - как оно переведено в русской Библии, *господин своей чувственности*. Греки производили это слово от двух слов, которые значат *сохранить ум свой в здравии и в невредимости*. Ему соответствует отглагольное существительное *софросуне*, и греки много размышляли и даже писали о нем. Антонимы его - невоздержанность и недостаток самообладания. Платон определял его как "совершенное владение своими удовольствиями и желаниями". Аристотель определил его как "силу, приводящую желания плоти в соответствие с требованиями закона". Филон Александрийский определил его как "определенное ограничение и регулирование желаний, устраняющее все внешнее и излишнее и придающее необходимым желаниям характер вневременности и умеренности". Пифагор говорил, что это "фундамент, на котором покоится душа". Ямвлих говорил, что "это страж наших самых прекрасных привычек жизни". Еврипид говорил, что это "самый прекрасный дар Божий". Джереми Тейлор назвал его "поясом разума и уздой страстей". Тренч определяет *софросуне* как "условие владения своими страстями и желаниями, чтобы они не превышали допущенное и одобренное законом и благоразумием". Гилберт Мэррей так комментировал глагол *софрон*: "Существует образ мысли губительный и образ мышления спасительный. Мужчина и женщина, которые характеризуются как *софрон*, ходят среди красот и опасностей мира с чувством любви, радости, гнева и другими, причем ведет их среди всех этих красот и опасностей спасительный образ мышления. Кого спасает этот образ мышления? Не только его или ее, но должны мы сказать, все положение. Он избавляет от совершения зла, которым была чревата вся ситуация". Иллюстрируя значение слова *софросуне*, Е. Ф. Браун цитирует молитву Фомы Аквинского, в которой тот просит "об успокоении всех наших побуждений, плотских и духовных".

Человек, характеризующийся как *софрон*, в совершенстве владеет всем своим существом, другими словами, в сердце человека, характеризующегося как *софрон*, безраздельно царит Христос.

Ему сопутствует слово *космиос*, переведенное в Библии как *благодичинен*. Человек, внешнее поведение которого характеризуется как *космиос*, внутренне характеризуется как *софрон*. *Космиос* значит *благонравный, хорошего поведения, честный, приличный*. В греческом оно имеет два интересных значения. Оно обычно употребляется в панегириках и надписях в память умерших. И его обычно употребляли для характеристики хорошего гражданина. Платон характеризует человека *космиос* как "гражданина, спокойного в своей стране, в нужное время и в нужном месте выполняющего свой гражданский долг". Это слово много больше, чем просто хорошее поведение. Им характеризуется человек, жизнь которого прекрасна, а все черты характера гармонично сплетены воедино.

Руководитель церкви должен быть *софрон*, он должен в совершенстве контролировать все свои инстинкты и желания; и он должен быть *космиос*, его внутреннее самообладание должно проявляться во внешней красоте. Руководителем церкви должен быть человек, в сердце которого властвует Христос, а жизнь освящена красотой и сиянием Христа.

Черты характера христианского руководителя (1 Тим. 3,1-7 (продолжение))

Христианский руководитель должен быть *страннолюбивым, филоксенос*. Новый Завет делает особое ударение на этом человеческом качестве. Апостол Павел просит римлян: "ревнуйте о странноприимстве" (Рим. 12,13). "Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота", - говорит апостол Петр (1 Пет. 4,9). В одном из самых ранних христианских литературных произведений *Пастыре Ерме* записано: "Епископ должен быть гостеприимным

человеком с готовностью в любое время принимать у себя в доме рабов Божиих". Христианский руководитель должен быть человеком с открытым сердцем и с открытым домом.

В древнем мире очень заботились о гостях. Странник находился под покровительством Зевса Ксениоса, защитника странников. Гостиницы в древнем мире пользовались очень плохой славой. В одной из комедий Аристофана Гермес спрашивает своего спутника, где же они проведут ночь, на что спутник отвечает: "Где меньше блох". Платон говорит о содержателе гостиницы как о пирате, который держит своих посетителей, чтобы получить с них выкуп. Гостиницы были грязными, дорогими и к тому же рассадниками распутства. В древнем мире, поэтому, существовала такая система *гостевая дружба*. Между семьями на протяжении нескольких поколений поддерживалось соглашение о взаимном предоставлении ночлега и гостеприимства. Часто члены семей уже не знали друг друга лично и узнавали друг друга через так называемые *ярлыки*. Странник, которому нужен был ночлег, показывал одну половинку какого-нибудь предмета, вторая половинка ярлыка находилась у хозяина дома, и если половинки подходили друг к другу, хозяин знал, что к нему пришел его гость, а гость знал, что хозяин действительно является старым другом его дома и семьи.

В христианской Церкви были странствующие учителя и проповедники, которым очень нужно было гостеприимство. Кроме того, было много рабов, не имевших своего дома, для которых возможность войти в христианский дом была большой привилегией. Существование у христиан открытых для них христианских домов, в которых они могли встретиться с единомышленниками, было величайшим благом. И мы живем в мире, в котором многие и многие люди живут далеко от своего дома, многие являются странниками в чуждом им месте, многие еще живут в условиях, где трудно быть христианином. Дверь христианского дома и гостеприимство христианского сердца должны быть всегда открытыми для таких людей.

Христианский руководитель должен быть *учителем*, быть *способным учить, дидактикос*. Кто-то сказал, что он должен "проповедовать необращенным и учить обращенных". К этому надо сказать две вещи. Одно из главных несчастий современности заключается в том, что Церковь уделяет недостаточное внимание наставлению прихожан. Очень много проповедей на определенные темы, и проповедей-увещаний, но мало пользы в том, чтобы увещевать быть христианином человека, который не знает, что такое быть христианином.

Наставление является первейшей обязанностью христианского проповедника и учителя. Вторая важная обязанность проповедника и учителя заключается в том, чтобы наставлять наиболее эффективным способом, *не разговорами и словами, а делами и поступками*. Этому может учить даже человек, не одаренный красноречием, живущий так, чтобы в нем люди видели отражение Господа. Кто-то сказал, что "святой - это тот, в ком снова живет Христос".

Христианский руководитель не должен быть *сварлив, плектес*. Уже одно из первых правил Апостолического Канона показывает, что такое Павлово указание не было излишним. В Апостолическом Каноне сказано: "Епископа, священника или диакона, набрасывающихся на верующих людей, когда они ошибаются, или на неверующих, когда они чинят несправедливость, и стремящихся таким образом внушить людям ужас, повелеваем отстранить, ибо Господь нигде не учил нас этому. Напротив, если ударял Его, он не ударял назад, если кто оскорблял Его, он не оскорблял в ответ, когда он страдал, он не угрожал". Маловероятно, чтобы в наши дни христианский руководитель ударил другого христианина, но остается фактом, что неистовые, запугивающие, раздражительные речи и действия вовсе не подобают христианину.

Христианский руководитель должен быть тихим. Греческое *епиейкес* - еще одно из тех непереводаемых слов. Соответствующее существительное *епиейкейя* Аристотель определял это слово как "то, что исправляет юридическое решение" и то, что "справедливо и лучше, чем юридическое решение". Аристотель добавляет, что именно это качество исправляет закон, право, когда право ошибочно, вследствие присущего ему общего характера. Под этим он

подразумевает, что иногда строгое применение буквы закона может оказаться совершенно несправедливым. Тренч считает, что *епиейкейя* значит "отступление от буквы закона для лучшего сохранения духа права, справедливости" и "сознание невозможности придерживаться всех норм формального права, ... что является признанием опасностей, связанных с признанием и утверждением законных прав, с тем, чтобы это не вылилось в моральную несправедливость... дух, исправляющий несправедливость и восстанавливающий справедливость". Аристотель дает следующую полную характеристику слова *епиейкейя* и его действия: "Прощать человеческие слабости, обращать главное внимание на законодателя, а не на закон; на намерение, а не на действие; на целое, а не на часть; на характер человека вообще, а не на его состояние в настоящий момент; помнить добро, а не зло; причем добро, оказанное человеку, а не на добро, оказанное человеком; переносить оскорбления; предпочитать решение дела словами, а не делами". Возникший спор можно разрешить, обратившись к практическим или процедурным нормам, но лучше решить его обратившись ко Христу и посоветовавшись с Ним. Тяжба может быть решена в суде или в любви. Атмосфера многих церковных общин разительным образом изменилась бы, если бы *епиейкейя* занимала в ней больше места.

Христианский руководитель должен быть *миролюбив, амахос*. Греческое слово имеет значение *не чувствующий склонности к драке*. Есть люди, можно сказать, *воинственные*, "всегда готовые подраться", в своих отношениях с другими людьми. Христианский же руководитель превыше всего хочет мира со своими братьями и согражданами.

Христианский руководитель *не должен быть сребролюбив*. Он никогда не должен делать что-нибудь просто ради выгоды и прибыли. Он знает, что есть ценности, которым просто нет цены.

8-13

Люди христианского служения (1 Тим. 3,8-10.12.13)

Комментарий к 1 Тим. 3,11 смотрите в следующем разделе.

В раннехристианской Церкви диаконы занимались прежде всего практическими делами. Христианская Церковь наследовала от иудеев прекрасную организацию благотворительности. Ни у одного народа не было такого чувства ответственности по отношению к своим более бедным братьям и сестрам, как у иудеев. При синагогах имелась постоянная комиссия для организации помощи таким людям. При этом иудеи были скорее против оказания индивидуальной помощи отдельным людям. Они предпочитали оказывать эту помощь через общину и, в особенности, через синагогу.

Каждую пятницу два официальных сборщика обходили рынок и каждый дом, собирая пожертвования и дары для бедных деньгами и вещами. Собранное таким образом распределялось среди нуждавшихся комитетом из двух или более человек. Бедные в общине получали еды на четырнадцать трапез, то есть по две трапезы в день в течение недели, но никто из тех, у кого в доме было еды на неделю, не мог получить что-либо из этого фонда. Этот фонд для бедных назывался *каппа*, или *корзина*. Кроме этого имели место каждодневные сборы по домам пищи для тех, которые в этот день особенно нуждались. Этот фонд назывался *тамуи* или *лоток, поднос*. Христианская Церковь унаследовала эту систему благотворительности, и, несомненно, как раз заведение ею было возложено на диаконов.

Многие черты диаконов одинаковы тем для *епископос*. Они должны быть людьми честными, достойными; они должны быть воздержанными, они не должны пачкать своих рук нечестным добыванием денег, они должны пройти испытательный срок и проверку; они должны жить так, как они проповедуют, чтобы они могли хранить таинство веры в чистой совести.

Павел требует от них еще одного: они не должны быть лицемерными, они не должны быть

двуязычными. Соответствующее греческое слово диалогос означает буквально: *говорить двумя голосами*, говорить одному человеку одно, а другому человеку - другое. Диакон, идущий из одного дома в другой и общающийся с людьми, которым нужно милосердие, должен быть искренним, честным человеком. В стремлении избежать обсуждения спорных вопросов у него может возникать желание прибегать к некоторому лицемерию и сладкоречивости. Но человек, находящийся на служении в христианской Церкви, должен быть искренним и честным.

Совершенно очевидно, что человек, хорошо выполняющий свою работу, диакона, может надеяться получить более высокую должность старейшины, пресвитера и заслужит такого доверия в вере, что может открыто смотреть в лицо каждому.

Женщины на служении в церкви (1 Тим. 3,11)

Из греческого текста можно вывести, что сказанное относится к женам диаконов, но можно также понимать, что это относится к женщинам, занимающимся в Церкви такой же работой. Даже более вероятно предположить, что эта фраза относится к женщинам, тоже занимающимся благотворительной работой. Некоторые добрые вещи могли делать и некоторые виды помощи женщинам могли оказать только женщины. Поэтому, без всякого сомнения, в ранней Церкви были и диаконисы. Они должны были наставлять новообращенных женщин, и, в особенности, организовывать их крещение, которое представляло собой полное погружение и присутствовать на нем.

Этих женщин, находившихся на служении в Церкви, следовало предостеречь от всяких сплетен и клеветы и указать на необходимость соблюдения абсолютной верности во всем. Молодой врач, заканчивающий учебное заведение, дает, прежде чем приступить к работе, клятву Гиппократу, и в том числе обязуется никогда не повторять ничего из того, что он слышал о пациенте, даже если он слышал это на улице. При оказании помощи бедным можно слышать много такого, при повторении которого можно легко наделать непоправимый вред. Не в оскорбление женщинам Павел специально запрещает им сплетничать. Уже по своей природе женщина чаще подвергается опасности погрязнуть в сплетнях, чем мужчина. Мужчина по роду своей работы больше находится среди людей, женщина чаще всего вынуждена жить в узком кругу и потому и круг предметов, и тем для разговора у нее уже. Все это увеличивает опасность того, что разговор сведется к личным проблемам, из чего и разрастаются сплетни. Но независимо от того, мужчина это или женщина, разносящий сплетни и секреты христианин - страшный человек.

В эпоху эллинистической цивилизации было важно, чтобы находящиеся в служении в Церкви женщины оставались честными. Порядочная, пользующаяся уважением греческая женщина жила очень уединенно; она никогда не выходила одна, она даже никогда не принимала участия в трапезах своих мужчин. Перикл говорил, что афинская мать должна жить столь замкнуто, чтобы мужчины вовсе не упоминали ее имени ни с похвалой, ни с порицанием. Ксенофонт рассказывает о молодом человеке, своем друге, который так говорил о своей горячо им любимой молодой жене: "А что она знала, когда я женился на ней? Ну так вот, ей не было еще пятнадцати, когда я ввел ее в мой дом, и ее воспитывали всегда под строгим наблюдением; насколько это было возможно, ей не позволялось видеть что-либо или задавать какие-либо вопросы". Вот как воспитывались порядочные греческие девушки. Ксенофонт дает яркую картину такой девушки-жены "постепенно привыкающей к своему мужу и становящейся достаточно покорной, чтобы разговаривать с ним".

Христианство раскрепостило женщину; оно освободило ее из своего рода рабства. Но в этом заключалась и опасность: освободившись, она могла неверно воспользоваться своей вновь обретенной свободой. Воспитанное на строгих правилах общество могло возмущаться таким освобождением, и потому Церковь должна была установить к женщинам свои требования. То гордое положение, которое женщины занимают в Церкви сегодня, они смогли занять лишь потому, что мудро пользовались своей свободой и не злоупотребляли ею.

Привилегия и ответственность, связанные с жизнью в церкви (1 Тим. 3,14,15)

Вот объяснение, почему были написаны Пастырские послания: они были написаны, чтобы показать людям, как вести себя, как *поступать* в христианской Церкви. Павел употребил греческое слово *анастрэфестай*, означающее, как бы мы сказали, *ступать* и *разговаривать*. Этим словом описывается весь характер человека, но, в особенности, его отношения с другими людьми. Как мы уже сказали, в самом слове заложено значение, что у члена Церкви должен быть прекрасный характер и он должен быть в истинно дружеских отношениях с другими людьми. Церковная община - это союз, коллектив, братство людей, каждый из которых находится в дружбе с Богом и друг с другом. А Павел далее в четырех словах указывает на четыре великие функции Церкви.

1) Церковь - *дом, ойкиос* Бога. В первую очередь и прежде всего это должна быть семья. В отчете об одной из своих крупных побед адмирал Нельсон приписывает свою победу тому факту, что "имел счастье командовать союзом братьев". Церковь, которая не является союзом братьев - не истинная Церковь вовсе. Любовь Божия может обитать лишь там, где есть братская любовь.

2) Церковь - это *союз, еkkлeсия* Бога живого. *Еkkлeсия* в буквальном смысле означает группу людей, которые были вызваны, но это не значит, что они были *избраны* или *выбраны*. В Афинах *еkkлeсия* назывался верховный орган управления - народное собрание *всех* жителей города.

Приглашения и повестки явиться на народное собрание рассылались, а лишь некоторые граждане отвечали на приглашения и приходили. Призыв Божий был обращен ко всем людям, но лишь некоторые отозвались на него, вот они-то и есть *еkkлeсия*, Церковь. Не Бог подходил избирательно к людям. Приглашение приходит к каждому, но на приглашение надо ответить.

3) Церковь - есть *столп* истины *стулос*. В Ефесе, куда было написано это послание, слово *столп* имело особое значение. Самым достопримечательным местом в Ефесе был храм Дианы или Артемиды "... велика Артемида Ефеская" (*Деян. 19,28*). Это было одно из семи чудес света. Одной из его особенностей были его колонны; их было сто двадцать семь, каждая из них - дар какого-нибудь дара. Все они были из мрамора, а некоторые усыпаны драгоценными камнями и покрыты золотом. Ефесяне хорошо знали, какая это прекрасная вещь - колонна. Вполне даже может быть, что слово *столп* здесь вовсе и не значит *опора* (Баркли полагает, что это значение уже заключено в слове *утверждение*}, а *украшение* выставленное на обозрение. Очень часто статую великого человека устанавливают на колонне, чтобы она стояла над будничными предметами и была ясно видна всем даже на большом расстоянии. Идея, следовательно, сводится к тому, что Церковь должна так демонстрировать людям истину, чтобы все могли видеть ее.

4) Церковь есть *утверждение, хедрайома* истины. Утверждение, основа, фундамент здания держит все здание. В мире, который не желает видеть истины, Церковь поднимает и держит ее высоко, чтобы все видели ее. В мире, который часто был бы рад вовсе уничтожить негодную ему истину, Церковь поддерживает ее против всех тех, которые хотят уничтожить ее.

Церковный гимн (1 Тим. 3,16)

Этот отрывок представляет для нас особый интерес, потому что в нем до нас дошел отрывок церковного гимна эпохи раннего христианства. Этот отрывок гимна - изложение в стихах и в музыке веры в Христа; в нем люди пели свое кредо веры. От поэтического произведения нельзя требовать точности выражения, которое мы ожидали бы от обычного

изложения принципов веры, но давайте посмотрим, что говорит нам каждая строка этого гимна.

1) *Бог явился во плоти*. Это кредо с самого начала подчеркивает подлинную человечность Иисуса. Это значит: "Посмотрите на Иисуса и вы увидите разум, сердце и деяния Божий в форме, в которой они доступны людям".

2) *Он оправдал себя в Духе*. Это трудная строка. Она может иметь три значения, а) Она может значить, что на протяжении всей Его земной жизни сила Духа уберегала Христа от греха. Дух направляет человека; наша ошибка заключается в том, что мы не всегда повинемся этой направляющей силе. Именно потому что Иисус совершенно повиновался направляющей силе Духа, Он остался безгрешным, б) Она может значить, что заявления Иисуса были подтверждены деяниями Духа, пребывавшего в Нем. Когда книжники и фарисеи обвинили Иисуса в том, что Он излечивает людей силою вельзевула, Он ответил: "Если же я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие" (Мат. 12,28). В Иисусе пребывала сила Духа, и совершенные Им великие деяния подтверждали Его грандиозные идеи, в) Но, может быть, эта строка представляет собой ссылку на воскресение. Люди схватили Иисуса и распяли Его как уголовного преступника на кресте; но силою Духа Он воскрес вновь, чем было ясно указано на ложность вынесенного людьми приговора и показано, что Он оправдан. Как бы мы ни прочитали эту строку, ее значение сводится к тому, что силою Духа была подтверждена истинность проповедованного Иисусом.

3) *Он показал Себя Ангелам*. И эта фраза может иметь два значения, а) Это может быть указанием на жизнь до того, как Он пришел к нам в мир. б) Это может быть указанием на Его жизнь на земле. Даже на земле сонмы небесные смотрели на грандиозную борьбу со злом.

4) *Он был проповедан в народах*. Это констатация великой истины, что Иисус не принадлежит исключительно одному какому-нибудь народу или одной расе. Он был не Мессией, явившимся для того, чтобы вознести иудеев к земному величию, а Спасителем всего человечества.

5) *Он принят верою в мире*. Это чрезвычайно просто изложенная почти сверхъестественная истина. После того, как Иисус умер и воскрес и вознесся к Своей славе, у Него было сто двадцать последователей (Деян. 1,15). Все, что эти последователи имели, была история о плотнике из Галилеи, распятом, как уголовный преступник, на вершине холма в Палестине. И вот, не прошло еще и семидесяти лет, а история эта дошла до самого края земли, и люди разных народов признали в распятом Иисусе Спасителя и Господа. В этой простой фразе - чудо расширения Церкви, расширения, невероятно и неправдоподобного с точки зрения человеческой логики.

6) *Он вознесся во славе*. Это указание на вознесение. История об Иисусе начинается на небесах и заканчивается на небесах. Он жил как слуга; Его заклемили как уголовного преступника, Его распяли на кресте, Он воскрес со следами гвоздей на Его руках и ногах, но конец Его - во славе.

Глава 4

1-5

Служение Богу или служение дьяволу (1 Тим. 4,1-5)

Христианская Церковь так же как и иудей имеет веру в то, что прежде, чем этот мир станет лучше, в нем сперва все станет совсем плохо. Иудеи всегда представляли себе время разделенным на два века: *век настоящий* совершенно плохой, и *век грядущий*, который должен быть веком Бога и веком блага. Но один век не мог перейти в другой без последней судорожной борьбы. Между этими двумя веками иудеи помещали *День Господень*. В этот

день мир содрогнется до основания, будет последняя высшая битва со злом, последний суд всех, и тогда наступит новый день.

Авторы Нового Завета восприняли эту картину. Они полагали, что одной из характерных черт последнего века должно быть появление ереси и лжепророков. "Многие лжепророки восстанут и прельстят многих" (*Мат. 24,11*). "Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных" (*Мар. 13,22*). Апостол Павел усматривает появление в эти последние дни "человека греха, сына погибели", который противопоставит себя Богу (*2 Фес. 2,3*).

Такие лжепророки появились в церкви Ефеса. Давайте серьезно изучим как эти лжеучения представлены в настоящем отрывке. Злые духи должны были быть источниками этих лжеучений. Но хотя эти лжеучения и исходили *от* бесов, они приходили *через* людей. Они шли через людей, отличавшихся вкрадчивым лицемерием, на совести которых было клеймо дьявола. Иногда рабам выжигали клейма, указывавшие на их принадлежность владельцу. Так вот, на совести этих лжепророков дьявол тоже поставил свое клеймо, делавших их его собственностью.

В этом заключена страшная и грозная идея. Бог всегда ищет людей, чтобы они были Его орудиями в мире, но также и злые силы ищут людей, которых они могли бы использовать в своих целях. Вот здесь и лежит ответственность человека. Человек может встать на служение Богу, но и дьяволу. Чье же служение должен он избрать?

Обольщающие людей и оскорбляющие Бога (1 Тим. 4,1-5 (продолжение))

Ересь, которую проповедовали лжепророки из Ефеса, была тесно связана с будничною жизнью. Как мы уже видели, эта ересь была гностицизмом, а сущность гностицизма заключалась в том, что дух есть абсолютное благо, а материя - абсолютное зло. Исходя из этого, одни гностики утверждали, что все связанное с плотью - зло и что все в мире - зло. Отсюда ефесяне впадали в две определенные ошибки. Одни еретики проповедовали отказ человека, насколько это возможно, от пищи, потому что пища материальна и, следовательно, есть зло; пища, в свою очередь, способствует росту и жизни тела и, следовательно, тело тоже есть зло. Они также настаивали на том, чтобы люди воздерживались от брака, потому что инстинкты тела - это тоже зло и потому их следует полностью подавлять.

Эта ересь вновь и вновь возрождалась в Церкви. Всегда, в каждом поколении находились люди, которые хотели быть более строгими, чем Бог. Когда писались *Апостольские Каноны*, тоже пришлось зафиксировать черным по белому: "Если какой епископ, священник или диакон или кто еще из священников воздерживается от брака, мяса и вина не по причине аскетизма (то есть ради епитимьи), а презирая это как само по себе, забывая о том, что всякое творение Божие хорошо, и что Бог сотворил мужчину и женщину, а богохульствуя и злословя на создания Божий, пусть либо исправится, либо будет лишен сана и исключен из Церкви. Так же поступить и с мирянином" (*Апостольские Каноны 51*). Иринеи, творчество которого приходится на конец второго столетия, пишет о том, как некоторые последователи Сатурна заявляли, что "брак и продолжение рода - от дьявола. Многие также воздерживаются от животной пищи и уводят многих подобными лживыми разговорами о воздержании" (*Иринеи, Против ересей 1,24,2*). А вот какие идеи охватили умы монахов и отшельников в четвертом столетии. Они ушли в египетскую пустыню и жили там полностью отрезанные от людей. Они проводили жизнь умерщвляя свою плоть. Один никогда не ел вареной и жареной пищи и прославился своей "тучностью". Другой ночами стоял на выступе скалы, не имея возможности заснуть. Иной прославился тем, что позволил своему телу загрязниться настолько, что с него падали паразиты, когда он шел. Другой летом ел соль, а потом отказывался пить воду. "Чистое тело, - говорили они, - признак души нечистой".

Ответом таким людям могло быть только одно: поступая таким образом они оскорбляют Бога, Который сотворил все на земле и неоднократно говорил, что сотворенное Им хорошо.

"И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма" (*Быт. 1,31*). "Все движущееся, что живет, будет вам в пищу" (*Быт. 9,3*). "И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их, И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю" (*Быт. 1,27.28*). Но дары Божий следует использовать надлежащим образом.

1) Ими следует пользоваться *памятуя о том, что это дары Божий*. Некоторые вещи мы получаем неизменно и даже начинаем забывать, что это дары, и начинаем смотреть на них так, будто имеем на них право. Мы должны помнить, что все, что у нас есть - дары Божий, и что каждое живое существо обязано своей жизнью Ему.

2) Ими следует пользоваться *совместно со всеми*. Использование в эгоистических целях не должно иметь места. Ни один человек не может единолично пользоваться дарами Божиими, каждый человек должен иметь свою долю в них.

3) Пользоваться ими мы должны с *чувством благодарности*. Перед каждой едой нужно помолиться. Иудеи всегда возносили молитву перед едой. Это были различные молитвы на всякий случай. Когда иудей кушал фрукты, он говорил: "Благословен будь Ты, Царь вселенной, создающий плоды на дереве". Когда иудей пил вино, он говорил: "Благословен будь Ты, Царь вселенной, создающий плоды вина". Когда он ел овощи, он говорил: "Благословен будь Ты, Царь Вселенной, создающий плоды земли". Когда он ел хлеб, иудей говорил: "Благословен будь Ты, Царь вселенной, рождающий хлеб из земли". Сам факт того, что мы благодарим Бога за что-нибудь делает этот предмет священным. Даже бесы не могут коснуться его, если его коснулся Дух Божий.

Истинный христианин служит Богу не тем, что становится рабом правил и норм, оскорбляя тем самым Его творение; он служит Ему, благодарственно принимая Его прекрасные дары, и помня, что в этом мире, где все сотворил Бог - все прекрасно, никогда не забывая делить дары Божий с другими.

6-10

Совет посланнику Христову (1 Тим. 4,6-10)

В этом отрывке много практических советов, полезных не только Тимофею, но и всякому слуге Церкви, на которого возложена не только работа, но и руководство в Церкви.

1) Из него мы узнаем, *как наставлять людей*. Греческое слово *хупотитестай*, переведенное как *внушая* сие братьям наводит на некоторые мысли. Оно значит не *отдавать приказы*, а скорее советовать, предлагать. Это мягкое, простое и скромное слово. Это значит, что учитель никогда не должен диктаторски излагать закон. Это значит, что он должен как бы напоминать людям то, что они уже знали, или предлагать им не учиться у него, а открывать в своих сердцах - что есть добро, благо, справедливость. Наставление, сделанное мягким тоном, всегда окажется более эффективным, чем навязанные силой догматические уложения. Когда люди отказываются идти под плетью, их можно повести.

2) Из него мы узнаем, *как нужно вести себя, чтобы должным образом учительствовать*. Павел говорит Тимофею, что он должен питаться словами веры. Человек не может дать другому, если он сперва не усвоил, не получил что-то сам. Тот, кто собирается учить других, должен постоянно учиться сам. Крайне ошибочно полагать, что человек, ставший учителем, перестает быть учеником; он должен каждый день лучше узнавать Иисуса Христа, прежде чем он сможет принести Его другим.

3) Из него мы узнаем, *чего следует избегать*. Павел советует Тимофею избегать негодных басен, которые старые женщины рассказывают детям. Легко потеряться в разных второстепенных вопросах и запутаться в мишуре. От великих коренных истин должен человек питать ум свой и уста свои.

4) Из него мы узнаем, *что нужно искать, к чему нужно стремиться*. Павел говорит

Тимофею, что христианин должен закалять душу свою, как спортсмен закаляет тело свое. Нет, Павел не призывает презирать тело: христианская вера считает, что тело - храм Святого Духа. А Павел имеет в виду нечто совсем другое. Во-первых, в древнем мире, особенно в древней Греции, в каждом городе был свой гимнастический зал, потому что гимнастика была главным элементом воспитания и образования греческого юноши в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. Во-вторых, Павел требует разностороннего образования. Физическая закалка и тренировка - хорошая вещь, даже очень важная, но польза от нее не везде. Она развивает только одну сторону, одну часть человека, причем результаты физического развития сохраняются недолго, потому что тело - преходяще. Постоянное совершенствование в благочестии развивает всего человека, его тело, разум, дух, а результаты такого совершенствования непреходящи, а длятся вечно. Христианин - не спортсмен в гимнастическом зале, он - спортсмен Господа. Величайшие из греков хорошо понимали это. И Сократ писал: "Ни один аскет не закаляет свое тело так, как закаляет свою душу царь". "Закаляйте себя, занимаясь добровольно тяжелым трудом, чтобы когда вам придется выполнять его не по доброй воле, вы смогли вынести это".

5) Из него мы узнаем, *что же есть основа всего*. Никто никогда не утверждал, что жизнь христианина не трудная вещь, *но цель ее - Бог*. Именно потому, что христианин живет все время в присутствии Бога, он готов выносить все, что ему выпадет. Тяжелый труд оправдывается величием цели.

11-16

Единственный способ избежать критики (1 Тим. 4,11-16)

Одной из трудностей, которые предстояло преодолеть Тимофею, была его молодость. Конечно, не надо думать о нем как о подростке - ведь прошло пятнадцать лет с тех пор, как он стал помощником и сподвижником Павла. Греческое слово *неотес*, *юность* может быть применимо к любому человеку в возрасте, когда он может быть призван в армию, то есть до сорока лет. Но Церковь всегда предпочитала, чтобы должностные лица были людьми зрелого, почтенного возраста. В Апостольских Канонах записано, что человек моложе пятидесяти не может стать епископом, потому что к тому времени "бурная молодость уже будет позади". Тимофей был молод в сравнении с Павлом, и потому многие смотрели на него критически. В своей первой речи в Палате общин Уильям Питт-старший (ему было в то время тридцать три года), сказал: "Я даже не попытаюсь смягчить или отрицать свое грубое преступление..., что я молод". Церковь всегда смотрела на молодость подозрительно, и под это подозрение подпадал и Тимофей.

Павел дает Тимофею совет, которому труднее всего следовать, а именно: своим поведением не давать повода к критике, и, тем не менее, это был единственно возможный совет. Однажды Платона обвинили в бесчестном поведении. "Ну, - сказал Платон, - тогда придется жить так, чтобы каждый видел, что это обвинение ложно". Словами не защитишься от критики, а поведением можно. Как же должен был вести себя тогда Тимофей?

1) Во-первых, быть образцом в *любви*. *Агапе* - греческое слово величайшая из христианских добродетелей, собственно, непереводаемо. Его подменное значение - непобедимая благожелательность. Человек, которому свойственна агапе, независимо от того, как будут поступать по отношению к нему или говорить о нем другие, будет желать им только добра. Он не будет резким, не будет злопамятным, мстительным; он никогда не даст волю ненависти; он никогда не откажется простить. Это действительно такая любовь, которая требует и берет всего человека. Обычная любовь - это чувство, против которого мы бессильны. Любовь к нашим близким и дорогим - чисто инстинктивное чувство. Любовь мужчины к девушке тоже не контролируемое разумом чувство. Такая обычная любовь исходит от *сердца*; но совершенно очевидно, что христианское чувство любви есть результат *воли*. Это победа над собой, в результате которой в нас развивается чувство душевной заботливости о других людях. Другими словами, первая отличительная черта христианского

руководителя - заботиться о других, независимо от того, как они поступают по отношению к нему. Об этом должен подумать каждый христианский руководитель склонный быстро обижаться и таить обиду.

2) Во-вторых, в *вере*. Вера - это неистребимая верность Христу, независимо от того, с чем это связано. Не трудно быть хорошим воином, когда дела идут хорошо. Но действительно хороший воин может хорошо сражаться и тогда, когда тело его устало, а желудок пуст, когда ситуация кажется безнадежной, а он участвует в военном походе, ход которого ему вовсе не понятен. Таким образом, вторая отличительная черта христианского руководителя - верность Христу вопреки всем обстоятельствам.

3) В-третьих, быть образцом в *чистоте*. Чистота - это неистребимая верность моральному кодексу Христа. Плиний Младший, сообщая императору Траяну о христианах в Вифинии, где он был губернатором, писал: "Они обычно дают друг другу клятву не воровать, не грабить; не нарушать супружескую верность и свое слово, не отречься от залога или поручительства, если от него это потребуется". Христианин ручается вести непорочную жизнь. Каждый христианин должен иметь свои намного превышающие мирские представления и нормы чести и честности, самообладания и целомудрия, дисциплины и предупредительности. Дело просто-напросто в том, что христианство и не нужно было бы миру вовсе, если бы оно не доказало, что оно дает ему лучших мужчин и женщин. Третьей отличительной чертой христианского руководителя является жизнь по требованиям Иисуса Христа.

Обязанности христианского руководителя в церкви (1 Тим. 4,11-16 (продолжение))

На молодого Тимофея, назначенного руководителем Церкви, возлагаются определенные обязанности. Он должен публично читать Писание, наставлять и учить. Перед нами образец служения в христианской Церкви.

Первое из дошедших до нас описаний церковного служения находится у Иустина Мученика. Приблизительно в 170 г. он писал в защиту христиан римскому правительству (Первая апология 1,67): "В день, который называют воскресеньем, собираются в одном месте все живущие в городе или в деревне. Сколько позволяет время, читают воспоминания апостолов или писания пророков. Потом чтение прекращается и церковный руководитель на словах внушает им и побуждает их к подражанию этим добрым вещам. После этого мы вместе встаем и возносим наши молитвы". Таким образом, каждое христианское служение должно включать в себя четыре элемента.

1) *Чтение и изложение, толкование Писания*. В конечном счете, люди собираются вместе не для того, чтобы выслушивать мнение священника; они собираются вместе для того, чтобы слушать слово Божие. В центре христианской службы стоит Библия.

2) *Учение, наставление*. Библия - книга сложная, и потому ее нужно объяснить. Христианское вероучение понять не просто, но человеку нужно дать какое-то объяснение надежде, которую он носит в себе. Мало смысла в том, чтобы убедить человека стать христианином, если он не знает, что это значит - быть христианином. Христианский священник тратит много лет на то, чтобы овладеть техникой необходимой для того, чтобы разъяснять веру другим. Его освобождают от будничных жизненных забот, чтобы он имел возможность размышлять, изучать и молиться о том, чтобы он мог лучше изъяснять людям слово Божие. Ни в одной христианской церкви не может быть прочной веры, если в ней нет проповедника-наставника.

3) *Проповедь*. Христианское послание всегда должно вылиться в христианские действия. Кто-то сказал, что каждое служение должно заканчиваться призывом: "Ну, как ты на это смотришь, брат?" Мало просто изложить христианское вероучение для изучения и понимания; его нужно представить людям как нечто, что нужно воплотить в жизнь. Христианское вероучение - это истина, но истина в действии.

4) *Молитва*. Собрание происходит в присутствии Бога, собрание думает в Духе Божиим; оно оканчивается в силе Божией. Проповедование, слушанное во время служения последовательные действия в мире - невозможны без помощи Духа Божия.

Нам не вредно было бы иногда сверять наши современные служения со служениями молодой христианской Церкви.

Личный долг христианского руководителя (1 Тим. 4,11-16 (продолжение))

В этом же отрывке очень ясно выделены и личные обязательства христианского руководителя.

1) Он должен помнить, что он *избран Церковью для выполнения особой задачи*. Церковный руководитель не имеет никакого значения вне Церкви. Его полномочия даны ему Церковью; работа его проходит среди братьев по вере; в его обязанности входит привлечение в Церковь других людей. Вот почему поистине важную работу в христианской Церкви всегда выполняет не какой-нибудь странствующий евангелист, а постоянный проповедник.

2) Он должен *заботиться обо всем этом*. Ему грозит опасность погрязнуть в интеллектуальной лени и глухоте, пренебречь изучением и погрязнуть в рутинном мышлении. Опасность заключается в том, что новые истины, новые методы и попытки изложить веру в современных условиях и в новых выражениях будут просто-напросто раздражать его. Христианский руководитель должен одновременно быть христианским мыслителем, иначе он не сможет выполнить возложенную на него задачу, а быть христианским мыслителем значит всю жизнь быть рассудительным и смелым мыслителем.

3) Он должен сосредоточиться *пребывать во всем этом*. Ему грозит опасность растрчивать и рассеивать свои силы на многие вещи, которые не имеют особо важного для христианской веры значения. На нем лежат много обязанностей и именно перед ним много сфер служения. Один пророк рассказал Ахаву своего рода притчу. Он сказал, что во время битвы один человек привел к нему пленника и велел его сторожить, предупредив при этом, что, если пленник убежит, то его душа будет за душу пленника, но он занялся разными делами, и "когда раб твой занялся теми и другими делами, его не стало" (3 Цар. 20,35-43). Христианский руководитель может очень легко заняться тем и другим, упуская главное, сосредоточенность - главная обязанность христианского руководителя.

4) Он должен заботиться *о своем развитии*. Его прогресс должен быть виден всем. Совершенно очевидно, что многих, из нас из года в год занимает одно и то же; годы проходят, а мы не делаем никаких успехов. Христианский руководитель умоляет других братьев стремиться быть все больше и больше похожим на Христа. Он не может делать это иначе, как с каждым днем все более и более уподобляться своему Господу, Которому он стремится служить. Когда Кагава решил стать христианином, он, прежде всего, вознес молитву: "Боже, сделай меня подобным Христу". Христианский руководитель тоже должен в первую очередь молиться о том, чтобы он все больше и больше уподоблялся Христу, ибо только в таком случае он может вести за собой других.

Глава 5

1-2

Долг увещевать (1 Тим. 5,1.2)

Это всегда непросто - укорять кого-либо с любезностью, а Тимофею, должно быть, предстояла вдвойне трудная задача - увещевать людей, старших его по возрасту. Иоанн Златоуст писал так: "Укор, упрек - всегда оскорбителен, особенно, если он обращен к старому человеку; а если он, к тому же, исходит от человека, младшего по возрасту - в нем тройное проявление самоуверенности. Умеренностью и формой изложения должно смягчить упрек, потому что его можно высказать, не оскорбляя человека, если в этом нет надобности или

желания; это требует большой осторожности, но это можно сделать".

Упрек, укор - всегда сложное дело. Человеку может настолько надоесть обязанность делать людям предупреждения, что он вообще станет уклоняться от нее. А ведь многие могли быть спасены от большой печали и катастрофы, если бы кто-то во время предостерег их. Нет ничего горше, как услышать: "Со мной бы этого никогда не случилось, если бы ты во время сказал мне". Не следует никогда избегать говорить слова, которые должны быть сказаны.

Иногда в упреке слышится только злоба и раздражение и он оставляет лишь горечь в сердце и уме слышащего. Упрек, сделанный единственно в злобе и раздражении, может вызвать лишь страх; за которым обязательно последует возмущение, и, в конечном счете, такой упрек лишь укрепит человека в его стремлении идти по неверному пути. Укор, сделанный в раздражении, и упрек, сделанный с высокомерной неприязнью, редко оказывают положительное воздействие на человека, и чаще даже причиняют ему вред, нежели приносят пользу.

Рассказывают, что известная миссионерка Флоренс Олхорн, будучи директрисой высшей женской школы, увещевала своих студенток, если в этом возникала необходимость, положив им руку на плечо. Лишь то увещевание достигает своей цели, которое идет от любви. Если нужно сделать увещевание, то сделать его следует так, чтобы человеку стало понятно, что оно вызвано чувством любви, а не жестоким тщеславием; желанием помочь, а не обидеть.

Человеческие взаимоотношения (1 Тим. 5,1.2 (продолжение))

В этих двух стихах показано, как вести себя по отношению к людям разного возраста.

1) К людям старшим по возрасту мы должны относиться *с любовью и уважением*. К старшему по возрасту мужчины должны относиться как к отцу, а к старшей по возрасту женщине, как к матери. В древнем мире хорошо знали, какого почтения и уважения заслуживают люди пожилого возраста. Цицерон, например, писал: "Поэтому долг молодого человека - проявить почтение к старшим и привязаться к лучшим и проявившим себя, чтобы воспользоваться их советами и их влиянием. Ибо неопытность юности нуждается в практической мудрости старости, которая бы укрепляла и направляла ее. В этом возрасте важнее всего оберегаться от чувственности и приучать свой ум и тело к упорному труду и выносливости с тем, чтобы были сильными для военной и гражданской службы. И даже тогда, когда они хотят расслабить свой ум и предаться наслаждениям, они должны остерегаться излишеств и не забывать правил благопристойности. А для этого лучше, если молодые не будут возражать, чтобы с ними были их старшие товарищи, даже в наслаждениях" Цицерон, *(Об обязанностях 1.34)*. И Аристотель писал так: "И старшим по возрасту следует оказывать уважение согласно их возрасту, вставая с места и принимая их, находя для них места и так далее" (Аристотель, *Никомахова этика 9,2*). Одна их трагедий жизни в том и заключается, что юность часто склонна считать старость помехой. А ведь как гласит русская поговорка: "Если бы молодость да знала, если бы старость да могла!" Но там, где существуют взаимные уважение и любовь, мудрость и опыт старости могут объединиться с силой и энтузиазмом молодости к большой пользе для обоих.

2) К своим сверстникам мы должны относиться *по-братски*. К молодым людям нужно относиться как к братьям. Аристотель тоже говорит об этом так: "С товарищами и братьями нужно говорить свободно и разделять с ними все". (Аристотель, *Никомахова этика 9,2*). Со сверстниками нужно быть терпимыми и делиться с ними всем.

3) Отношения к лицам другого пола должны характеризоваться *чистотой*. Арабы называют галантного мужчину "брат девушек". В знаменитой фразе говорится о "платонических отношениях". Любовь должна быть лишь к одному; страшно, если в отношениях между полами доминирует плотское и мужчина видит в женщине прежде всего ее тело.

Церковь и семейные обязательства (1 Тим. 5,3-8)

Христианская Церковь унаследовала прекрасную традицию оказывать благотворительность нуждающимся.

Ни один народ не заботился так о своих нуждающихся, как иудеи. И Павел дает Тимофею советы, как заботиться о вдовах. Вполне возможно, что речь идет о двух группах женщин: одни стали вдовами в результате естественной смерти и мужей; но в языческом мире в некоторых районах нередким было многоженство. Мужчина, принявший христианство, не мог иметь несколько жен, и должен был выбирать, с которой намерен жить вместе впредь, а другие жены должны были покинуть его и, совершенно очевидно, оказывались в крайне трудном положении. Вполне возможно, что такие женщины тоже считались вдовами и тоже получали помощь от церкви.

По иудейскому закону мужчина уже в момент заключения брака должен был принять меры на случай, если его жена овдовеет. Уже первые должностные лица, назначенные христианской Церковью, должны были должным образом заботиться о вдовах (*Деян. 6,1*). Игнатий пишет об этом так: "Не оставляй без внимания вдов. Наряду с Господом - ты попечитель их" *Апостольские постановления* предписывают епископу: "О епископ, заботься о нуждающихся, протягивая им руку помощи и принимая меры на будущее, как слуга Божий, своевременно распределяя пожертвования среди всех: среди вдов, сирот, одиноких и тех, кого постигло горе". В той же книге содержится и такая интересная и благожелательная инструкция: "Если на кого-то возлагается оказание помощи вдове или бедной женщине, ... пусть он окажет ее в тот же день". Как гласит поговорка: "Кто дает быстро, дает вдвое", и Церковь заботилась о том, чтобы бедным не пришлось ждать и бедствовать, потому что ее слуги медлят.

Следует отметить, что Церковь не намеревалась брать на себя ответственность за стариков, у которых были дети, достаточно зажиточные, чтобы поддерживать их. В древнем мире существовала твердая установка: дети должны оказывать поддержку своим престарелым родителям, и, как хорошо сказал Е. К. Симпсон: "Религиозное вероисповедание, требования которого падают ниже признанных всеми в миру - жалкий обман". Церковь никогда не согласится с тем, чтобы дети избегали выполнения своего долга по отношению к родителям, ссылаясь на христианскую благотворительность.

По греческому праву еще со времен Солона сыновья и дочери были обязаны, не только морально, но и юридически, оказывать помощь своим родителям. Всякий, отказавшийся выполнить свой долг, терял гражданские права. Афинский оратор Эсхин говорил в одной из своих речей: "А кого заставил наш законодатель (Солон) замолчать в народном собрании? И где он об этом яснее всего говорит? Пусть, - говорит он, - проверят, - если кто захочет выступить в народном собрании, - не бьет ли он своего отца или мать, не отказывает ли им в материальной поддержке или вообще не выгоняет ли их из дома?" А Демосфен говорил: "Я считаю, что всякий, кто не заботится о своих родителях, не верит в богов и ненавидим ими так же, как и людьми". Филон Александрийский пишет так по поводу завета почитать родителей: "Когда старые аисты теряют способность летать, они остаются в своих гнездах и получают пищу от своих детей, которые из-за своего благочестия к родителям делают все, чтобы обеспечить их пищей". Филон Александрийский считал: "ведь вот, даже животные твари признают свои обязательства по отношению к престарелым родителям, а сколь сознательнее должны быть люди? И Аристотель высказался по этому вопросу в *Никомаховой этике* так: "Надо полагать, что в отношении пищи мы должны прежде всего помогать нашим родителям, потому что нашим питанием мы обязаны им и потому много больше чести в том, чтобы обеспечить в этом отношении виновников нашего существования даже вперед нас самих". По мнению Аристотеля человек должен лучше сам умереть с голоду, нежели видеть умирающими с голоду своих родителей. Платон в диалоге *Законы* высказывает такое же

убеждение о донге перед родителями: "На первом месте стоит честь любви к родителям, которым... мы должны уплатить самый первый, самый большой и самый древний долг, потому что все, что у человека есть, принадлежит тем, кто дал ему жизнь и взрастил его, и потому он должен сделать все, чтобы помочь им, во-первых - своим имуществом, во-вторых - лично, в-третьих - своей душой, отплачивая им старый долг за их заботы и труды, которые они вложили в него прежде, в дни его детства; он может и способен заплатить им его теперь, когда они стары и находятся в крайней нужде".

Так же подходили к этому вопросу и греческие писатели. В трагедии Еврипида *Ифигения в Авлиде*, Ифигения обращается к своему отцу Агамемнону со следующими словами: "Я первая тебе "отец" сказала. А ты мне первой - "дочка". Помнишь, я к тебе взбиралась на колени с лаской. О, как ты сам меня тогда ласкал. Ты говорил: "Увижу ль я, малютка, счастливую женой тебя? Цвети, дитя мое, на гордость, Атридам!" - А я, вот как теперь, касаясь бороды твоей, в ответ: "О, если б дали боги тебя, отец, когда ты будешь стар, в дому своем мне нежить, воздавая за заботы и воспитание мое".

И в уста Ореста, узнавшего, что злая судьба сделала его невольным убийцей своего отца, Еврипид вкладывает такие слова: "Он ходил за мной ребенком, а сколько поцелуев дал он мне... О мои злые сердце и душа! Я отплатил злом за добро! Какой мрачной завесой закрыть мне лицо? Какая туча может скрыть испытывающий взгляд старого человека?"

И Еврипид считал самым непростительным грехом человека его неспособность или нежелание выполнить свой долг по отношению к родителям.

Авторы Нового Завета были твердо убеждены в том, что помощь родителям - одна из христианских обязанностей человека. И мы тоже должны это помнить. Мы живем в эпоху, когда люди даже самые священные свои обязанности перепоручают государству и ждут, чтобы общественная благотворительность сделала то, что должна бы сделать обычная почтительность к своим родителям. Пастырские послания усматривают в помощи, оказываемой родителям, два пункта. Во-первых, почитание и почет тем, кто эту помощь получает. Это единственная возможность показать и доказать уважение к своим родителям. Во-вторых, это признание заслуг любви. Это значит отплатить за любовь, полученную в момент нужды, любовью тогда, когда она крайне необходима; за любовь можно отплатить только любовью.

Остается сказать еще одно, потому что было бы несправедливо умолчать об этом. В этом отрывке также указано на то, каким людям Церковь призвана оказывать помощь. А то, что справедливо для Церкви, справедливо и внутри семьи. Человек, которому должны оказывать помощь, сам должен быть достоин поддержки. Ведь если родитель, принятый его детьми в дом, своим опрометчивым поведением создает только проблемы и заботы, в семье и в доме складывается совершенно иная ситуация. Обязательства обоюдны: дети обязаны помогать своим родителям, а родители должны вести себя так, чтобы дети могли оказать им эту помощь в кругу семьи.

9-10

Почетная и полезная старость (1 Тим. 5,9,10)

Из отрывка видно, что Церковь вела официальный список вдов; кроме того, складывается впечатление, что слово *вдова* употребляется в двух значениях. Церковь несла ответственность за женщин, достигших известного возраста, у которых умерли супруги и которые прожили хорошую и похвальную жизнь; но также верно и то, что, возможно уже в это время, и совершенно определенно в более поздние времена, в Церкви существовал официальный орден вдовиц, орден пожилых женщин, избранных для выполнения особых задач.

В *Апостольских постановлениях*, из которых мы узнаем о жизни и организации Церкви в

третьем столетии, записано: "Должно назначить три вдовицы, две - для того, чтобы пребывали в молении о тех, кому грозит соблазн, и чтобы принимали откровения, когда это необходимо, а одну - для оказания помощи заболевшим женщинам; она должна быть готова к служению, благоразумно докладывая старейшинам - пресвитерам - все необходимое; она должна быть не скупой, не склонной к потреблению вина, чтобы она была трезвой и способной исполнять ночное служение и другие работы по уходу за больными".

Такие вдовицы не назначались, как, например, пресвитеры и епископы; они выделялись своими молитвами для выполнения возложенной на них работы. Их выделяли для этого лишь после достижения ими шестидесяти лет. В древнем мире считали, что это как раз тот возраст, когда человек может сосредоточиться на духовных вопросах жизни. Платон в своем плане идеального государства считал, что в шестьдесят лет мужчины и женщины могут стать жрецами и жрицами.

Пастырские послания отличаются своим практическим подходом к проблемам жизни. И здесь приведены семь требований, которым должна отвечать вдовица.

Она должна быть женой одного мужа. В эпоху, когда на брачные узы смотрели легкомысленно и когда почти все люди нарушали брачные узы, вдовицы должны были быть образцом чистоты, непорочности и верности.

Они должны быть известны своими добрыми делами. Церковные должностные лица, мужского и женского пола, несут ответственность не только за свою личную репутацию: но и за доброе имя Церкви. Ничто не может обеспечить Церковь больше чем ее недостойные служители, и ничто не служит ей лучшим аттестатом, чем жизнь церковного служителя, воплотившего принципы христианства в свою будничную жизнь и деятельность.

Они должны были воспитывать детей. Но это фраза может означать не только это. Она может означать, что вдовицы должны доказать свою верность принципам христианства, воспитав своих детей и свою семью в духе христианства. Но эта фраза может означать и нечто еще. В эпоху, когда брачные и семейные узы были очень свободны, а мужчины и женщины чрезвычайно быстро меняли своих партнеров, на детей смотрели как на несчастье. Это была эпоха, когда детей в массовом количестве бросали на произвол судьбы.. Новорожденного ребенка приносили и клали у ног отца. Если отец наклонялся и поднимал его, это означало, что он признает его и готов взять на себя ответственность за его воспитание. Если же отец отворачивался и уходил прочь, ребенка в буквальном смысле слова выбрасывали вон, как ненужный хлам. Таких брошенных детей часто подбирали беспринципные люди и выращивали их. Девочек - для пополнения общественных публичных домов; мальчиков - чтобы сделать из них рабов или гладиаторов. Спаси таких детей от смерти и даже от еще худшей участи, и воспитать их в христианском доме - долг христианина. Таким образом, эта фраза может значить, что вдовица должна быть женщиной, готовой дать приют брошенным детям.

Вдовица должна быть гостеприимной и принимать странников. Гостиницы и постоялые дворы в древности были известны грязью, дороговизной и распущенностью нравов. Люди, открывавшие двери своего дома путникам и странникам в незнакомой стране, молодым людям, которых работа и учеба забросила далеко от дома, оказывали обществу крайне ценную услугу. Открытые двери христианского дома - вещь ценная во всякие времена.

Она должна была умывать ноги святым. Не обязательно следует понимать это буквально, хотя и буквальный смысл не чужд этой фразе. Мытье ног, самую простую ручную работу, выполнял раб. Это значит, что христианские вдовицы должны были быть готовыми в своем служении Христу и Его последователям взяться за самую скромную работу. Церкви нужны руководители, которые всегда находятся на виду, но ей также нужны люди, готовые выполнять невидимую работу, не связанную с почестями и благодарностями.

Вдова должна была помогать бедствующим людям. В эпоху гонений было непросто

помогать христианам, страдавшим за свою веру: это значило отождествить себя с ними и рисковать навлечь на себя такие же наказания. Христиане должны помогать людям, страдающим за свою веру, даже если этим они навлекут страдания на себя.

Вдовица должна была быть усердна во всяком добром деле. Все люди посвящают свою жизнь чему-нибудь, христиане посвящают свою жизнь служению Христу, повиновению Его воле и помощи людям.

Рассматривая качества, которыми должны отличаться истинные вдовицы, мы видим, что это - качества каждого истинного христианина.

Привилегии и опасности, связанные со служением (1 Тим. 5,9.10 (продолжение))

Как мы уже говорили, если и не в эпоху написания Пастырских посланий, то, по крайней мере, позже, вдовы стали официальным орденом в христианской Церкви. Их месту и сфере деятельности в Церкви посвящены первые восемь глав третьей книги *Апостольских постановлений*. Из этих глав ясно видна польза такого ордена и опасности, с которыми это почти неизбежно было связано.

1) Женщины, принимающие участи в служении Церкви, должны быть благоразумными. Особенно сдержанными и осмотрительными должны они быть в своих разговорах: "Пусть каждая вдовица будет кроткой, спокойной, доброй, чистосердечной, незлобной, не болтливой, не шумливой, не сварливой, не злоязычной, не придиричливой, не лживой, не вмешиваясь в чужие дела. Если же услышит или увидит нечто несправедливое, пусть она делает вид, что она ничего не видит и ничего не слышит". Такие церковные служащие должны быть очень внимательны при обсуждении вопросов веры с неверующими: "Потому что неверующие, услышав учение о Христе, изложенное не надлежащим образом, а извращенно, особенно по поводу Его воплощения и Его страстей, скорее с презрением отвергнут его или высмеют его как ложное, нежели возблагодарят за него Бога".

Нет ничего более опасного для Церкви, чем ее официальный представитель, рассуждающий вслух о вещах, которые должны держать в секрете; должностные церковные лица должны быть надлежащим образом подготовлены для проповедования Евангелия, чтобы люди стали больше, а не меньше почитать христианскую истину.

2) Женщины, принимающие участи в служении Церкви, не должны быть праздношатающимися: "Пусть каждая вдовица признает себя "алтарем Божиим" и пребывает в своем доме и не входит в дома неверующих, под предлогом получить что-нибудь; потому что алтарь Божий не шатается праздно, а прочно установлен в одном месте. Пусть, поэтому, девственница и вдовица не бродит вокруг и не шатается в дома тех, кто чужд вере. Потому что они праздношатающиеся и опрометчивы". Бесконечная болтовня и сплетни не могут сослужить Церкви хорошую службу.

3) Женщины, принимающие благотворительную помощь Церкви, не должны быть жадными. "Есть такие вдовицы, которые считают наживу своим главным делом; они просят бесстыдно, никогда не довольствуются полученным и тем самым побуждают других людей давать все меньше и меньше... Такая женщина постоянно думает о том, куда бы ей пойти, чтобы получить еще, или о том, что какая-нибудь женщина, ее подруга, забыла о ней, и ей нужно сказать ей нечто... И она говорит диаконисе, раздающей милостыню: "Разве ты не видишь, что я в большем несчастье и нуждаюсь в твоей милостыне? Почему же ты оказала ей предпочтение?" Гадко стремиться к тому, чтобы жить за счет Церкви, вместо того, чтобы жить для Церкви.

4) Такие женщины должны делать все, что они могут, чтобы помочь себе: "Пусть она возьмет шерсть и помогает другим, а не требует помощи от них". Благотворительность Церкви существует не для того, чтобы люди становились ленивыми и зависимыми от других.

5) Такие женщины не должны быть завистливыми и ревнивыми: "Мы слышим, что

некоторые вдовицы завистливые, ревнивые клеветницы, завидующие покою других людей... Им приличествует, когда одна из их подруг вдовиц получает от кого-нибудь одежду, деньги, еду, питье, обувь благодарить Бога за помощь, оказанную их сестре".

Вот перед нами целое полотно недостатков, которых в нашей Церкви слишком много, и добродетель, которые должны украшать истинно христианскую жизнь.

11-16

Опасности, связанные с праздным образом жизни (1 Тим. 5,11-16)

Из такого отрывка мы видим положение, в котором находилась ранняя христианская Церковь.

Молодые женщины осуждаются не за то, что они вторично выходят замуж. Осуждаются же они вот за что: после смерти молодого супруга молодая вдова в приступе горькой печали и под влиянием момента решает остаться вдовой на всю жизнь и посвятить свою жизнь Церкви, но потом она вдруг меняет свое мнение и вторично выходит замуж. Считалось, что такая женщина стала невестой Христа, поэтому в ее вторичном браке люди видели нарушение ее брака с Христом; было бы лучше, если бы она не давала никакого обета.

Еще больше дело осложнялось социальными условиями того времени. Одинокая или овдовевшая женщина не имела почти никакой возможности честным трудом заработать на жизнь. Практически не было никакой профессии или ремесла, которым бы она могла заниматься. Результат был очевиден: чтобы прожить, она неизбежно была вынуждена заниматься проституцией. Христианские женщины поэтому, должны были либо выйти вторично замуж, либо целиком посвятить свою жизнь служению Церкви, третьего пути не было.

Но как бы там ни было, опасности, связанные с праздной жизнью, во все эпохи одинаковы. Во-первых, и в те времена праздность могла привести женщину в *беспокойное состояние*, приучить ее к хождению по домам и к пустой болтовне. Такая женщина почти неизбежно становилась *сплетницей*; ввиду того, что не было предмета для серьезного разговора, она начинала сплетничать, злословить, разносить эти истории из дома в дом, постепенно все больше разукрашивая их и делая их более злыми. И такая женщина начинала вмешиваться в чужие дела, поскольку у нее самой ничего важного не было, и постепенно даже излишне, интересоваться чужими делами и много вмешиваться в них.

То, что истинно нынче, было истинно и в ту пору: "Дьявол всегда толкнет праздного на грех". Жизнь наполненная - всегда безопасна, а жизнь пустая всегда полна опасностей.

И посему Павел дает совет, чтобы такие молодые женщины выходили замуж и выполняли одну из величайших в мире задач - создавали семью и устраивали свой дом. И в этом еще один пример одной из главных мыслей Пастырских посланий. В них постоянно указывается на важность впечатления, которое христианин производит на внешний, языческий мир. Подает христианин миру повод критиковать Церковь, или же пример, достойный восхищения? Люди всегда сознавали, что в самом невыгодном свете Церковь выставляют своею дурною жизнью "практикующие христиане", но они также понимали, что лучшим аргументом в пользу христианства является подлинно христианский образ жизни.

17-22

Принципы практического ведения дел (1 Тим. 5,17-22)

Здесь изложен ряд практических принципов христианской жизни и ведения церковных дел.

1) Пресвитеров следует должным образом почитать и вознаграждать. Молотьбу на Востоке производили следующим образом: снопы хлебных колосьев укладывали на току, после чего по ним гнали волов парами, или же волов привязывали к столбу в середине тока и гнали их по кругу по снопам, либо же к волам привязывали цеп, который они тащили, вымолачивая

зерно. В любом случае, на волов не одевали никаких намордников и они могли есть зерна вдоволь, в награду за выполняемую ими работу. Первоначально это требование, запрещающее надевать намордник волу, записано во *Втор. 25,4*.

Высказывание о том, что "трудящийся достоин награды за труды свои" принадлежит Иисусу (*Лук. 10,7*). Очень может быть, что Иисус просто приводил поговорку. Каждый работающий человек заслуживают питания и содержания, и чем тяжелее его работа, тем большего он заслуживает.

Следует особо отметить, какие пресвитеры заслуживают особого почета и вознаграждения. К ним относятся пресвитеры, трудящиеся в *слове* и *учении*. Здесь вообще не идет речь о пресвитерах, которые занимались единственно рассуждениями и дискуссиями. Церковь действительно почитала того, кто трудился на поприще поучения и созидания, проповедуя истину и наставляя молодых людей и новообращенных на христианский путь.

2) По иудейскому закону человек не мог быть осужден по свидетельству одного человека: "Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит; при словах двух свидетелей или при словах трех свидетели состоится дело" (*Втор. 19,15*). В *Мишне* кодифицированном раввинском праве, процедура судебного разбирательства описана так: "Второй свидетель был также приведен и заслушан. Если свидетельства обоих совпадали, давалось слово защите (адвокату)". Если же обвинение поддерживалось показаниями только одного свидетеля, считалось, что нет надобности доказывать свою невиновность.

В более поздние времена церковные правила стали требовать, чтобы эти два свидетеля были христианами, потому что злоумышленнику-язычнику было бы просто сфабриковать дело против христианского пресвитера, чтобы дискредитировать его, а через него и Церковь. На первых порах Церковь, не колеблясь, налагала наказания, и Феодор Мопсуестийский, один из отцов ранней Церкви, указывает на крайне важное значение этого нового предписания, потому что пресвитеров часто недолгоблывали и они особенно часто подвергались злобным нападениям "В отместку со стороны тех, которых они бранили за совершенный ими грех". Человек, на которого было наложено наказание, часто пытается отомстить, злоумышленно обвиняя пресвитера в отступлении от правил или в совершении какого-либо греха.

Остается непреходящей истиной, что наш мир, и Церковь тоже, были бы намного счастливее, если бы люди осознали, что это такой же грех - рассказывать истории, в истинности которых они не уверены или не удостоверились. Безответственные, клеветнические и злопыхательные разговоры причиняют огромный вред и огромную душевную боль многим людям, и Бог не оставит такие разговоры безнаказанными.

Принципы практического ведения дел (1 Тим. 5,17-22 (продолжение))

3) Упорствующие во грехе должны быть обличены публично. Такое публичное обличение оказывает двойное воздействие. Оно отрезвляет грешника и заставляет его размышлять над своим образом жизни, и, кроме того, оно является предостережением для других сделать все, чтобы не попасть в такое же положение. Угроза публичного обличения - неплохая вещь, если она удерживает человека на истинном пути, даже страхом. Мудрый руководитель знает, когда лучше воздерживаться и уладить дело в тесном кругу, а когда - выступить с публичным обличением. Однако у людей никогда не должно складываться впечатление, будто Церковь забывает совершенные грехи.

4) Павел закликает Тимофея выполнять церковные дела без предупреждения и пристрастия. В. С. Истон пишет: "Благополучие каждой церковной общины зиждется на дисциплине и беспристрастном справедливом наказании". Нет ничего хуже, как вести дела так, будто одни никогда даже и не могут сделать что-либо неправильно, а другие никогда не могут сделать что-либо правильно. Справедливость - универсальная добродетель и Церковь

никогда не должна опускаться ниже таких норм непредвзятости, которые бытуют даже в мире.

5) Павел предупреждает Тимофея "не быть поспешным в возложении рук". Эта фраза может иметь два значения.

а) Она может значить, чтобы он не был поспешным при возложении рук на человека, назначаемого на церковную должность. Прежде чем человек преуспеет в деловых вопросах, в учении, в преподавании; получит повышение в армии, на флоте или в авиации, он должен доказать что заслуживает его. Никто не может начинать свой жизненный путь с верхней ступени: в Церкви это вдвойне важно, потому что человек, вознесенный на высокую должность, если он потом с ней не справится, навлечет бесчестье не только на себя, но также и на Церковь. В критическом мире Церковь с большой осторожностью должна выбирать руководителей должности.

б) В ранней Церкви существовал обычай возлагать руки на раскаивающегося грешника, доказавшего свое раскаяние и вернувшегося в лоно Церкви. Было установлено: "Когда который грешник раскается, и будут очевидны результаты его раскаяния, возложи на него руки, в то время как все молятся за него". Евсевий рассказывает, что по древнему обычаю раскаившегося грешника принимали обратно в лоно Церкви, возлагая на него руки с молитвой. Если Павел имеет в виду это, тогда он предостерегает Тимофея не торопиться принимать обратно в лоно Церкви человека, навлекшего на нее бесчестье, подождать, пока он докажет, что раскаяние его чистосердечно и что он действительно намерен привести свою жизнь в соответствие со словами раскаяния. Это не значит, что такого человека нужно сторониться и смотреть на него с подозрением, с ним нужно обращаться сочувственно, помогать ему и направлять его в течение всего испытательного срока. Но это значит, что на пребывание в Церкви нельзя смотреть легко, и что человек должен доказать свое раскаяние в прошлых грехах и свою решимость на будущее, прежде чем он будет вновь принят в Церковь.

23

Совет Тимофею (1 Тим. 5,23)

Это предложение - одно из свидетельств подлинной интимности этих посланий. Среди проблем, с которыми сталкивается Церковь, и вопросов управления ее делами,

Павел находит время, чтобы дать Тимофею маленький любящий совет, касающийся его здоровья.

В иудейской религии всегда было сильное аскетическое течение. Человек, дававший обет назорейства (*Числ. 6,1-21*), давал торжественное обещание никогда не притрагиваться к вину и полученным из вина продуктам: "Он должен воздержаться от вина и крепкого напитка, и не должен потреблять ни уксуса из вина, ни уксуса из напитка и ничего приготовленного из винограда не должен пить, и не должен есть ни сырых, ни сушеных виноградных ягод. Во все дни назорейства своего не должен он есть ничего, что делается из винограда, от зерен до кожи" (*Числ. 6,3.4*). Рехавиты тоже давали торжественное обещание воздерживаться от вина. В книге Пророка Иеремии рассказывается о том, как Иеремия пошел и поставил перед сынами дома Рехавитов полные чаши вина и стаканы: "Но они сказали: мы вина не пьем, потому что Ионадав, сын Рехава, отец наш, дал нам заповедь, сказав: "не пейте вина ни вы, ни дети ваши во веки; и домов не стройте и семян не сейте; и виноградников не разводите и не имейте их" (*Иер. 35,5-7*). Ну а Тимофей был наполовину иудеем - его мать была иудейка (*Деян. 16,1*), и, вполне возможно, что от нее он унаследовал этот аскетический образ жизни. Со стороны своего отца Тимофей был греком. Мы уже видели, что в основе Пастырских посланий лежит борьба с гностицизмом - ересью, грозившей Церкви в те времена, - которая видела в материи лишь зло и часто вела к аскетизму; вполне может также быть, что этот греческий аскетизм оказал определенное влияние и на Тимофея.

И в этом предложении нам указано на важную истину, которую, себе же во вред, христиане забывают: нельзя пренебрегать потребностями тела, ибо очень часто душевная тупость и сухость происходят от того, что тело устало и напрочь забыто. Ни одна машина не будет работать, если о ней не заботиться и за ней не ухаживать, так и тело тоже. Мы не сможем выполнять работу Христа хорошо, если не будем физически подготовлены для этого. Пренебрежительное отношение к своему телу или презрение к нему - это не добродетель, скорее наоборот. *В здоровом теле здоровый дух* - вот идеал древних римлян, и таков же христианский идеал.

Эта Павлова фраза причинила много забот защитникам воздержания. Но надо также помнить, что это вовсе не значит, будто кому-то дается полное право чрезмерно увлекаться питием вина: "Павел просто допускает возможность пить вино в тех случаях, когда это полезно с медицинской точки зрения". Если вообще можно считать, что в этой фразе изложен какой-то принцип, то его хорошо сформулировал Е. Ф. Браун: "Она показывает, что хотя полное воздержание и можно рекомендовать, как мудрый совет, но его никогда нельзя навязывать как религиозное обязательство". Павел просто говорит, что в аскетизме нет никакой добродетели, потому что он приносит телу больше вреда, чем пользы.

24-25

Невозможность полностью скрыть грех (1 Тим. 5,24.25)

Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых *открываются* впоследствии.

Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут.

Мысль Павла сводится к тому, что мы должны предоставить эти дела в руки Божий и довольствоваться этим. Есть грешники, грехи которых явно и бесповоротно ведут к катастрофе и осуждению; но есть также и скрытые грешники, которые за личной безупречной честностью ведут, в сущности, порочный и отвратительный образ жизни. Чего не может видеть человек, видит Бог. "Человек видит деяния, а Бог видит намерения". Никто не может в конце концов избежать встречи с Богом, Который видит и знает все.

Есть люди, добрые деяния которых видны каждому и которые уже добились похвал, благодарностей и поздравлений. Но есть и такие люди, добрые дела которых никто никогда не замечал, которых никто не хвалил, никогда не благодарил, которых никто никогда не оценивал по достоинству. Но им нечего беспокоиться и огорчаться: Бог знает также и добрые дела и Он воздаст, потому что Он никогда ни у кого не остается в долгу.

Павел тем самым говорит нам, чтобы мы не возмущались тем, что одни, как нам кажется, избежали разоблачения и публичного обличения, и не обижались на кажущуюся неблагодарность людей по отношению к другим, а предоставили все на окончательный суд Божий.

Глава 6

1-2

Как быть рабом и христианином (1 Тим. 6,1.2)

Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на Божие имя и учение.

Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья: но тем более должны служить *им*, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют *им*. Учи сему и увещевай.

В контексте настоящего отрывка содержатся некоторые очень важные христианские

принципы для будничной работы и жизни.

Христианин-раб находился в очень сложном положении. Если его хозяин был язычником, он мог очень скоро заключить, что его хозяин обречен на вечную гибель, а он сам наследует спасение. Сам факт его принадлежности к христианству мог вселить в него чувство невыносимого превосходства, что вызвало бы невыносимое положение.

Ну, а если его хозяин был христианином, у раба могло возникнуть искушение использовать в своих интересах сложившееся отношение и спекулировать на него для оправдания плохо выполненной работы, дабы избежать грозившего наказания. Он мог предположить, что совместная принадлежность к христианству, дает ему право на разного рода особых содержаний. И все это представляло совершенно очевидную для той эпохи проблему. Следует отметить два общих пункта.

1) В те древние времена Церковь не выступала как целеустремленный разрушитель рабства насильственными и поспешными методами. И это было мудро с ее стороны. В Римской империи было что-то около 60 миллионов рабов. Уже из-за их большой численности в них всегда видели потенциальных врагов. Любое восстание рабов подавлялось безжалостной рукой, потому что Римская империя и не могла позволить себе такой роскоши - восстание рабов. Если ловили беглого раба, его или казнили, или ставили на его лбу клеймо Ф - беглый. Даже существовал римский закон, по которому в случае убийства хозяина, все его рабы могли быть допрошены под пыткой и даже могли быть поголовно казнены. Е. К. Симпсон разумно пишет: "Духовная борьба христианства полностью скомпрометировала бы себя, если бы оно стало раздувать тлеющие уголья классовой вражды и ненависти во всепожирающий пожар, или предоставило в своем лоне убежище беглым рабам".

Если бы Церковь стала побуждать рабов к восстанию против их хозяев, это имело бы роковые для нее последствия. Это просто-напросто вызвало бы гражданскую войну, массовые убийства и привело бы к совершенной дискредитации Церкви. Но с течением столетий христианство настолько пропитало цивилизацию, что рабы были освобождены добровольно, а не силой. Это для нас урок огромной важности. Это служит доказательством того, что ни людей, ни мир, ни общество нельзя изменить силой и законодательством.

Преобразование должно осуществляться через медленное проникновение Духа Христова в человеческое общество. Все должно свершиться в определенное Богом время, а не нами. И, в конечном счете, тише едешь - дальше будешь, медленно, но верно, а путь насилия разрушает все.

2) Но здесь заключена еще одна истина: "духовное равенство не стирает гражданских различий". Всегда существует опасность, что человек будет смотреть на свою принадлежность к христианству как на оправдание своей слабости и неспособности. Потому что он и его хозяин христиане, он может ожидать для себя особых условий. Но тот факт, что хозяин и работник оба христиане, не освобождает его от обязанности выполнить хорошо дневную работу и заработать свое жалование. Христианин, как и каждый человек, обязан соблюдать дисциплину и зарабатывать свое жалование.

3) Ну, так в чем же видят Пастырские послания долг раба-христианина? Его долг - быть хорошим рабом. Если он не таков, - он слаб и легкомыслен; если он непослушен и дерзок - он только дает миру повод критиковать Церковь. Работник-христианин должен проявлять свое христианство, работая лучше других людей. Собственно говоря, он должен совершенно в новом духе выполнять свою работу. Он не будет думать о себе как о человеке, принужденном против своей воли работать; он будет думать, что он служит своему хозяину Богу и братьям, согражданам. Он будет стремиться не к тому, чтобы из него как можно меньше выжимали, а будет стремиться сам сделать как можно больше. Джордж Херберт выразился по поводу обязанности раба-христианина в следующих строчках:

Слуга с такой отметкой

Делает тяжкий труд небесным

Кто подметает комнату, выполняя Твой закон,

Делает все прекрасным.

3-5

Лжеучители и лжеучение (1 Тим. 6,3-5)

Сама жизнь и обстоятельства, в которых жили древние, давала лжеучителям возможность процветать, и они не замедлили воспользоваться этим. Во времена раннего христианства в Церкви было много странствующих пророков, которым уже сам их образ жизни давал определенный престиж. Само христианское богослужение не было столь формальным, как в наши дни. Каждый участник, которому казалось, что ему есть что сказать присутствующим, мог сделать это, и двери оставались широко открыты для людей, распространявших ложные и уводящие от реальности свидетельства. В языческом мире были так называемые *софисты*, *мудрецы*, сделавшие себе занятие из разговоров, продававшие каждый свою философию. Среди них были два направления. Одни утверждали, что они могут за плату научить человека умно спорить: это были люди, которые своим красноречием и находчивостью могли - представить плохое в лучшем свете". Они обратили философию в средство обогащения. Другие развивали риторику, учили своих учеников искусству публичных выступлений. Греков уже всегда очаровывали словесные выступления, они любили ораторов. И вот эти странствующие софисты ходили от города к городу, выступая с речами, давая, так сказать, ораторские представления. При этом они делали себе рекламу и даже рассылали личные приглашения на свои выступления. На выступления наиболее знаменитых из них люди приходили буквально тысячами; это были можно сказать "звезды эстрады", того времени. Филострат пишет, например, что один из самых знаменитых, Адриан, пользовался такой известностью, что, когда приходило известие о том, что он будет выступать, пустели даже сенат, и все население собиралось на Атенеум послушать его. У этих ораторов было три крупных недостатка.

Их речи были совершенно нереалистичны. Они обычно предлагали говорить на любую тему, какой бы отдаленной, неясной или неправдоподобной она ни казалась слушателям. Вот один из вопросов, которые они обсуждали (это действительно имело место): один человек пришел в городскую крепость, чтобы убить тирана, который мучил людей; не найдя самого тирана, он убивает его сына; входит тиран, видит тело убитого сына и в приступе горя убивает себя, а человек требует себе вознаграждение за убийство тирана и освобождает людей. Имеет ли он право получить его?

Эти ораторы жаждали аплодисментов. Между ними шла отчаянно жестокая конкурентная борьба. Плутарх рассказывает о странствующем софисте по имени Нигер, пришедшем в один город в Галатии, в котором жил известный оратор. Между ними немедленно было устроено соревнование. Нигер должен был победить, или он терял свою репутацию. Он страдал от застрявшей у него в горле рыбной кости, и ему было трудно говорить, но он должен был продолжать соревнование, чтобы поддержать свой престиж. У Диана Хрисостома есть описание общественной площади в Коринфе в разгар соревнований различных видов: "Вы можете слышать множество бедняг-софистов, орущих друг на друга и оскорбляющих друг друга, и их учеников (как они их называют), бранящихся друг с другом; и многих писателей, читающих свои глупые сочинения, массу поэтов, распеваящих свои поэмы, массу фокусников, демонстрирующих свои чудеса, массу предсказателей, поясняющих чудеса, и тысячу краснобаев, искажающих судебные решения и немалое число торговцев, занимающихся своим ремеслом". Вот здесь как раз речь и идет об обмене оскорблениями, о зависти и раздорах, словесных перебранках людей и упадочническим мышлением, которые осуждает автор Пастырских посланий. "Серьезные слушатели в аудитории поражают софиста, - пишет Филострат, - за импровизированную речь запоздалой похвалой или

отсутствием аплодисментов". У Диона Хризостома читаем: "Бормотание толпы приводит их в восторг... Подобно людям, бредущим в темноте, они всегда идут туда, где аплодируют и кричат". Лукиан писал так: "Если твои друзья видят, что ты терпишь неудачу, пусть они заплатят за ужины, которыми ты их кормил: пусть они вытягивают руки и дают тебе возможность в интервалах между взрывами аплодисментов подумать о чем-нибудь, что можно было бы сказать". Древний мир слишком хорошо знал такого рода лжеучителей, которые проникали в Церковь.

Они жаждали восхвалений, и мерилom их было число. У Эпиктета есть очень живописное описание софиста, разговаривающего со своим учеником после такого представления. "Ну, как ты нашел меня сегодня?" "Клянусь животом, господин, я думаю, вы были превосходным". - "Как тебе показался мой лучший отрывок?" - "Который вы имеете в виду?" - "Тот, в котором я описываю Пана и Нимф". - "О, он был исполнен необыкновенно хорошо". - "Сегодня было намного больше народу, я считаю". - "Да, много больше", - отвечает ученик. - "Человек пятьсот, я полагаю". - "О, что вы! Должно быть, было не меньше тысячи." - Но это же больше, чем когда-либо приходило послушать Диона. Интересно, почему бы это? Им, конечно, понравилось то, что я говорил". - "Красота, господин, может заставить плясать камни". Эти выступающие софисты были "любимцами и баловнями общества". Они становились сенаторами, правителями, послами. Когда они умирали, им воздвигали памятники с надписями вроде такой: "Царица городов Царю красноречия".

Греки были опьянены изреченным словом. У греков человек, умевший хорошо говорить был обеспечен на всю жизнь. И вот в такой среде росла молодая Церковь, и неудивительно, что такого рода учителя стали наводнять ее. В Церкви они нашли новую область для приложения своих показных талантов и для завоевания мишурного престижа и выгодных последователей.

Характерные черты лжеучителя (1 Тим. 6,3-5 (продолжение))

В этом отрывке выделены также характерные черты лжеучителя.

1) Он *горд*. Лжеучитель радеет не о том, чтобы показать людям Христа, а чтобы выставить напоказ себя. Еще и сегодня много таких проповедников и учителей, которые пекутся больше о том, чтобы найти себе последователей, нежели подготовить последователей Иисуса Христа, которые более заинтересованы в том, чтобы навязать людям свою точку зрения, чем довести до сознания людей слово Божие. Один шотландский проповедник рассказывал о своем учителе, что его сперва прямо-таки неприятно поразила его манера брать во время лекций листок бумаги, заглядывать в него и потом продолжать лекцию. Однажды, улучшив момент, студент заглянул в такой листок бумаги и увидел там слова: "Пошли свет Твой и истину Твою", и с благоговением осознал, что профессор принес в аудиторию величие и надежду богослужения. Крупный учитель предлагает людям не свою потушенную свечу, а свет и истину Божий.

2) Лжеучитель заражен страстью к состязаниям и словопрениям. Да, есть и такое христианство, которое больше интересуется доказательствами, чем жизнью. Принимать участие в дискуссионном кружке или в группе по изучению Библии, проводить приятные часы в разговорах о вероучении, - это еще не значит быть христианином. Дж. Э. Уэйл в своей книге *Христианское вероучение* посвятил такому приятному умствованию несколько едких слов: "У нас, как сказал Валентин о Турио, "состоялся обмен словами, но не какими-либо сокровищами". Вместо того чтобы снять обувь с наших ног, потому что мы стояли на святой земле, мы делаем хорошие снимки Опаленной Купины с удобных точек зрения, мы болтаем о теориях Дня Очищения, положив ноги на каминную доску, вместо того, чтобы преклонить колена перед ранами Христа". А как это сказал Лютер: "Тот, кто просто изучает заповеди Божий, не очень растроган. Но тот, кто слышит повеление Божие, как может он не почувствовать ужас перед столь необъятным величием". Или как выразился Меланхтон: "Знать Христа - это не значит рассуждать о Его воплощении, а знать Его спасительную силу".

Григорий Нисский нарисовал обличительную картину Константинополя своей эпохи: "Константинополь заполнен механикой и рабами, которые все - мудрые богословы, проповедующие в лавках, мастерских и на улицах. Если вы попросите кого-нибудь разменять вам серебряную монету, он сообщит вам, в чем заключается отличие между Сыном и Отцом; если вы попросите кусок хлеба, вам заодно скажут, что Сын стоит ниже Отца, а если вы поинтересуетесь, готова ли баня, вам ответят, что Сын сотворен из ничего". Утонченные словопрения и расхождения богословские утверждения еще не делают христианина. Такого рода вещи попросту могут представлять собой попытку уклониться от соблюдения требования христианского образа жизни.

3) Лжеучитель разрушает мир в общине. Он инстинктивно видит в каждом человеке соперника; он подозревает всех, кто думает иначе, чем он; если он не может доказать свою правоту доводами, он начинает осыпать бранью богословскую платформу, своего противника и даже его черты характера; в споре в его голосе всегда звучит злоба и резкость, а не любовь. Он так и не может научиться говорить истину с любовью. Источником его обиды и злобы является его самовозвышение, потому что в каждом отклонении от его точки зрения и в критике ее он видит личное оскорбление.

4) Лжеучитель делает религию источником наживы. Он во всем ищет выгоды. В своем учении и проповедовании он видит не призвание, а способ сделать карьеру. Но одно совершенно ясно - среди проповедников слова Божия в Церкви нет места карьеристам. Пасторские послания совершенно ясно указывают на то, что трудящийся достоин своей заработной платы, но движущим моментом его работы должно быть общественное служение, а не личная выгода. Он должен быть одержим не страстью получать, а страстью отдавать, отдавать себя на служении Христу и своим согражданам и собратьям.

6-8

Венец довольства (1 Тим. 6,6-8)

В греческом тексте слово *довольный* переводится *автаркейя*. Это один из главных лозунгов философов-стоиков. Под этим словом они понимали полную *самостоятельность*, или настроение, состояние духа, совершенно независимое от внешнего мира и несущее в себе секрет счастья.

Довольство никогда не является результатом обладания материальными, внешними по отношению к человеку, предметами. Как писал Джордж Херберт:

"Потому что тот, кому нужно пять тысяч на жизнь

Так же беден, как тот, кому нужно лишь пять".

Довольство происходит от внутреннего отношения к жизни. В третьей части пьесы *Генрих шестой* Шекспир рисует короля, бродящего по стране неузнанным. Он встречает двух лесников-егерей и говорит им, что он король. Один из них спрашивает: "Но если ты король, где же твоя корона?" И король отвечает величественно:

"Моя корона - в сердце, не на голове;

Она не украшена брильянтами и драгоценными камнями

Ее нельзя узреть; имя ей - довольство;

Корона редко доставляет радость королям".

Уже в давние времена греческие философы подошли к делу правильно. Эпикур говорил о себе: "Кто не может довольствоваться малым, тому всегда будет недостаточно. Дайте мне ячменную лепешку и стакан воды и я поспорю с Зевсом, кто счастливее". И когда кто-то спросил его о секрете счастья, он ответил: "Не прибавляйте ничего к тому, что человек имеет, а отнимите у него желания".

У иудейских раввинов была поговорка: "Кто богат? Тот, кто доволен своей судьбой". Уолтер Локк приводит модель, по которой воспитывали себя иудейские равви и пример из их образа жизни: "Вот путь закона. Кусочек с солью будешь ты есть, воду ты тоже будешь пить по мерке, и спать будешь на земле и жизнь твоя будет полна волнений и бед, пока ты будешь тяжело работать над законом. Если ты будешь делать это - ты будешь счастлив и тебе будет хорошо, счастлив ты будешь в этом мире, и тебе будет хорошо в мире грядущем". Раввин должен был научиться довольствоваться необходимым. Е. Ф. Браун приводит отрывок из речи крупного проповедника Лакордера: "Опасность нашего времени заключается в том, что никто не знает, как жить малым. Великие мужи древности обычно были бедны ... Мне кажется, что сокращение бесполезных расходов и сохранения, так сказать необходимо - вот столбовая дорога, которая приведет к раскрепощению христианского сердца, как она вела к силе в древнем мире. Внешние перемены и удары судьбы не могут оказать большого влияния на ум, научившийся ценить моральные ценности жизни как по отношению к Богу, так и по отношению к человеку, который может иметь все, но сознательно довольствуется малым. Что касается меня, то мне ничего не надо. Меня больше других тронула идея великой души в маленьком домике".

Нет, христианство не ратует за бедность. Бедность, или постоянная необходимость сводить концы с концами - это не добродетель. Но христианство ратует за две вещи.

Христианство ратует за то, чтобы человек осознал, что материальные предметы неспособны сделать его счастливым. Е. К. Симпсон говорит: "Многие миллионеры, заглушившие свою душу золотой мишурой, умерли от меланхолии". Чувство счастья - это всегда следствие личных отношений. Ничто в мире не может сделать счастливым человека, который не знает ни дружбы, ни любви. Христианин знает, что секрет счастья лежит не в материальных вещах, а в людях.

Христианство ратует за то, чтобы человек сосредотачивал свое внимание на непреходящем. Мы сами ничего в мир не приносим и мы ничего не можем унести из него. Мудрые люди всех эпох и вероисповеданий хорошо понимали это. "Никто не может унести из этого мира больше, чем он принес в него", - сказал Сенека. Греческий поэт выразил это так: "Нагим я вступил в этот мир, нагим же я вновь уйду в землю". Испанцы выразили эту мысль в мрачной поговорке: "У савана нет карманов". Е. К. Симпсон замечает по этому поводу: "Все, что человек накапливает по дороге - это багаж, не часть его личности, а то, что он оставляет позади себя на смертном одре".

Лишь две вещи может человек взять с собой к Богу. Он может и должен взять себя, и поэтому он должен стать таким, чтобы ему не было стыдно явиться к Богу. Он может и должен взять с собой те свои отношения с Богом, в которые он вступил с Ним в дни своей жизни. Мы уже видели, что секрет счастья лежит в личных отношениях, и величайшее из всех личных отношений - это отношения с Богом. И самым важным из всего, что человек может взять с собой, является его абсолютная убежденность в том, что он идет к Тому, Кто является другом его души и Кто любит его душу.

Довольства достигают те, кто перестал быть рабом вещей, кто обрел богатство в любви и дружбе людей и осознал, что самым большим богатством являются отношения с Богом, доступ к которым нам открыл Иисус Христос.

9-10

Опасности, связанные с любовью к обогащению (1 Тим. 6,9.10)

Это один из отрывков Библии, которые чаще всего неверно цитировались. В Писании ничего не сказано о том, что деньги являются корнем всякого зла, в Писании говорится о том, что сребролюбие, страсть к накоплению денег есть корень всякого зла. Эту истину также хорошо осознавали крупные мыслители древности, как и христианские учителя. "Любовь к деньгам, - говорил Демокрит, - средоточие всех зол". Сенека говорил о "желании того, что не

принадлежит нам, от которого происходит всякое злое намерение". "Любовь к деньгам, - говорил Фосилид, - является матерью всех зол". И Платон говорил о "любви к деньгам, откуда начинаются все крупнейшие нарушения закона". А Атеней приводит такую поговорку: "Чревонаслаждение - начало и корень всякого зла".

Деньги сами по себе ни плохи, ни хороши; но жажда денег может привести к злу. С деньгами может человек погрязнуть в эгоистическом удовлетворении своих желаний, с ними же он может ответить на зов о помощи нуждающегося соседа. С ними он может ступить на путь правонарушений греха, с ними же он может облегчить своему ближнему возможность жить по заветам Божиим. Деньги сами по себе не зло, но с ними связана большая ответственность. Они могут очень способствовать добру, но могут и сильно способствовать злу. Ну, а какие опасности навлекает на человека сребролюбие?

1) Сребролюбие обычно обращается в ненасытную страсть. Одна римская поговорка гласит, что богатство подобно морской воде; оно не только не утоляет жажды, а лишь усиливает ее. Чем более человек получает, тем больше он хочет.

2) Сребролюбие зиждется на иллюзии обеспеченности и безопасности; но богатством нельзя купить безопасность. За деньги нельзя купить здоровье, или истинную любовь, и деньги не могут избавить нас от печалей и от смерти. Безопасность, основанная на деньгах, обречена на неудачу.

3) Сребролюбие обычно делает человека эгоистическим. Человек, стремящийся к богатству не считает с тем, что другой должен потерять, чтобы он мог получить. Страсть к богатству ограничивает сферу мыслей человека его собственной персоной, а другие становятся лишь средством или помехой на пути обогащения. Правда, не обязательно все *должно* происходить именно так, но чаще всего именно так все и *происходит*.

4) Хотя сребролюбие и основано часто на стремлении к безопасности и обеспечении, но выливается оно в чувство беспокойства и тревоги. Чем большим человек владеет, тем большее он рискует потерять, и это чувство страха, что он потеряет все, начинает преследовать его. Существует старая притча о крестьянине, оказавшем большую услугу царю, который наградил его большой суммой денег, но настал день, когда крестьянин обратился к царю с просьбой взять назад свой дар, потому что в его жизнь вошло неизвестное ему раньше чувство беспокойства, что он может потерять то, что он имеет. Джон Буньян прав, когда пишет:

Тот, кто находится внизу, не боится упасть,
У человека низкого происхождения нет гордыни;
У смиренного будет всегда Бог проводником.
Я доволен тем, что у меня есть,
Будь то мало или много;
И, Боже, о довольстве я молю Тебя,
Потому что Ты таких спасешь.
Обилие - всегда бремя
Для того, кто отправляется в паломничество,
Здесь немного, зато там - блаженство
Это всегда было лучшим выбором.

5) Сребролюбие легко может привести человека на путь несправедливого приобретения денег и, потому, в конечном счете, к страданиям и раскаянию. Это справедливо даже с чисто физической точки зрения. Страсть получить больше может настолько разгореться в человеке,

что это попросту разрушит его здоровье. Он может слишком поздно осознать вред, причиненный им другим, и мучиться от раскаяния.

Стремиться к независимости и благоразумно откладывать на будущее - это долг христианина; но сделать сребролюбие движущим стимулом жизни - самый опасный грех.

11-16

Призыв к Тимофею (1 Тим. 6,11-16)

Послание заканчивается потрясающим призывом к Тимофею, призывом еще более значительным на фоне умышленной высокопарности слов, в которых он выражен.

С самого начала Павел хочет пробудить в Тимофее рвение, воодушевить его. И он называет Тимофея *человеком Божиим*. Это один из великих титулов Ветхого Завета. Он был дан Моисею. Во *Втор. 33,1* о Моисее сказано: "Моисей, человек Божий". *Пс. 89* называется "Молитва Моисея, человека Божия". Это - титул пророков и посланцев Божиих. К Илии пришел человек Божий (*1 Цар. 2,27*). Самуил характеризуется как человек Божий (*1 Цар. 9,6*). Самей, посланник Бога к Равааму "человек Божий" (*3 Цар. 12,22*).

Здесь это почетный титул. В момент, когда на Тимофея возлагается большая ответственность, Павел не напоминает ему о его слабости и греховности, что могло бы привести его в пессимистическое отчаяние, а бросает ему вызов, давая ему заслуженный им титул человека Божия. Это истинно по-христиански - не подавлять человека, заклеив его потерянными и безнадежными грешником, а воодушевить его, напомнив ему о том, чем он мог и должен быть. Христиане не должны унижать человека, бросая ему в лицо его прошлое, а показать ему во всем блеске и сиянии его потенциальные возможности. Уже то, что Павел назвал его "человеком Божиим", заставит Тимофея распрямить плечи и высоко поднять голову, как человека, получившего поручение своего Царя.

Добродетели и благородные качества, на которые Павел нацеливает Тимофея, не представляют собой беспорядочного нагромождения. Существует определенный порядок в том, как их приводит автор. И первой идет *правда, дикайосуне*. *Дикайосуне* определяли как "отдавать должное и людям и Богу". [У Баркли - праведность, справедливость].

Эта самая важная добродетель; добродетельный, справедливый человек отдает должное Богу и своим согражданам и братьям.

Далее идут три добродетели, которые определяют отношение человека к Богу. *Благочестие, евсебейя*, - благоговение человека никогда не забывающего о том, что вся жизнь его проходит в присутствии Бога; *вера, пистис* означает в данном случае *верность, преданность* - добродетель человека, который через все перипетии и перемены жизни, до самых врат жизни, верен Богу; *любовь, агапе*, - добродетель человека, который, даже если старался, не мог забыть ни то, что Бог сделал для него, ни любовь Бога к людям.

Потом следует добродетель, относящаяся к образу жизни человека: *хупомоне*. В Библии оно переведено как *терпение*, но *хупомоне* никогда не имело ничего общего с сидением со сложенными руками и принятием вещей такими, какие они есть, позволяющему жизненному потоку захлестнуть себя: *Хупомоне* - торжествующее терпение. "Это непреклонное постоянство в вере и в благочестии, вопреки всем несчастьям и страданиям". Это добродетель, помогающая не столько принимать и переносить жизненные перипетии, сколько побеждать и преодолевать их.

И, наконец, добродетель, характеризующая отношение человека к людям. В греческом тексте употреблено здесь слово *паупатейя*. В Библии оно переведено как *кротость*, но оно, собственно, непереводаемо. Оно характеризует человека, которого никогда не возмущают несправедливости, причиненные ему, но которого несправедливости, причиненные другим, могут привести в ярость. Оно характеризует человека, умеющего прощать, но умеющего также бороться за справедливость, человека одновременно скромного и довольного

призванием Божиим. Эта добродетель позволяет человеку всегда правильно относиться к своим согражданам и собратьям и справедливо оценивать себя.

Вдохновляющие воспоминания (1 Тим. 6,11-16 (продолжение))

Павел не только вдохновляет Тимофея на выполнение задач в будущем, но и вдохновляет его воспоминаниями о прошлом.

1) Павел напоминает ему о его крещении и данных им обещаниях. В условиях становления раннехристианской Церкви крещение проводилось только во взрослом возрасте, потому что люди приходили к Христу прямо от язычества. Оно представляло собой исповедание веры и свидетельство перед всеми людьми, что принимающий крещение признает Иисуса Христа Спасителем, Господином и Господом. Самым первым христианским кредо веры было простое признание: "Иисус Христос - Господь" (*Рим. 10,9; Фес. 2,11*). Но уже высказывалось предположение, что за этими обращенными к Тимофею словами лежит такое исповедание веры: "Я верю в Бога Всемогушего, Создателя неба и земли, и в Иисуса Христа, Который пострадал от Понтия Пилата и Который вернется, чтобы судить; я верю в воскресение из мертвых и в жизнь вечную". Вполне может быть, что именно такое кредо веры высказал Тимофей. Таким образом, Павел прежде всего напоминает Тимофею, что он дал обет. Христианин - это прежде всего и в первую очередь человек, давший торжественное обещание Христу.

2) Павел напоминает Тимофею, что исповедал он то же кредо веры, которое исповедывал Иисус. Когда Иисус стоял перед Пилатом, Пилат спросил Его: "Ты Царь Иудейский?" Он сказал ему в ответ: "Ты говоришь" (*Лук. 23,3*). Иисус засвидетельствовал, что Он - Царь, и Тимофей всегда свидетельствовал, что Христос - Господь. Когда христианин исповедует свою веру, он делает то, что уже сделал его Господь, когда христианин страдает за свою веру, он повторяет путь своего Господа. Когда мы заняты важным делом, мы можем сказать: "Мы ступаем там, где ступали святые", но когда мы исповедуем нашу веру перед людьми, мы можем сказать даже больше: "Я в хороших отношениях с Иисусом", и это, несомненно, должно вдохнуть радость в наши сердца и наполнить духом нашу жизнь.

3) Тимофей должен помнить, что Христос придет вновь. Он должен помнить, что жизнь его должна быть достойной того, чтобы Христос посмотрел на нее. Христианин старается не для того, чтобы подражать людям; он прилагает усилия, чтобы выполнить требования, предъявляемые к нему Христом". Христианин всегда должен задавать себе один вопрос: "Достаточно ли хорошо я поступаю, чтобы удовлетворить требования Христа?", а не спрашивать себя: "Достаточно ли хорошо я поступаю, чтобы удовлетворить требования людей?"

4) Но превыше всего Тимофей должен помнить Бога. И что же он должен помнить? Он должен помнить Царя Царствующих и Господа господствующих; Того, Кто имеет дар бессмертия, чтобы дать его людям; Того, на святость и величие Которого никто не смеет взглянуть. Христианин всегда должен помнить Бога и говорить: "Если Бог за нас, то кто против нас?"

17-19

Совет богатым (1 Тим. 6,17-19)

Иногда мы думаем, что раннехристианская Церковь состояла исключительно из бедных людей и рабов. Из этого отрывка же мы видим, что уже в те первые времена в ней уже были и богатые. Павел не осуждает их за их богатство и не велит раздать его совсем, он советует, что следует с ним сделать и чего с ним делать не следует.

Богатые в этом мире не должны возгордиться своим богатством. Они не должны думать, что они лучше других людей, только потому, что у них больше денег, чем у других. Ничто в этом мире не дает человеку право смотреть на других сверху вниз, и уж меньше всего

богатство. Богатые не должны возлагать на свое богатство какие-либо надежды. В жизненных перипетиях и переменах человек, богатый сегодня, может быть завтра бедным, и глупо уповать на то, что может быть утеряно так просто.

Павел советует им делать добрые дела своим богатством: они должны быть щедрыми - всегда готовыми поделиться с другими своим богатством, и общительными - всегда помнить о том, что христианин - член братства. И, говорит Павел, такое мудрое употребление богатства явится хорошим основанием для будущей вечной жизни. Как выразился кто-то: "То, что я имел - я потерял, то, что я отдал - я имею".

Есть знаменитая иудейская раввинская история. Человек по имени Монобаз унаследовал большое богатство, но он был добрым, хорошим и щедрым человеком и в голодный год раздал все свое богатство, чтобы помочь людям. К нему пришли его братья и сказали ему: "Твои родители собирали себе сокровища и прибавляли к унаследованному ими новое, а ты хочешь выбросить все на ветер?" Он же ответил им: "Мои родители собирали свои сокровища здесь, а я собрал себе сокровище там; мои родители собирали сокровище мамоне, я же собрал сокровище для души. Мои родители собирали сокровища века нынешнего, я же собрал сокровище мира грядущего".

Каждый раз, когда нам представляется возможность дать, и мы не воспользовались такой возможностью, уменьшается наше сокровище в мире грядущем, а каждый раз, когда мы даем, увеличивается собранное для нас сокровище в мире грядущем.

В основе христианской этики лежит не идея о том, что богатство есть грех, а идея о связанной с ним огромной ответственности. Если богатство человека служит лишь его гордыне и обогащает лишь его самого, оно становится его гибелью, потому что оно обедняет его душу. Но если он употребляет его для помощи другим и для утешения других, он становится беднее, но воистину он богаче. Во времени и в вечности "дающий всегда счастливее берущего".

20-21

Вера, которую надо передать другим (1 Тим. 6,20.21)

Очень даже может быть, что здесь имя Тимофей употреблено в своем истинном и полном значении. Оно происходит от двух слов: *тиман*, *читать*, *почитать* и *теос* - *Бог* и означает буквально *тот, кто почитает Бога*. Вполне возможно, что Павел начинает этот абзац напоминанием Тимофею об истинном значении его имени и призывает его быть верным ему.

Павел призывает Тимофея *хранить* доверенное, переданное ему. При этом Павел употребляет греческое слово *паратеке*, что в буквальном смысле значит *вклад*, *залог*. Этим словом называют деньги, отданные банкиру или другу. Когда эти деньги требовали возвратить, считалось священным долгом полностью возвратить их. Иногда детей называли *паратеке*, священным залогом. Если боги давали человеку дитя, человек должен был вернуть его богам обученным и подготовленным.

И христианская вера представляет для нас нечто подобное, нечто такое, что мы получили от наших предков и что мы должны передать нашим детям. Есть известное высказывание св. Винсента из Лере: "Что подразумевается под *паратеке*, залогом! То, что поручено тебе, а не то, что ты изобрел сам; то, что ты получил, а не то, что ты придумал (сделал); дело не острого ума, а познания; не частное мнение, а общественная традиция, общенародное предание; дело, которое было принесено тебе, а не создано тобою, дело, в котором ты должен быть не инициатором, а хранителем, ни лидером, а последователем. Храни залог, держи дар веры в целостности и сохранности: храни вверенное тебе и передай это в том же виде. Тебе дано было золото, отдай тоже золото".

Человек должен помнить, что на нем лежит ответственность не только за себя, но также за его детей и за детей его детей. Если в наше время Церковь будет ослабевать, если

христианская этика будет все больше и больше погрязать в мирском, если христианскую веру будут извращать и искажать, то потеряем от этого не только мы, но и грядущие поколения будут лишены чего-то бесконечно ценного. Мы не только обладатели веры, мы - ее хранители. То, что мы получили, мы должны передать дальше.

И, наконец, Пастырские послания осуждают тех, кто как гласит Библия, предались "прекословиям лжеименного знания". Во-первых, следует отметить, что греческое слово *гносис* здесь действительно употреблено в своем первоначальном значении и значит просто *знание*. Собственно, Павел осуждает ложное умствование и ошибочную переоценку человеческого знания.

Но что подразумевает автор под словом *прекословия*! В более поздние времена появился один еретик по имени Маркион, написавший книгу под названием "Антитеза", в которой он приводит цитаты из Ветхого Завета и параллельно - открыто противоречащие им цитаты из Нового Завета. Вполне возможно, что Павел хотел этим сказать: "Не теряйте понапрасну время, выискивая противоречия в Писании. Живите по Писанию, а не делайте его предметом споров". Но, возможно, в этом слове заключены еще два значения.

1) Слово *антитеза* может значить также *дискуссия, полемика*, и тогда фраза будет значить: "Не полемизируйте, не позволяйте увлечь себя в бессмысленные и ожесточенные дискуссии". Такой совет был бы очень кстати тогда греческой церковной общине в Ефесе. Греки чрезвычайно любили судиться и ходить по судам. Они даже носили бы в суд с жалобой на своего родного брата, просто из интереса и ради удовольствия. Эта фраза также могла значить: "Не устраивайте из Церкви ристалище для богословских споров и рассуждений, о христианстве нужно не спорить, им нужно руководствоваться в жизни".

2) Слово *антитеза* может также означать *контраргумент*, противопоставление. И, очень возможно, что это ближе всего к истине, потому что это подходило и для иудеев и для язычников. В более поздние времена схоластики любили спорить по вопросам вроде таких: "Сколько ангелов может поместиться на кончике иглы?" И иудейские раввины могли часами, днями и даже годами спорить по мелочным вопросам своего закона. И греки были такими же спорщиками, только у них это принимало более серьезный оборот. Была в Греции одна философская школа, и даже очень влиятельная, - Академия. Представители этой школы считали, что в сфере человеческого мышления можно логическими доводами обосновать любой вопрос взаимоисключающими посылками. И потому, заключили они, не существует абсолютной истины; по любому вопросу можно высказать две равносильные гипотезы. И, продолжали они, коль это так, мудрец никогда не может принять окончательного решения, а всегда принимать условное решение и довольствоваться этим. Это, конечно, приводило в бездействие и в состояние полной неуверенности. И потому Павел говорит Тимофею: "Не трать свое время в изысканных дискуссиях, не растрачивай свое время в диалектическом жонглировании, не пытайся быть шибко умным. Прислушивайся к ясному и недвусмысленному голосу Божьему, а не к утонченным диспутам умных".

Таким образом, письмо заканчивается предостережением, которое крайне уместно и по отношению к нашему поколению. Умничанье и рассуждения никогда не могут быть заменой христианского деяния. Христианин должен не сидеть в рабочем кабинете, взвешивая доводы за и против, а вести христианский образ жизни в мирской пыли и духоте. В конечном счете, важны не умничанье человека, а его поведение и характер.

И после этого идет последнее благословение - "Благодать с тобою". Письмо завершается указанием на чудо милосердия Божия.